

На пути к вершинам...

Наш земляк в двадцатилетнем возрасте, в 2004 году, стал победителем проходившего в Ташкенте первенства мира по самбо. А в 2005 году на первенстве Европы по самбо, проходившем в сербском местечке Самбор, где участвовали 300 самбистов из 17 стран, нальчанин Тимур Тливасов продемонстрировал самую быструю победу – за 7 секунд. На чемпионате ЮФО в Армавире в 2006 году он занял первое место и стал чемпионом Юга России. В 2006 году окончил юридический факультет Кабардино-Балкарского университета и в настоящее время готовится к чемпионату России, который будет проходить в г. Кстове Нижегородской области в феврале 2007 года.

Как признается Тимур, в 8-летнем возрасте он попросил отца записать его в секцию каратэ – очень модным тогда был этот вид спорта. Однако отец рассудил по-своему и отдал сына на дзюдо. «Я тогда, честно говоря, не особо отличал один вид единоборства от другого, но понимал, что что-то не так, – рассказывает Тимур. – Поначалу мне дзюдо не совсем понравилось, но затем постепенно привык, в чем немалая заслуга моего тренера Николая Попова, у которого я был одним из первых учеников. Два года мы занимались в подвале одной из пятиэтажек и только потом перешли на стадион «Спартак». До 2001 года тренировался под руководством Попова, совмещая выступления на турнирах по дзюдо и самбо, затем перешел к Сефу Нирову. В дзюдо два раза подряд выиграл первенство юга России, побеждал на международных и всероссийских турнирах, а в самбо стал бронзовым призером первенства России в 1999 году. Николай Попов основной упор делал на самбо и, как видите, эта ставка оказалась оправданной».

Жанна Кандорова

ФОУСАТ БАЛКАРОВОЙ - 75 ЛЕТ

*Григорий ЛЕВИН,
поэт, литературный критик,
член Союза писателей РФ
Москва*

ПУТЬ ПОЭТА

Поэта можно узнать по двум строкам: так велика емкость поэтического образа. Слово в стихотворении единственно, но множественны ассоциации, вызываемые им. Фоусат Балкарова – первая кабардинская поэтесса, продолжающая традиции народного творчества, пишет об Эльбрусе:

Но вот к его вершинам я пришла,
Щекой прижалась – сердцем отошла.
И словно мать, чья грудь всегда тепла,
Гора мне свою силу отдала.
С тех пор всегда гляжу издалека
На две вершины, полных молока.

Это и стихи о горной вершине, удивительные по смелости и своеобразности поэтического образа, это и стихи о силе материнской любви. Но еще в большей степени – о матери-Родине, которая переливает в нас свою силу.

Сравнить горы со всадниками, что «натянули поводья суровые», может только человек, для которого родная природа сродни родному дому. «Здесь, на вершине, светло мне и ясно», – пишет Фоусат. И опять-таки образ воспринимается как бы в двух планах: вершина в прямом смысле слова и вершина как высшая точка человеческих устремлений.

Кабардинка Фоусат Балкарова родилась в селении Кишпек Баксанского района КБССР, в семье колхозника. Шести лет уже поступила в школу, а сочинять стихи стала еще до того, как научилась грамоте: ее

вскормили и вспоили песни родных гор. Окончив неполную среднюю школу (тогда там не было средней), Фоусат стала в той же школе учительницей. Одновременно поступила в Нальчикское педагогическое училище на заочное отделение, а позже и в пединститут. Работала она и секретарем сельского Совета в родном селении. Глубоко связанная с жизнью родного народа, хорошо зная его нравы и обычаи, Фоусат становится консультантом группы сокультуры в Совете Министров КБАССР.

В 1957-1960 годах Фоусат учится очно в Москве в Литературном институте им. А. М. Горького. А после его окончания (с отличием) работает в журнале «Ошхамахо». В 1959 году Фоусат принимают в Союз писателей СССР. Она оканчивает аспирантуру КБГУ и завершает работу над диссертацией на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Становление кабардинской драматургии» и становится научным сотрудником Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики, где проработала десять лет.

В 1946 году газеты «Кабардинская правда» и «Къэбэрдей пэж» впервые опубликовали ее стихи. «Шу» («Всадник»), положенное тогда же на музыку, получило в Кабарде широкую популярность. А также ее несколько стихотворений было напечатано в альманахе «Къэбэрдей» («Кабарда») № 2 в 1947 году.

В 1958 году выходит из печати первый сборник стихов и поэм Фоусат – «Нэхуш» («Рассвет»). Затем книги – «Нет краше милой», «Стремя мечты», «Струны солнца», «Подари мне улыбку», «Рука друга», «Зари хрустальный звон», «На Родине все камки – золото» и другие. Все изданные Фоусат книги на кабардинском языке были переведены на русский и изданы в Москве в разное время и в разных издательствах. В том числе: «Капля солнца», «Самое сокровенное», «Дочь Кавказа», «Горный напев», «Вышиваю небо», «Песня на скале», «Ожидание чуда», «Непокоренная вершина» и другие.

Стихи Фоусат переведены не только на языки народов СССР, но также на английский, арабский, венгерский, испанский, немецкий, польский, турецкий, чешский и другие. А в Хельсинки на Всемирном фольклорном фестивале песня Умара Тхабисимова на слова Фоусат Балкаровой «Танцую с любимой» получила первую премию, и в Финляндии сейчас поют ее на финском языке как любимую песню народа.

Любопытен и такой факт: после окончания Литературного института Фоусат уже в Нальчике получила письмо из Венгрии, где было написано: «Дорогая Фоусат Балкарова! Я – поэт венгерский и переводчик с русского языка, листая журнал «Крестьянка», встретил Ваши стихи. Они мне очень понравились, особенно «Ты не спи весенними ночами». Это стихотворение я перевел на венгерский язык и отнес в Союз композиторов, где объявили конкурс на музыку к этому прекрасному стиху. Из 15 композиторов победу одержал Йожеф Палинкаш, и в его исполнении мы Вам вышлем пленку этой песни. Если бы Вы ничего не написали,

кроме этого стихотворения, и то Вы были бы большим поэтом. Но я уверен, что у Вас есть еще много таких стихов.

*Антал Сатмари
Будапешт».*

И песня зазвучала по-венгерски. Это очень знаменательно: стихи Фоусат музыкальны в самой своей основе. Не случайно многие из них стали песнями в Адыгее, Кабарде, Черкесии и др.

Разносторонне работает в родной литературе Фоусат. В 1964 году Кабардинский государственный драматический театр поставил ее первую пьесу «Вина не прощается». Затем и другие. Фоусат выступает и с критическими статьями. Она обогащает родную литературу переводами произведений писателей многих стран и народов.

Ключом к пониманию поэзии Фоусат могут послужить слова одного из классиков советской литературы Всеволода Иванова, сказанные при первом знакомстве его с творчеством кабардинской поэтессы во время защиты ею диплома в Литературном институте: «Это – работа подлинного, превосходного поэта... В стихах ее много национального, своеобразного, трогательного, грустного и в то же время героического. А какая милая, свежая любовь к своей стране!»

Голосом Фоусат Балкаровой говорит женщина-горянка, которой открыт путь к знаниям, к всемирной культуре, к активной созидательной деятельности. И наполнено ее существование глубоким смыслом. Этот новый – сильный и нежный, гордый и преданный – характер горянки, глубокий мир ее чувств и нашел выражение в поэзии Фоусат. Счастливая, полнокровная жизнь, радость бытия, глубочайшая любовь к родной земле, братские чувства уважения и любви к другим народам, сочувствие людям мира, борющимся за новую, достойную человека жизнь, высота материнского подвига, следование героическим традициям отцов, нежнейшее отношение к детям, мечта о любви, основанной на взаимности мыслей, чувств, устремлений, – все это в совокупности и составляет поэтический мир Фоусат. Эти черты сочетаются в ее поэзии с непримиримостью ко лжи, трусости, подлости, жадности. Героиня стихов и поэм Фоусат Балкаровой ощущает себя ответственной за все в мире, главное для нее – принести людям радость, быть им полезной.

Понимание драматичности жизни, ее сложности и противоречивости, борьбы в ней нового и старого придает оптимизму Фоусат, ее глубочайшей вере в жизнь убедительность и силу, влияние на многочисленных ее читателей. Грусть и радость, улыбка и слеза, верность и ложь составляют особый сплав, передающий многогранность жизни.

Произведения Фоусат активно воздействуют на воспитание молодого сознания нашего современника. Исполненная высокого чувства человеческого достоинства поэзия Фоусат показывает каждому: каких бы испытаний ни была исполнена жизнь, если сам человек умеет понимать ее истинную ценность, от перенесенных испытаний жизнь становится как бы полнее, значительнее. Еще более ценишь ее подлинную, внутреннюю сущность – возможность творить, любить, радоваться всему

прекрасному, чем дарит тебя жизнь.

Поэм, напечатанных на русском языке в переводе с кабардинского языка, у Фоусат более восемнадцати. В том числе давно известные: «Фарида», «Ишу тебя, отец», «Меж двух огней». «Лай собак», «Поседел тогда Эльбрус», «Серебряное кольцо», «Джигиты» и другие. В этих поэмах поднимаются разные злободневные темы, большие социальные вопросы, отношения детей с родителями, и особо вопрос женщин-кабардинок. Восемь из них посвящены Великой Отечественной войне, показанной в разных глубочайших интерпретациях.

В небольшой статье невозможно детально рассказать об этих великодушных поэмах. Это требует особой, большой работы, большого разговора. Фоусат хорошо чувствует свою корневую связь с народом, свою основу. Нас глубоко трогает поэзия новой, свободной семьи, основанной на любви, дружбе, взаимопонимании. Уважение друг к другу, ненавязчивая забота, сдержанная, благородная нежность. И особое уважение к старшему в семье – опоре в минуты испытаний, надежному защитнику, труженику и умельцу, олицетворению честности, прямоты, мужества, примеру верного служения Родине, выполнения своего долга.

Несколькими словами умеет Фоусат передать пусть будничное, привычное, но особое какое-то ощущение чистоты, опрятности, порядка, которое неразрывно связано для нее с отцом, с матерью, с воспоминаниями детства. На родной народ, на родную землю переносит Балкарова чувство, которое сохранилось у нее к родителям. Она не забывает о долге, признательности, о необходимости воздать добром за добро. Понятие родословной расширяется. И оттого так естественно возникает в ее поэзии образ – «дочь Родины».

Я не знаю другого поэта, у которого были бы так тесно слиты понятия Родины, семьи и народа, у которого понятие личной родословной в такой мере переходило бы в понятие родословной народа, как у Фоусат Балкаровой. Она много пишет о родной природе. О горах, которые олицетворяют для нее вершинность самой жизни, человеческого подвига. О солнце, которое само радость жизни, ее цветение. О небе – не отдаленном, а совсем близком, как потолок, как крыша родного дома.

Всему миру доверчиво раскрыто доброе, щедрое сердце поэта. В сущности, приобретаешь, только даря. И Фоусат дарит людям свою радость жизни, которая ей введома.

Один из главных мотивов поэзии Балкаровой – мотив любви. «Я открыла любовь», – говорит Фоусат. И в самом деле – она открыла для себя и для своего читателя любовь как чувство порою трудное, идущее через преграды и препятствия, но – неотступное. Чувство любви у нее требовательное, гордое чувство.

Кабардинка Фоусат Балкарова с радостью и гордостью носит сегодня заслуженно присвоенные звания «Народный поэт Кабардино-Балкарской Республики», «Лауреат Литературной премии Союза писателей Российской Федерации», является действительным членом Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук.

Вот так работает замечательный поэт нашей современности, первая женщина-поэт адыгской нации, глубоко человеческая, высокоталантливая Фоусат. Она с открытой душой идет навстречу своему читателю. А читатели отвечают ей взаимным уважением и признательностью.

* * *

Фоусат БАЛКАРОВА

Матери

Полно кручиниться, милая мама,
Старую, горькую гыбзу не пой.
Складки морщин, как глубокие шрамы
Лоб твой изрезали сетью густой.

Счастья в девичестве ты не знавала,
Переступив через мужнин порог,
Кожу с утра на чувяки ты мяла,
Молча снося за попреком попрек.

Ты о свободе любви так мечтала!
Кто-то грустил за далеким плетнем, –
В косу твою белоснежную прядкой
Смолоду врезалась память о нем.

Молча, с постылой судьбою не споря,
Гыбзы для дочери пела ты, мать...
Я улыбалась в своей колыбели...
Старую песню поешь ты опять,

Внучку глазастую в люльке качая,
Ты вспоминаешь опять о былом.
Мама, забудь эту песню, родная,
Песни иные мы нынче поем.

Долго ты пела ее неустанно.
Дом твой сегодня счастья полон.
Жизнь твои слезы соленые, мама,
Бережно вытерла белым платком.

Капля солнца

Теплый полог сбросила с постели,
Краснощеким утром стала ночь.
Солнечные капли заблестели
Между век, что приоткрыла дочь.

Красотою утра очарована,
Выйду в пробуждающийся сад.
Там на маках, розовых, багровых,
Солнечные капельки блестят.

В разноцветьи, в щедром птичьем свисте
Смотрят на меня глаза весны.
А в росе, как бусинки на листьях,
Солнечные капельки видны.

То ли мне на радость, просто так ли,
Небо подняло ресницы дня.
И сверкают солнечные капли,
Отражаясь в сердце у меня.

Рассказы стариков

Предания исчезнувших веков,
И доблесть дней минувших,
И тщета!
Я слушаю
Рассказы стариков,
И словно вижу
                  отблески клинков,
И словно слышу
                  лязганье щита,
И посвист стрел,
И ржанье скакуна,
Вороний грай,
И волка сиплый вой!
О ты,
Моя прекрасная страна,
Как много лет
                  кровавая луна
Из черных туч
                  всходила над тобой!
Как много повидала ты врагов!
Они сюда рвались
Со всех сторон!
Но где они?
Суд времени суров,
И в медленных рассказах стариков
Ни лиц не угадаешь, ни имен!
О них в ночи
Не шепчет тишина,

И камни их
Не сохранили след.
Но помнятся донныне имена
Тех,
Кто тебя
В тяжелый час, страна,
Как мать, укрыл
Щитом своих побед!
Кто уходил,
Не тратя лишних слов,
На тяжкий бой,
Доспехами звеня!
Они живут в рассказах стариков,
И доблесть их, и к Родине любовь
Еще сильнее делают меня!

Подари мне улыбку

Подари мне улыбку, рассвет.
Я творю человеческий след.
Ведь пока не затеплился ты
Новым днем с голубой высоты,
Мне казалось, что близко беда,
Что глаза мои пьют темнота.

Подари мне улыбку – свой луч,
Солнце! Брови угрюмые туч
Пусть не скроют лица чистоту,
Влюблена я в твою доброту,
Как подсолнух своей головой,
Сердцем следую я за тобой.

Подари мне улыбку, мой друг,
Делим жизнь мы – любовь и недуг,
Радость общей улыбки – вдвойне
Греет сердце в счастливом огне.
Пусть задуть не удастся пурге
Пламя нашей любви в очаге.

Подари мне улыбку свою,
Моя Родина, –
В отчет краю
Я твою украшаю весну,
Первой ласточкой взмыв в вышину.
Буду жить, твою совесть храня,
Я в борьбе до последнего дня.

Подарите улыбку мне, –
Вас
Воспеваю я, люди, сейчас.
Воплощаются жизни людей
В строки песни любимой моей.
Подарите улыбку мне, –
Вам
Я за это все силы отдам,
Душу всю,
А в душе воплощен
Утра горного чистый озон...

...Улыбайтесь друг другу всегда,
Чтоб не тронула сердце беда.
Улыбайтесь, и будет забыт
Скорбный голос далеких обид.

Улыбайтесь друг другу всерьез,
Чтоб не стало причины для слез.
Ну, а если прольется слеза, –
Лишь от счастья! Иначе нельзя!

Слезы счастья и счастье слезы, –
Радость радуги после грозы!..

Магомед КУЧИНАЕВ**БОЛЬШАЯ БАЛКАРИЯ***Главы из романа***XIX**

Поздней осенью, когда горцы, завершив свои дела, находились дома, в селе, из Нальчика в Большую Балкарию приехал начальник Горского участка поручик Коршунов с двумя милиционерами. Так уж принято – чиновники, приезжающие в горы по государственным делам, останавливаются в доме старшины, и на этот раз обычай не был нарушен и Коршунов со спутниками стали гостями дома Карабиевых.

И вскоре по селениям Большой Балкарии стали разъезжать глашатаи, которые объявляли народу о том, что завтра, после выгона, у правления созывается общий сход, на сходе будет решаться какой-то очень важный вопрос, из Нальчика приехал сам начальник участка Коршунов. К ужину эта весть дошла до каждого горского дома, возбуждая любопытство и рождая разные догадки и пересуды.

На следующий день после выгона народ со всех сторон потянулся к селению Косфарты, где располагалось правление. Жизнь – штука сильная: сколько времени уже прошло с тех пор, как сказано: «Все – и князья, и уздени, и кулы – равны перед законом», ан нет, не получается – жизнь распоряжается по-своему, она по-прежнему делит народ по сословному признаку. Вот и здесь, на сходе, люди бийских фамилий кучкуются отдельно, кулы – тоже. Представители бийских домов сгруппировались по одну сторону от дверей правления. Кулы, бедняки, люди, не пользующиеся в обществе особым влиянием, вперед не лезут, стоят у ворот, позади всех. И биев, и кулов в Большой Балкарии не так уж и много. Семей кулов в каждом селе не более трех-четырёх. Столько же, наверное, бедных из узденей, которых мало кто отличает от кулов. А бии живут только в трех селениях – в Косфарты, в Кюннюме и в Ышканты. Всего-то шесть бийских рода по три-четыре семьи. Весь остальной народ – уздени, вольные люди, никогда не находившиеся в личной зависимости от кого бы то ни было. Таким образом, подавляющее большинство собирающегося на сход народа – это уздени. Правда, жизнь и узденей нелегка, многие на грани бедности, но зато никто никого из них не может оскорбить, назвав кулом. И в то же время некоторые семьи из узденей настолько разбогатели и набрались сил в последнее время, что не только многим узденям, но и биям с ними не потягаться. И что удивительно – чем больше становится народу в Большой Балкарии, чем

острее ощущается нехватка земли, тем быстрее набираются сил отдельные семьи, расширяются их владения, увеличивается поголовье скота. У Мусуковых, у Сабыровых, к примеру...

Вот, наконец, и из Кашхатау приехали человек двадцать, и Крым поднялся на ступени.

– Сколько человек должно было прийти из каждого села, сколько пришло – старост сел прошу доложить об этом! – крикнул он в толпу, давая этим знать, что пора начинать сход.

Старосты сел один за другим подходят к Крыму, докладывают и вновь возвращаются на свои места. Обменявшись несколькими фразами с Коршуновым, Крым вновь обратился к народу:

– На сход должны были явиться 480 человек, а пришли, считая и кашхатауцев, 360 человек. Что делать – начинать сход или еще немного подождем?

– Начинать, начинать!

– Кто хотел – тот уже пришел!

– Еще чего! Кто-то будет дрыхнуть, а я его здесь буду ждать! Начинай!

– Мы сегодня собрались по одному, но очень важному делу. Дело в том, что наместник Кавказа распорядился, чтобы впредь народ сам избирал старшину.

Тотчас же толпа оживилась, пошли разговоры, стало шумно. Крым поднял руку и, когда шум утих, продолжил:

– Но, прежде чем выбрать старшину, надо хорошенько подумать. А то у нас есть и такие – у себя дома порядок не могут навести, а лезут верховодить народом. Старшина должен быть человеком грамотным, уважаемым всем народом, из авторитетного рода, да чтоб у него было достаточно времени для занятия общественными делами.

– А где нам взять такого горца – чтоб и грамотным был, да и дома никаких дел у него не было?

– Тогда скажи прямо – изберите меня. И все!

– Змея мяту не любила – а она все у нее под носом вырастала! Так и у нас получается: судья повернись – бий, туда повернись – бий!

Слова эти, сказанные бедняками и кулами, до Крыма не доходили, но он был недоволен шумом в задних рядах схода.

– Аланы, потише, дайте договорить! – крикнул он, и толпа притихла.

– Если кто-то хочет предложить кандидатуру на должность старшины, пусть выйдет вот сюда, на ступеньки, чтобы его слышал весь народ. А потом, когда завершится выдвижение кандидатов, проголосуем. Кто наберет больше голосов – тот и будет старшиной. Кто хочет высказаться?

Такого в Большой Балкарии еще не бывало – чтоб старшину, проводителя народ сам себе выбирал! В это трудно и поверить, но как не верить, коль все это происходит у тебя на глазах!

– И мы можем выбрать кого хотим? – громко спросил кто-то у стены.

Это был Гитче из Кадыровых.

– Конечно. Кого вы считает подходящим! – ответил Крым.

– И Гитче из Кадыровых? – послышался голос.

Это был Токлу из Карабашевых, сын Ако. В толпе засмеялись. Еще бы – кто, интересно, удержится, не засмеется, если предложить поставить во главе всей Большой Балкарии известного всем бездельника-бедняка?

– Давайте шутить будем потом, а сейчас займемся делом, – сказал Крым. – Кто хочет слова?

– Ишь ты, сволочь, – «шутить будем потом!» – не выдержал стоявший рядом с Гитче Мухажир из Курмановых из селения Зылгы, сын Солтана, такой же бедняк, как и Гитче. – Если б у тебя было хотя бы 500 овец, он наверняка так не сказал бы.

– Еще бы!

– Беднякам везде дороги нет.

На ступеньки поднялся Зульфугар из Залимхановых из селения Косфарты.

– Аланы, – довольно громко крикнул он, и сход притих. – Человек, который в настоящее время исполняет нелегкую работу старшины, – он и уважаем всеми, и на войне свое мужество показал, и дело умеет вести. Мне кажется так – если Крым останется на месте, это будет правильно, лучшего старшину нам не надо, если вы согласны! – И с этим, не спеша, Зульфугар достойно прошагал к своему месту.

– Тебе-то – конечно!

– Дай Аллах тебе столько добра, насколько Крым хороший человек!

– Волк в одежде – что, кроме него уже и человека нет в Большой Балкарии, что ли?

Так, вполголоса, говорили меж собой на задворках кулы и бедняка. Не дай бог, услышит чужой и донесет Крыму – житья не будет, хоть из села уезжай!

Раздвигая толпу, вышел Мырза из Цораевых из селения Сауту и поднялся на ступеньки.

– Аланы! – сказал он, – сперва я хочу выразить нашу глубокую благодарность всеми нами любимому царю и всем нашим начальникам, работающим под его рукой, за их разумное решение – дать народу возможность самому избрать себе старшину. Тысячу лет им жизни! Да возлюбит их Аллах так же, как и они нас, да позаботится о их благополучии так же, как и они заботятся о нашем!

Люди зашущукались, не зная, как оценить слова Мырзы – всерьез ли он говорит, или же насмехается?

– Очень правильно он сказал!

– Очень правильно, оллахий! Пусть Аллах позаботится о них точно так же, как и они заботятся о нас!

– Что он сказал? – спросил Коршунов, видя возбуждение толпы, вызванное словами Мырзы.

– Выражает благодарность царю-батюшке и правительству за столь

высокое доверие и честь, оказанные народу, – пояснил Крым.

– Это хорошо, – ответил Коршунов.

– У меня нет никаких претензий к Крыму, ни к тем нашим джигитам, которые работали на этом месте и до него, – продолжал Мырза, приступая к сути. – Они работали добросовестно, в обществе пользуются уважением. Но в то же время, Аллах знает, может быть, есть люди, которые будут работать еще лучше, чем они? В правлении есть писарь, и не обязательно старшине быть грамотным. Лишь бы он был умным, уважаемым человеком, способным поднять народ ради дела, удобного всему обществу. Ахмат из Мусуковых – один из таких наших джигитов. По-моему – он будет хорошим старшиной, если вы согласны, конечно. – Сказав это и не глянув даже в сторону Крыма, Мырза сошел со ступеньки и втиснулся в толпу, пробираясь к своему месту.

А Крым тут же вспомнил, что в позапрошлом году охранник их, Карабиевых, леса ранил теленка Мырзы. И понял, что Мырза не забыл и не простил этого. Но все равно был удивлен такой храбростью Мырзы – как-никак Крым все еще старшина, да и бий, к тому же, что ни говори. А Мырза здесь, у всех на виду, расхвалив заклятого врага Карабиевых, оскорбил этим Крыма. А ведь он, Мырза, не ребенок, знает, что говорит, что делает. Ладно – Крым тоже не такой дурачок, чтобы не понимать этого, чтобы забыть, простить такое. Но сейчас, конечно, не время...

– Хочет еще кто-то выступить? – спросил он, изо всех сил стараясь говорить спокойно, чтобы скрыть ярость, закипевшую в груди.

– Если позволите, я хотел бы сказать несколько слов, – к ступенькам подошел Ахмат-хаджи из Мисировых.

Толпа тотчас же притихла. В Большой Балкарии нет человека, который не знал бы Ахмата-хаджи, главу тѐре. Не только младшие, но и старшие по возрасту относятся к нему с особым уважением. Хаджи был в Мекке и в Медине, в Стамбуле и Багдаде, имеет много друзей в Дагестане и в самой Темирхан-Шуре, его знают и уважают во всех пяти ушелях Балкарии.

– Братья мои! – сказал хаджи и стало тихо-тихо. – Большая Балкария всегда славилась именами своих мудрых мужей и храбрых джигитов – мы не должны этого забывать – ни тогда, когда находимся у себя дома, ни тогда, когда находимся вдали или вблизи от родных гор, ни в большом, ни в малом деле. А дело, за которое мы сегодня взялись – не маленькое, большое дело: мы выбираем того, кто будет над всеми нами, кто будет таматой всей Большой Балкарии. За такое дело мы беремся впервые – да начнем его в добрый час!

Собравшиеся одобрительно зашумели:

– Аминь Аллах!

– Аллахым Аминь!

– Если б все это происходило в давние времена, то мы выбрали бы таматой одного из таких людей, умудренных опытом жизни, как Науруз из Аланбиевых или Хаждауют из Карабиевых, – продолжил Ахмат-хаджи. – Но сейчас времена иные. Если наш тамата не будет знать русского

языка и не сможет разговаривать с начальниками – неудобно, не украсит нас и то, если он окажется неучем, не сможет ни читать, ни писать, да и стариком, как я, ему быть нельзя – надо ведь и туда поехать, и сюда успеть. А самое главное – он должен быть добрым человеком, чтоб не делил народ на князей и кулов, на богатых и бедных, а любил бы всех одинаково и всем желал бы добра. А если есть дело, которое надо сделать для своего народа, то пусть он, если надо, по этому поводу дойдет и до самых больших начальников, а может быть и до самого царя. Вот такой человек нам нужен.

– Оллахий, молодец, хаджи!

– Ничего себе! Откуда же нам взять такого человека!

– Значит, хаджи, мы должны обратиться к самому Аллаху, чтобы он воскресил Мухаммеда-пророка и послал его к нам старшиной!

Кое-где послышались и смешки. А хаджи спокойно дождался тишины и продолжил:

– Эх вы, как можете говорить так, не боясь греха – в Большой Балкарии, по-вашему, нет ни одного стоящего мужа! Да убережет нас Аллах от такого дня, когда произойдет подобное! Если хотите, я сейчас же назову вам имена десяти таких джигитов. Но я назову вам имя только одного из них, и если он, по вашему мнению, не подойдет – тогда поступайте как хотите.

– Говори, говори!

– Кто же этот святой, хаджи?

– Говори, говори, хаджи!

Наконец голоса стихли и хаджи вновь заговорил:

– Как вы не можете вспомнить Исмаила, сына Науруз-бия? Грамоту знает? Знает. С умом парень? Слава Аллаху – не обделен! Об обществе, о народе будет заботиться? Будет! Так чего же еще вам надо?

– Правильно говорит, оллахий-билляхий!

– Тейри, очень хороший человек!

– Вот он подойдет! – послышались голоса со всех концов: и оттуда, где сгруппировались бии, и с задних рядов, где стояли бедняки и кулы, и с середины толпы, состоявшей из узденей.

Хаджи вернулся на свое место.

– Кто еще хочет выступить? – спросил Крым.

– Хватит!

– До вечера, что ли, здесь болтать?! Давайте голосовать – хватит и названных! – раздались возгласы.

Крым посоветовался с Коршуновым и вновь обратился к народу:

– В коридоре правления будут стоять вот эти три ящика, – он показал на деревянные ящички, вынесенные писарем, – на сходе названы имена трех человек в такой последовательности – Крым из Карабиевых, Ахмат из Мусуковых и Исмаил из Аланбиевых. Значит – тот, кто за Крыма из Карабиевых, будет бросать свой шарик в первый ящик, кто за Ахмата из Мусуковых – во второй, кто за Исмаила из Аланбиевых – тот бросает свой шарик в третий ящик. Вот, смотрите, сверху ящика есть круглое

отверстие – вот сюда будете бросать, – и Крым, приподняв ящичек, показал собравшимся круглое отверстие на крышке. – Писарь правления будет в коридоре – если все же кто-то забудет, где чей ящик, можете спросить у него. Итак: первый ящик – это Крым, второй – это Ахмат, третий – это Исмаил. В чьем ящике окажется больше шариков – тот и будет старшиной. Кандидаты в старшины – Крым из Карабиевых, Ахмат из Мусуковых, Исмаил из Аланбиевых участвовать в выборах не имеют права. Все понятно?

– Понятно!

– Что там понимать-то!

– А что это за шары, интересно?

– Тогда заходите по одному и начинайте голосование, – с этим Крым отошел от дверей в сторону, уступая дорогу.

Люди по одному подходили, у входа каждому из них писарь Василий вручал круглый гладкий камушек из мешочка, и они проходили в коридор.

Когда все прошли через коридор в задний двор, из правления вытащили ящики. Сперва вскрыли ящик Крыма, пересчитали шары. И тотчас же лицо Крыма переменилось – в его ящике оказалось всего 89 шаров. А в ящике Ахмата не было даже и столько. Ящик Исмаила нечего было теперь и вскрывать – и так ясно, что старшиной впредь будет он. Но ящик все-таки вскрыли, шары тоже пересчитали – их оказалось 219. Люди, столпившиеся вокруг Науруза и Исмаила, поздравляли их. А в это время под диктовку Коршунова Василий уже писал протокол схода. Потом, призвав всех соблюдать тишину, прочитал протокол. Из него явствовало, что жители Балкарского общества на своем сходе избрали старшиной Исмаила из Аланбиевых, а его помощником – Крыма из Карабиевых.

Оживленно обсуждая это важное событие в жизни общества, люди расходились группами. В правлении остались только Коршунов, Исмаил, Крым и Василий – надо было, как и положено, официально, с участием начальника участка, передать вновь избранному старшине документы и имущество правления.

Когда со всеми официальными делами было покончено, Крым и Исмаил стали приглашать Коршунова домой в гости, с тем, чтобы он день-два отдохнул в Балкарии, но тот заупрямился, заявив, что сегодня же должен непременно вернуться в Нальчик. Пришлось воспользоваться гостеприимством Залимхановых, чтобы покормить гостей перед дальней дорогой. Крым и Исмаил, проводив Коршунова и его спутников до окраины самого нижнего села – Зылгы, вместе возвращались домой. На всем протяжении пути до Кюннума, ехали, переговариваясь о всяких житейских мелочах, ни разу не коснувшись того, что случилось сегодня.

– Заходи, Крым, будешь гостем! – пригласил Исмаил, когда наконец доехали до дома Аланбиевых.

– Спасибо! Устал я немного, поеду отдохну, – и с этим, даже не попрощавшись для приличия коня и не попрощавшись как следует, он уехал.

А дома, чтобы как-то отметить новое событие в жизни семьи, готовились к небольшому курманлыку – зарезали барашка. И Ахмат-хаджи был здесь.

Уже вечером, собираясь домой, Ахмат-хаджи еще раз поздравил Исмаила:

– Да в добрый день начинай свою работу, Исмаил. Не зазнавайся, не обижай бедных и слабых, если можешь, помоги – это сууап¹. Старайся делать добро своему народу. Насколько ты будешь с хорошими намерениями относиться к народу, настолько же и народ будет тебя уважать. Достаток, богатство – это как вода, проходит и уходит. Если уходит, то никогда уже не приходит – так это честь, достоинство.

– Спасибо, хаджи, за доброе напутствие. Нежданно-негаданно взвалил ты мне на плечи нелегкую ношу, да что теперь поделаешь, – ответил Исмаил, не в упрек, конечно, а так.

– Эту ношу Аланбиевым нести приходится не впервые, так что, если и ты из Аланбиевых – терпи! – и с этим хаджи направился к двери.

XX

Гитче из Кадыровых, парень из селения Ышканти, вернулся домой со схода в недобром духе. Он был зол не столько на Крыма, сколько на Токлу из Карабашевых, что крикнул: «Даже и Гитче из Кадыровых?» – «Скотина, у самого ума на большее, чем только жрать, ни на что не хватает, а все туда же – хочет кого-то поддеть! Жаль, что тогда в Ирци-Башы во время заварухи не дал тебе как следует по морде и не рассыпал твои поганые кривые зубы», – думал всю дорогу до дому Гитче.

Это правда – Гитче и рослый, и сильный джигит, но если б Токлу хоть разок его стукнул как следует, он завертелся бы как юла. Но об этом Гитче сейчас и не думал. И утром он уходил на сход, не позавтракав, и сейчас, придя со схода, не заметил никакой суеты, что бы говорило о том, что кто-то собирается его кормить. Вот это-то и вывело его из себя.

– Ты почему до сих пор не развела огонь?² – накинулся он на пятнадцатилетнюю сестренку.

– Мать сказала, что еду приготовим, когда ты вернешься со схода. Вот тебя и ждем, – нашлась Таслилат.

– Да чтоб сгорел ваш дом! Чего теперь-то ждешь? Готовь!

– Чего кричать-то? Сейчас быстро приготовлю.

– С утра во рту ни крошки – разве не знаете?

Таслилат, не пускаясь в дальнейшие пререкания, занялась своим делом – разгребла золу в очаге, сгребла в серединку угольки, положила на них растопку, и пока разгоралось, ополоснув чугунок, налила в него немного воды и повесила на цепь.

– А где мать? – спросил Гитче, когда немного поостыл.

– К Мариям пошла, отнесла ткань.

¹Сууап – богоугодное дело, которое, естественно, учитывается в день страшного суда.

²Ты почему до сих пор не развела огонь? – это, по существу означает: «Ты почему до сих пор не собираешься готовить?», так как разводят огонь, в основном, чтобы готовить еду.

Мать Гитче Лаулан пряла шерсть, ткала тем, у кого много скота и которые сами не успевали перерабатывать шерсть. Не так давно она взяла у Мариам, жены Османа Сабырова из Курнаята, два пуда шерсти и в последние дни занималась ее переработкой – чесала, пряла, ткала. Наверное, наткала уже приличное количество чепкена¹ и решила отнести. Несмотря на то, что Гитче взрослый мужчина – ему уже под тридцать – дом-то все равно держится заботами Лаулан и Таслимат. Это они денно и ночью моют шерсть, прядут, ткут и зарабатывают и на еду, и на одежду, и на все, что нужно для дома, а от Гитче никакой особой пользы и нет. Правда, когда в селе забот невпроворот – во время сенокоса, стрижки, хасафа² – и Гитче, бывает, подрядится к кому-нибудь на день-другой и кое-что принесет в дом, но большую часть времени проводит в праздной суете – на ныгыше в бесполезных спорах, на вечеринках, где он и не всегда-то желанный гость, да на изеуах³, куда его и не приглашали. «Для своего дома и копну сена не заготовит, а для других и скирду не прочь поставить» – так говорят о таких, как Гитче, никак не желающих всерьез впрягаться в ярмо собственных домашних забот, а вечно оказывающихся там, где есть с кем посидеть, побалагурить, поесть-попить. Не беда, коль придется даже и поработать, если угодишь, к примеру, на изеу. Или ты пошел к дружку, а он в это время навес перекраивает, – как не помочь?

Не выдержит Лаулан, скажет иногда: «Сынок, ты бы хоть баз немного починил, а то ведь протекает, будто и крыши нет», или: «Может, навес какой-нибудь соорудишь, чтоб сено под дождем не гнило», а он всегда в ответ: «Подумаешь, скот – малое дитя, что ли, и капля на него не должна упасть!» Или: «Ладно, ладно, сделаю, не приставай!», а сам ничего и не делает. Когда был жив отец, он его еще немного слушался, а с тех пор, как в доме сам стал хозяином и единственным мужчиной, все делает по своему уму-разумению. В первое время после смерти мужа Лаулан еще старалась повлиять на сына, уговаривала его, не будем, мол, лениться, подтянемся, постараемся жить как и все, вырвемся из нищеты, но потом, поняв, что от сына толку не будет, махнула рукой, и взвалила всю тяжесть домашних забот на свои плечи. А в позапрошлом году Гитче не захотел обрабатывать даже и жалкий клочок своей пахотной земли, сдал в аренду. В тот год и пополнился золотой запас балкарского фольклора поговоркой «Как Гитче свою землю в аренду сдавал». Загнанный в угол издевками да насмешками, в этом году Гитче сам вспахал свой участок, посадил картошку, собрал около сорока мер и засыпал в погреб. И с тех пор хвастался этим, не давал ни матери, ни сестренке и рта раскрыть. Лишь только в доме разговор касался бедственного положения семьи, Гитче непременно говорил: «У меня во дворе картошки полон погреб, дойная корова, бараны! Чем я хуже других?» А бараны его – дюжина паршивых овец, и половина из них – хромые ягнята. Было бы любопытно посмотреть, как далеко он уехал бы на своих овцах, если бы Лаулан и Таслимат день и ночь не пряли, чесали и ткали! Но Гитче об этом и не думает – он вполне уверен, что дом держится на нем, его усердии.

Вскоре вернулась и Лаулан. Хотя она и вплотную приблизилась к шестидесяти годам, Лаулан была необычно энергичной, неустанной женщиной. Ежедневно от зари до зари работает, не зная отдыха, но никогда не скажет, что устала, что больше нет сил. Вот уже несколько лет, в большой тайне и от сына, и от дочери, добавляя копейку к копейке, копит деньги Лаулан для калыма. И в этом году вместе с чабанами из Загорья, как всегда, пришел и Харлампий с товарами, вот сегодня и сдала ему Лаулан двадцать аршинов чепкена высшего качества и сорок аршинов из грубой шерсти. Купила сыну на штаны и рубашку добротного коричневого вельвета, атласа для свадебного платья дочери и даже себе на платье отрез байки, да еще осталось у нее на руках тридцать рублей с полтиной.

Она была довольна и редкую гостью в этом доме – радость – привела сегодня с собой. И все забылось – и долгие дни, когда с утра до ночи сидишь за ткацким станком, и тяжесть корзин, наполненных мытой шерстью, и боль, когда, задремав или же забывшись от нелегких дум, бьешь по иголкам чесалки рукой.

И даже Гитче просиял, увидев вельвет, из которого скоро сошьют ему хорошую одежду. А Таслимат так и танцует от радости, целует мать, то и дело примеривает на себе ярко-лиловый атлас. «Черт бы побрал эту красоту – все ее любят!» – говорят. Так и добро, богатство. Только минуту назад от злости Гитче и света белого не видел, а теперь и он смягчился, по-человечески обратился к сестре:

– Девушка, может, подашь, если еда готова: тейри, с голоду умираем.

Таслимат сняла чугунок с очага, переложила как на большую деревянную чашку, положила на стол перед матерью и братом, подала им айран в небольших деревянных же чашках, потом налила айран в чугунок, где оставила для себя немного кака, и пристроилась у очага, присев на маленький стульчик.

– Сколько раз тебе говорить – не скреби дно чугунка! – даже пошутил Гитче.

Если в день свадьбы пойдет дождь, говорят – это оттого, что невеста в девичестве часто скребла чугунок во время еды, как сейчас Таслимат, что само собой разумеется, не назовешь благовоспитанным поступком.

– Да пусть хоть потоп! – бойко ответила Таслимат и тоже в шутку, уплетая как, стала нарочно чаще скрести по дну чугунка.

После обеда, зная, что сын все равно каким-нибудь делом дома не займется, и не желая портить хорошее настроение, Лаулан сказала:

– Сходил бы к кому-нибудь из товарищей, что ж дома один будешь скучать, слоняясь из угла в угол.

– Говорят, Махмут из коша пришел, – схожу к ним.

– Иди, сынок, иди. И потом, клянусь Аллахом, скоро станешь посмешищем для всех – до каких это пор ты будешь ходить в женихах? У твоих сверстников уже по трое, четверо ребят растут. Женись, заживи, как все, полной семьей, нормальным домом.

– Оставь, мам. Что-то на калым накопить – надо идти к кому-то батрачить, этого еще не хватало!

– Калым – это не твоя забота. Об этом пусть болит голова у твоих родственников, у рода твоего, племени. Твое дело – дай нам знать, коль есть у тебя девушка на примете.

– Держи рот пошире – позаботятся о тебе твои родственники! Им бы о себе позаботиться.

– Ну, как хочешь, – махнула рукой Лаулан.

И до этого мать не раз напоминала Гитче о том же – что ему пора бы уж и жениться, да он на это внимания не обращал. А чаще всего начинал злиться, отвечал какой-нибудь грубостью, после чего мать не заговаривала на эту тему недели две-три. Еще бы не злиться – о какой женитьбе горца может идти речь, коли у него нет ни коня, ни волов, ни приличного количества овец, денег, наконец, чтобы уплатить калым? Если даже и выгрести со двора всю живность – и корову, и овец – не справить ему свадьбу, как полагается. Хорошо, допустим, хоть и так, приведи он жену домой, а жить-то дальше как? И что удивительно, все это прекрасно понимая, мать все же постоянно пристает – женись да женись!

Так размышлял Гитче, направляясь к дому Хаджи из Токлуевых, к своему товарищу, сыну Хаджи Махмуту. И то правда – если бы в свое время Гитче тоже, как и многие другие джигиты из бедных домов, нялся бы чабановать, конечно, к сегодняшнему дню на калым накопил бы, но тогда гордость не позволила ему. Как это, мол, так – я, уздень, пойду в батраки, как кул. А теперь уже поздно. Если еще лет пять провести в батраках и состариться недолго! Да и провести аж целых пять лет на коше – на столько лет обычно нанимаются чабановать – в дождь и в стужу, не зная покоя ни днем ни ночью, ходить за овцами, недоедать, недосыпать – тоже нешуточное дело! Да пропади она пропадом эта самая жена, ради которой надо пройти через этот ад!

Так размышляя, шел Гитче, и как только мелькнуло в голове слово «жена», он вспомнил младшую дочь Хаджи – Шахарзан. Так посмотришь – и не скажешь, что красавица, но в ней было что-то притягательное, таинственно-женское, что при взгляде на нее чувствовалось сразу. Может быть, эта таинственная сила была в ее больших желто-кошачьих глазах, а, может быть, в густых каштановых косах? Но огорчало Гитче то, что она унаследовала от отца неуловимое, но что-то странное: никогда ни по какому случаю не поторопится, не возмутится, не испугается, словно ни к чему не чувствительна. Словно все, что ни делала она, делала по чьему-то приказу издалека; выслушает приказ – шагнет, выслушает приказ – ответит... И Хаджи сам, и его домочадцы были людьми здоровыми, работы не чурались, но об одном только Хаджи сколько рассказней, шуток ходят по ущелью! Если кто-то грузит вязанки дров на ишака и напарник зазевается, то он наверняка прикрикнет: «Да что ты стоишь, как Хаджи, разинув рот – подай сюда конец веревки!» Или весной мать, оберегая нерадивого сына от упреков отца или братьев, скажет: «Вот подождите – возьмется он тоже за дело всерьез, как и Хаджи,

тогда посмотрим!»

Но все это, конечно, ерунда – в Большой Балкарии трудно найти не только род или дом, о котором по тому или иному поводу не ходили шутки-прибаутки, не зубоскалили, но даже и человека, считающегося уже взрослым. Старшая сестра Шахарзан Саният была еще не замужем – вот что было препятствием. Что мало толку свататься к девушке, когда ее старшая сестра еще не замужем, – это в Балкарии знает и ищак! А ждать, пока Саният выйдет замуж – так и до Судного дня можно прождать! Кто ее возьмет, это чучело, – ни видом, ни чем иным привлечь она никого не может?

Гитче злился на Саният, словно он и Шахарзан уже давным-давно сгорают от любви друг к другу, а Саният стала на их пути помехой. А на самом-то деле до сегодняшнего дня Гитче так о Шахарзан и не думал. Да и Саният ему раньше не казалась такой уродиной. Да она и не была никакой уродиной, только была чуть-чуть выше ростом и немного изящней телом, чем Шахарзан – вот и все. Ведь для кое-каких мужчин если девушка не пышет телесами, словно поднявшееся тесто, то уже и некрасива. Правда, когда Творец создавал фигуру Саният, видимо, его чем-то отвлекли и он забыл снять чуточку материала с переносицы, отчего она немного напоминала сову, а так – девушка как девушка. А мастерица-то какая: и шить, и вязать, и ткать. И нравом кротка. Что и говорить: Токлуевы всем известны своим покладистым характером. Не без того, конечно, что появляются, хоть и изредка, и в их роду не в ту стезю-дорожку ступающие, но, как говорится, село не село и род не род, козь в нем нет дурака.

Махмут, чинивший у очага свои чабыры, услышав лай собаки, вышел во двор. Увидев за перекладинами ворот Гитче, сказал приветливо:

– Что ты стоишь, алан, на улице, заходи, будь гостем! – Потом, обернувшись к собаке, которая лаяла не переставая, прикрикнул: – Вон отсюда! Ишь ты – разошлась!

Собака, все еще продолжая рычать и косо глядя на Гитче, пошла в свою конуру, волоча цепь.

– Прослышал, что ты спустился с коша, вот и пришел поболтать с тобой, – сказал Гитче, заходя во двор и здороваясь с Махмутом.

– Заходи, заходи! Оллахий, я тоже умираю со скуки, и от нечего делать чабыры принялся подлатать.

– Как дела, много у тебя, наверное, теперь овец?

– Тейри, и не скажешь, что их становится много.

– Когда заканчивается твой срок?

– Будущей весной.

– Приличное количество овец, наверное, пригонишь домой от Сабыровых?

– Откуда там! Заходи, заходи домой.

Самого Хаджи не было дома, он на коше, с отарой. Шахарзан сидела за ткацким станком, Жулдуз пряла, а жена Махмута Жумарук своего старшого – восьмилетнего озорника Аскера, схватив за плечо, лупила

по попке. Отчаянные вопли брата поддерживали дружным плачем две его сестренки, и от всего этого шума и гама, казалось, вот-вот приподнимется крыша дома.

– Аланы, что это с вами случилось за эту минуту? – с удивлением спросил Махмут.

– А то случилось, что ему захотелось трепки! – все еще не остывая, ответила Жумарук. – Пристал к девочкам где, мол, моя юла – откуда им это знать? – а потом, разлившись, бросил их куклы в огонь и сжег!

– Да чтобы семья ваша не проросло, негодные! А ну – сейчас же замолчите! – прикрикнула на детей жена Хаджи Жулдуз, заметив Гитче и, конечно, чувствуя неловкость.

– Сгинь с глаз моих долой! – прикрикнула Жумарук, вышвыривая Аскера за дверь. Видимо, это несколько удовлетворило девочек – те тотчас же притихли.

Женщины встали, чтобы поприветствовать гостя, и вновь занялись каждая своим делом. Вскоре вошла в дом и Саният с полными ведрами воды.

– Здравствуй, Гитче! – поздоровалась она, пристраивая ведро у входа.

Здороваясь с Саният, Гитче глянул на нее и ему показалось, что та слегка покраснела. Неужели это из-за меня, подумалось ему, но вспомнив, что она только что несла полные ведра, не придал этому значения и вновь стал беседовать с Махмутом.

А Саният зарделась и в самом деле оттого, что так неожиданно столкнулась с Гитче, а вовсе не от тяжести ведер – она уже довольно давно тайно любила его, хотя об этом никто и не догадывался. Еще бы – она и от себя-то скрывала свое чувство в глубине души, не только от других. И у нее на это, как ей казалось, были веские причины. Еще в позапрошлом году к ней сватался один вдовец из селения Зылгы, у которого после смерти жены дома осталось двое детей без присмотра. От морального удара, нанесенного этим сватовством, она до сих пор никак не может оправиться – она уже старая дева, никто из неженатых джигитов теперь на нее и смотреть не станет. Все говорят, что Гитче – никчемный бездельник и повеса, но сердце Саният знает: попадись ему хорошая, работающая жена, и он, как все, займется домом, хозяйством, семьей; чем он хуже других – и строен, и красив, и телом не хил. А она кто? Старая дева, к которой теперь сватаются только вдовцы зрелых лет. И что толку с того, что она любит Гитче – ему-то что с этого? За что он может ее полюбить? Не за что. Уверенность в этом придушила ее любовь, загнала в самый темный уголок ее души, и она, ее любовь, чахла там, словно головня, выхваченная из костра, который уже никому не нужен, и выброшенная прочь...

– Как поживает Лаулан, чем занимается, – спросила Жулдуз. Конечно, не оттого, что она так уж интересовалась как там живет-поживает Лаулан да чем она занимается, а просто потому, что гостю, если даже это и бездельник Гитче, следует уделить хоть какое-то внимание, обме-

няться несколькими фразами, положенными в таких случаях, а иначе не долго прослыть и нелюдимыми, и нетактичными.

– Слава Аллаху, жива-здорова, работает – моет шерсть, расчесывает, прядет, ткет.

– Что же делать – надо работать. Если бездельничать, да только просить: «Аллах, дай! Аллах дай!» – тоже толку мало, он тоже просто так ничего не дает.

Жулдуз все это сказала просто к слову и ни о ком при этом конкретно не думала. Но Гитче понял так, что эти слова были сказаны именно в его адрес, а потому и ответил с нотками обиды в голосе:

– Тейри, Жулдуз, сколько б мы ни старались, он почему-то на нас особого внимания не обращает. Все, что он дает – дает богатым, а нам только крохи перепадают. Как говорится – дождь и то любит литься в озеро.

– Великий Аллах всех людей одинаковыми создал – с двумя руками, с двумя ногами, с одним станом, с одной головой. А все остальное – как вы там жить будете да поживать – это, сказал, в ваших руках.

– Я не видел, чтобы очень уж обливался потом Зулфугар из Залимхановых, а поди ж ты – у них полным-полно добра и скота. И у Карабиевых тоже.

– На то воля великого Аллаха, нельзя из-за этого роптать.

– Раз нельзя – оставим, Жулдуз. И по поводу нашей судьбы, он, наверное, уже давным-давно определил свою волю, так что сколько б мы ни старались – от судьбы не уйдем. Тогда зачем же так отчаянно барахтаться? Живи как живется – полегоньку-потихоньку.

– Может, и так – кто уйдет от судьбы, предопределенной Аллахом, – не стала спорить Жулдуз, видимо решив, что с этим повесой не стоит говорить всерьез о чем-либо.

– Тейри, не знаю – далеко ли уедешь, полагаясь на судьбу, ничего не делая, ничего не предпринимая, – сказал Махмут, усмехнувшись.

– Скажите коротко, как нарты : «Не работающий – не поест, не поевший – не возрадуется» – вот и все, – вмешалась в разговор Саняет.

«Вот вы работаете, работаете, а далеко ли уехали?» – хотелось спросить Гитче, да только нельзя было этого делать.

Видно, хозяева дома поняли, что их слова, сказанные вовсе без всякого умысла, в какой-то степени воспринимаются гостем как камушки, брошенные в его огород, а потому в дальнейшей беседе этой темы не касались – говорили о том о сем: о парнях и о девушках, о происшестввиях в том или ином селении, и – в особенности – о том, как сегодня вместо Крыма старшиной Большой Балкарии стал Исмаил.

Так и сидели до вечера, беседовали, в то же время каждый занимался своим делом, пока Саняет не начала хлопотать об ужине. Гитче, поняв, что слишком уж засиделся, поднялся, собираясь уходить, но Жулдуз и Махмут так усердно его уговаривали остаться отужинать, что ему пришлось вновь сесть на свое место. Да и поступить по-иному он уже не мог – в горах считается признаком невоспитанности, если гость уходит

в тот момент, когда начинаются приготовления к трапезе. Если хотел уйти, надо было это сделать пораньше, когда об ужине и намека не было, а теперь Саняйт уже хлопочет у очага, уйдешь – ясное дело, скажут: «А что от него ждать, невоспитанного, небось и обычаев-то наших не знает!» – «До чего же у нас глупые обычаи!» – подумал Гитче, вспомнив, что и после трапезы гостю не следует тотчас же удалиться, так как это тоже неприлично. Такого посчитают вовсе тупым животным – набил, мол, брюхо и уходит. Есть даже присловье: «Саутулинец наелся – и домой». Видимо, жители селения Сауту, будучи в гостях в других селениях, не всегда строго соблюдали это правило горского этикета, и вот на тебе – угодили в фольклор! И это несмотря на то, что Сауту – одно из больших и авторитетных сел Большой Балкарии.

Картофельный суп с мясом, что Махмут привез из коша, оказался таким вкусным, что Гитче не удержался, хотя еще и не проголодался, и съел целую чашку, наравне с Махмутом.

– Оллахий, с головой в казан полезет человек – настолько вкусным оказался твой суп! Спасибо, да будешь ты богатой и уважаемой! – поблагодарил, как и принято, Гитче Саняйт.

– На здоровье! Давайте, еще понемногу добавлю, а то под руку попались маленькие чашки, вы, мужчины, не наелись, наверное, – сказала Саняйт.

– Оллахий, не смог бы отказаться, но ведь говорят, что нельзя лишнее есть после того, как наелся – это будет харам¹.

– Сейчас налью.

– Нет, нет! Спасибо, Саняйт!

– Два-три половника супа – это разве много для взрослого мужчины?

В горских домах детей всегда стараются укладывать спать там, где теплее – где очаг, где огонь, где готовят пищу. Вот и Жумарук начала укладывать мальчишек, которых после сытного ужина разморило и потянуло ко сну. Гитче встал.

– Да, я совсем допоздна засиделся – извините, пожалуйста. Пойду. Спокойной ночи!

– Да еще совсем не поздно, куры – и те только что забрались в курятник, – сказал Махмут, как и следует хозяину, всячески стараясь успокоить гостя, убедить его в том, что тот ничего предосудительного не совершил.

Он провел Гитче до калитки, прощаясь, поболтал с ним и там две-три минуты, и лишь потом вернулся домой.

Жулдуз весь вечер терпеливо прядла, но вот и она начала сдаваться: прикорнет – и срывается веретено. Незлобно обругав веретено за непослушание, она вновь берется за свое. И опять на миг сомкнет глаза – и вновь обрывается нить и веретено с глухим стуком падает на земляной пол. Наконец она не выдерживает и «обрушивает свой гнев» на Махму-

¹ Харам – пища, не дозволенная в употребление мусульманину.

та:

– Ну, чего сидишь – видишь я спать хочу. Иди в свою комнату!

На самом-то деле это вовсе и не гнев, а замаскированное разрешение сыну удалиться к себе...

– Мужчина, не кажется ли тебе, что Гитче имеет какие-то виды на Саният? – спросила Жумарук у мужа, когда они, наконец, оказались одни.

А через два-три дня – бог весть кто это распространил? – по Мухолу-селу пошли слухи о том, что Гитче из Кадыровых добивается руки старшей дочери Хаджи из Токлуевых – Саният.

XXI

Гитче из Кадыровых и Махмут, сын Хаджи из Токлуевых, были хорошими товарищами, а потому никто раньше и не обращал внимания на то, когда и часто ли заходит Гитче в дом Хаджи. Но после того как пошли разговоры о том, что Гитче приударяет за Саният, ни один его визит к Токлуевым не оставался без внимания окрестных кумушек, которые, завидев его, начинали таинственно перешептываться между собой. Вскоре уже все село с нетерпением ожидало дня, когда объявят о помолвке Гитче и Саният.

Но прошла осень, настала уже и зима, а из Ышканти в Мухол сваты так и не приходили, а сам Гитче, как и прежде, частенько навещался в дом Хаджи; и тогда пошли разные пересуды: одни говорили, что Саният дала Гитче от ворот поворот, а другие наоборот – это Гитче разорвалась девушка, а ходит он просто так, по старой привычке, к своему дружку Махмуту. Видимо, все эти слухи никак не могли пробраться ни в дом Хаджи в Мухоле, ни в дом Гитче в Ышканти, так как отношения между их обитателями ничуть не изменились – Гитче, как и раньше, раза два в месяц заходил в дом Хаджи, сидел, подолгу беседовал. И с каждым его приходом женщины в доме Хаджи все больше и больше утверждались во мнении, что Гитче ходит к ним именно из-за Саният. В соответствии с этим несколько начало меняться и их поведение по отношению к частому гостю. Теперь, к примеру, когда приходил Гитче, Саният, как обычно, не торчала весь вечер, как это было раньше, у него перед глазами, а уходила в другую комнату, найдя какой-то подходящий предлог, или же потихоньку – незаметно. Так положено поступать девушке, если в ее отчий дом приходит молодой человек, намеревающийся добиваться ее руки. Суровые горские обычаи не дают особой возможности джигитам и девушкам подолгу и часто беседовать друг с другом, ходить на уединенные любовные свидания, чтобы полнее узнать свои сердечные чувства. Не так уж часто случающиеся свадьбы, курманлыки, вечеринки – вот обычные места, где впервые загораются искорки любви между ними. Удивительно, но если всем стало ясно, что джигит действительно всерьез намерен добиваться руки девушки, то слишком уж строгие горские обычаи сразу смягчаются, как бы говоря: «Ну, раз у вас это серьезно – то особых препятствия чинить вам не станем, но смотри-

те – и вы не вздумайте переходить границы благопристойности!» Так, к примеру, джигит раз-два в месяц, и даже чаще, может свободно посещать дом своей избранницы, если, конечно, в этом доме к нему относятся благосклонно. Просто так, как гость. А если в доме есть джигит, ему ровесник – так и вовсе все отлично! К товарищу, к дружку своему ходит – что тут такого? Хотя в доме девушки все прекрасно могут и знать, из-за чего зачастил к ним в гости этот джигит. К тому же, если у девушки есть еще и младшая сестра – то и она становится помощницей, доверенным лицом, через которую джигит может узнать почти все, что ему нужно – и что думает о нем сестра, и как к нему относятся отец, мать, брат, другие родственники. А при крайней надобности – даже устроить свидание у какой-нибудь подружки, где в это время дома из взрослых может никого не оказаться. Но к этой возможности обычно джигиты не прибегают, так как такое уединенное свидание, прознай об этом болтушки, может навредить репутации девушки. И джигит должен из кожи вон лезть, чтобы всячески угодить будущей своей свояченице – будучи в гостях, обращает на нее особое внимание, при случае какого-либо спора, непременно должен держать ее сторону, делать ей мелкие подарки. И, будучи в гостях, чем больше джигит уделяет внимания ей, а не своей избраннице, тем более воспитанным он считается.

На то, что Гитче и не пытается наедине поговорить с Саният – никто и внимания не обращал: а о чем им и говорить-то наедине – впервые видят, что ли, или не знают друг друга? И он не мальчишка, и Саният не шестнадцать лет – к лицу ли им разыгрывать пылкую юношескую любовь, искать встреч наедине? Так примерно думали в доме Хаджи и ничего необычного не усматривали в поведении Гитче. И, в конце концов, Саният, если б не хотела выходить замуж за Гитче, уж давно бы могла заявить об этом, точно так же и Гитче – если б он не имел виды на Саният, не ходил бы. А на то, что он часто беседует с Шахарзан, случается, остается с ней и наедине, никто внимания не обратил – это же обычное дело, джигит обхаживает младшую сестру своей избранницы, дает ей какие-то поручения, о чем-то просит. Обычное дело.

Все так. Но вот поближе к весне однажды утром по Мухолу, а потом и по всей Большой Балкарии поползли слухи – младшая дочь Хаджи из Токлеуевых Шахарзан убежала к Гитче из Кадыровых, который сватался к ее старшей сестре Саният. Убежала, это значит – она сама способствовала тому, чтоб ее «выкрали». Такой поступок в горах считался неприличным, и даже самые отъявленные сплетницы не осмеливались распускать свои язычки до тех пор, пока не услышат эту новость из нескольких уст и окончательно не убедятся в ее правдивости. А когда все стало ясно, что так и случилось, никто не стал сдерживаться – все были возмущены. И в особенности женщины. Они проклинали Шахарзан на все лады:

– Да, чтоб ты в землю вошла, а не в дом мужа!

– Да проживи ты всю жизнь в беде и в позоре, раз нас всех так опозорила!

– Да проклянет Аллах тебя и растопчет в пыль, раз ты прокляла и растоптала все наши прекрасные обычаи!

А мужчины высказывались в основном по адресу Гитче:

– Ишак – он и есть ишак!

– Оллахий, надо собрать сход и выгнать его из ущелья!

– Давайте, ради Аллаха, пойдем сегодня ночью и до смерти отдубасим его!

– Оллахий, это было бы совершенно правильно!

Все – мужчины и женщины, старики и старухи, и даже дети проклинали Гитче и Шахарзан. Как можно так, говорили все в один голос, запросто растоптать обычаи своего народа, ходить в дом, просить руки старшей дочери этого дома, а потом поступить по-скотски – обмануть и соблазнить младшую дочь, толкнуть ее на такой нехороший поступок? Конечно, в жизни случается всякое. Бывает, сватаются к младшей дочери, когда старшая еще не замужем. Но ведь это делается открыто и лишь в крайних случаях – когда, скажем, у сестер большая разница в возрасте. Да и в этом случае сама старшая сестра, как правило, категорически требует, чтобы из-за нее не ломали судьбу ее сестры. И все это делается с самого начала открыто, исходя из сложившихся обстоятельств. А тут – по-воровски, бессовестно: подав надежду старшей, соблазнили младшую.

Вот почему с поздравлениями к Кадыровым, кроме очень близких родственников, никто и не думал пойти. Да и те приходили не как на радость и веселье, а словно потревоженные неприятной вестью, дабы узнать, правда ли то, что говорят. Да в сущности так и было: радость не светилась в их глазах, как обычно в таких случаях, не было слышно ни смеха, ни шуток, да особо никто и не засиживался. К тому же все село в тревоге ожидало приезда Махмута из коша – как бы он что-нибудь не натворил. Для этого, чтобы на первых порах, пока он не поостынет, удержать его от опрометчивого шага, и дежурили постоянно в доме Хаджи двое крепких джигитов из рода Токлуевых. А Махмут, словно знал об этом, не заходя домой, направился прямо к Кадыровым. Увидев неожиданно появившегося Махмута во дворе, двое-трое джигитов бросились ему навстречу:

– Заходи, заходи, Махмут, будь гостем!

– Салам алейкум, Махмут!

Но Махмут, не отвечая на их приветствия, ринулся в дом, не обращая внимания на всполошившуюся жалкую кучку стариков и старух в большой передней комнате, прямиков прошел во внутреннюю, где и должна быть невестка, одним рывком сорвал и выбросил в сторону занавеску в углу.

– Кто этот дурак?! – вскричала девушка-дигиза¹, вскакивая, но увидев Махмута, осеклась и, с ужасом закрыв лицо руками, отчаянно закричала: – О, боже мой, что ты делаешь, Махмут?!

А Шахарзан, которая, видимо, предчувствовала, что брат рано или

¹ Дигиза – девушка, обслуживающая невесту в первые дни в доме мужа.

поздно все равно натворит что-то ужасное, и давно смирилась с этим, теперь стояла в своем углу, белая как полотно, опустив голову, покорно ожидая своей участи.

– Ты сама пришла или тебя насильно украли? – звенящим от напряжения голосом спросил Махмут, изо всех сил стараясь не повышать голоса.

Вбежавшие вслед за ним парни в это время застыли у порога, не зная что делать.

– Подойдите к нему, как бы он что-нибудь не натворил! – отчаянно зашептал джигитам один из стариков из-за их спины.

Джигиты стали приближаться, увещевая:

– Ради Аллаха, Махмут, не делай так!

– Эх ты, Махмут, зачем же ты так опрометчиво поступаешь? Подожди, ради Аллаха!

Махмут, даже не глянув в их сторону, строго сказал:

– Не ваше это дело! Стойте на месте!

Джигиты остановились – они тоже боялись осложнения дела, если начнут действовать решительно, сгоряча.

– Ты слышишь меня? Я у тебя спрашиваю – крикнул Махмут, резко дернув сестру за рукав.

– Я виновата во всем – убей меня, если хочешь! – дрожащим голосом еле проговорила Шахарзан.

– Ты не на супружеской постели, а в земле должна лежать! Сейчас я распорю это твоё подлое сердце! – вскрикнул Махмут, рывком выхватывая кинжал. Шахарзан бросилась к брату, стремясь перехватить его руку с кинжалом, но получилось так, что она схватилась за клинок. И в тот же миг, когда Махмут поднял руку, раздался крик Шахарзан:

– Ой, мама!

Джигиты, одним прыжком оказавшиеся около Махмута, набросились на него, отняли кинжал. А у бесчувственной Шахарзан, кровью своей окрасившей и занавеску у ног, и нарядную одежду свою, столпились женщины.

И, мягко попрекая за легкомысленную выходку и всячески уговаривая, джигиты вывели Махмута во двор. Вскоре появились и джигиты из дома Токлуевых, которые каким-то чудом прослышали о том, что Махмут спустился с коша и направился в дом Гитче. Они тоже набросились на Махмута со своими упреками:

– Что случилось?

– Что ты натворил, чтоб покойник вошел в твой дом!

– Хоть бы сперва домой зашел – что тебе здесь надо было?!

– Не шумите особо, джигиты, – сказал подошедший старик. – Ничего страшного не случилось. Правда, Махмут поступил немного легкомысленно, но что теперь-то поделать? Он лишь поранил пальцы Шахарзан – ничего больше не случилось. Отведите его домой – да сохранит нас Аллах от большей беды.

Один из джигитов из рода Токлуевых зашел в дом и тут же, задержав-

шпись ненадолго, вернулся и сообщил товарищам:

– Перевязывают руку. Пусть молится Аллаху, что только этим и отделалась. Держите, отведем его домой!

Дружно подхватив Махмута со всех сторон, джигиты повели его со двора Кадыровых. А он все умолял своих родичей:

– Пустите, ради Аллаха, – дайте мне пролить ее поганую кровь!

Жулдуз увидела, как джигиты, обхватив с обеих сторон, вводят во двор Махмута, заметила на его поясе пустые ножны от кинжала и тут же принялась голосить и рвать на себе волосы.

– О, померкло солнце мое, потух мой очаг! Что же ты натворил, мурдар¹!

Махмут ничего не сказал, лишь глянул на нее недовольно.

– Успокойся, Жулдуз, не поднимай хай на все село! Ничего не случилось! – раздраженно прикрикнул на нее один из джигитов.

– Где же тогда его кинжал? – вскричала, чуть-чуть успокоившись, Жулдуз.

– У меня. Не шуми попусту, ради Аллаха! – ответил один из джигитов.

А двор уже был полон народу. Мужчины и джигиты ввели Махмута в дом, расселись, разговорились. Узнав о том, что случилось, собравшиеся взяли Махмута в оборот, то упрекая его, то уговаривая.

– Эх ты, хотя бы село-жамауат уважил – зачем же так легкомысленно поступать? Ты ведь не мальчишка, а мужчина!

– Аллах, видимо, так предписал – что же тут поделаешь?

– Жениться, выйти замуж – разве с них началось это? Конечно, немного не так, виноваты они, но что теперь-то делать, душа моя, свет очей моих? Мужчина многое должен терпеть – стерпи и это.

– Раз дело свершилось – что толку теперь за ним с кинжалом гоняться, что найдешь? Вот было бы здорово, если ты, с пылу-жару, убил бы там кого-нибудь и поплелся бы в Сибирь, оставив дома старых родителей и детей – так, что ли?

– Они свершили поступок, достойный их самих – а ты стерпи! Другого выхода нет, оллахий, так.

– Ну, хорошо, ты не можешь стерпеть – а что делать-то будешь?

Так беседуя, уговаривая, мужчины посидели до вечера, пока не настала пора позаботиться о скоте.

Когда люди разошлись, Махмут зашел в комнату Саняят. В этот день, когда Шахарзан «убежала», у нее закололо в сердце, и с тех пор она с постели не вставала. Видимо, когда Махмут сидел с мужчинами, Жулдуз рассказала все, что произошло, поэтому Саняят, как только вошел Махмут, горячо стала его заклинать:

– Да умру я прямо перед тобой, Махмут, если еще раз попытаешься на что-то такое. Почему это она должна отказываться от своего счастья? Если любят друг друга – пусть живут, да будет радость спутником их жизни!

---

¹ Мурдар – убийца, подлец, негодяй.

– Да – можно подумать, что они сгорали от любви друг к другу, собаки!

– Оставь, ради Аллаха! Не порть себе кровь!

– Пусть бы за кого угодно пошла – за ишака, за кобеля, за смерть, – лишь бы не погана наши обычаи, не причиняя тебе боль.

– Оставь, Махмут! С чего это вы все всполошились, я даже не понимаю. Что здесь необычного, разве до Шахарзан ни одна девушка не убегала?

– Смотри как убежать! Но ты все равно зря не расстраивайся. Мало ли таких бездельников, как Гитче? Может случиться так, что встретишься и с таким, что через голову твоего Гитче перепрыгнет. Оллахий-билляхий, он никогда не станет человеком, не будет порядочным семьянином, не поставит дом на ноги – он же бездельник и повеса, привык к праздной, бродячей жизни. Как будто сама не знаешь. Чем выйти за такого замуж, уж лучше остаться дома в старых девах.

Саният незаметно горько улыбнулась. «Уж теперь-то, брат мой, можешь особо не сомневаться, что я осталась дома старой девой!» – подумала она. Кроме какой-то непонятной тупой боли, сжавшей сердце и парализовавшей ее волю, она в эти дни ничего не чувствовала. С чего это ее родня подняла такой шум-гам оттого, что Шахарзан, девушка, которой исполнилось уже двадцать пять лет, вышла замуж – она не понимала. Все эти разговоры-пересуды, тревоги и волнения доходили до ее сознания смутно, издали, словно во сне. А временами казалось, что все это и в действительности происходит во сне. Вот проснусь, мелькала в голове мысль, и все исчезнет – шум и крики, озабоченное лицо матери и проклятья, – и жизнь опять пойдет своей дорогой. Но сон этот длился слишком уж долго, и она начинала верить, что все это происходит на самом деле, и никогда уже не вернется в этот дом прежняя спокойная безмятежная жизнь. И чем больше Саният убеждалась в этом, тем больше неведомая сила сжимала ее сердце, сковывала ее всю, как железными обручами, – ни пошевелиться, ни встать. Вот и сейчас: пришел Махмут, ласково поговорил с ней, пытаясь успокоить, утешить, и не успел он прикрыть за собой двери – а сердце Саният сжало еще больше. Да, да – во всем виновата она, Саният: это из-за нее брат возненавидел сестру, в дом пришел позор, нанесен удар по чести села. Если б не она, сейчас бы в обоих домах царили не тревоги и волнения, а радость и веселье, никто бы не проклинал Шахарзан, не говорил обидных слов по адресу ее отца, воспитавшего такую непутевую дочь, а наоборот – в ее честь, в честь ее отца провозглашали бы здравицы! И мудрые лица белобородых стариков не омрачились бы от мысли, что это позорное явление случилось именно в их селе. Конечно – все эти напасти только из-за нее одной, спору нет. И по какой бы стежке-дорожке ни ходили-блуждали мысли Саният, они непременно заканчивались тем, что она, Саният, каждый раз, почти вслух говорила: «Если б не было меня!»

Через два-три дня Саният оправилась, поднялась на ноги. Махмут вновь отправился на кош.

– Отец, наверное, тревожится – с чего это я столько времени пропадаю, – сказал он, как бы оправдываясь перед Саният за то, что оставляет ее одну, слабую, без его братской заботы.

Стояли последние дни марта. Приближалась пора, о которой шутили говорят: «Вот опять – черкесы всю зиму доили, доили туманы, а теперь на лето прогнали их к нам!» Туманам удавалось иногда пробираться аж до самой Большой Балкарии. Но стоило засветиться солнышку, как туман, словно ватага озорников в чужом саду, завидевшая хозяина, рвась на ключья, панически разбежался во все стороны – часть стремглав поднималась в небо и бесследно таяла в синеве, часть беспешно отступала по ущелью вниз, часть пряталась в ложбинах и расселинах среди перелесков и кустов. В селе снега почти не видно, его жалкие остатки прячутся в тени каменных заборов или же в глубоких ложбинах, укрывшись грязью и разной шелухой. Но в горах таяние снега только началось, и воды в Большом Череке с каждым днем прибывало. Весна набиралась сил, становилась полновластной хозяйкой в ущелье, в селах, в каждом доме, заставляя забыть или отодвинуть в закуток на потом все хлопоты-тревоги людей, не связанные с ее, Царицы, делами и заботами. Начали забываться и волнения и пересуды в связи с замужеством Шахарзан. Еще бы – до того ли сейчас людям, обремененным куда более важными делами и тревогами! Вон какая теплынь настала – пора и о пахоте, и севе позаботиться, на кошах идет окот – дел невприворот, а тут, как назло, сено дома кончается, а корову-то еще не пустишь пастишь – трава только-только прорастает, овцам и то лишь чуть-чуть полакомиться удастся. Одна только надежда на солнце и туман – чтоб солнце поярче светило, да туман чтоб в ущелье не часто пробирался. Тогда весна будет дружной и скорой.

А с тех пор как прояснилось, стоят такие ночи – если выйдешь во двор и домой заходить не хочется: в бархате неба, таинственно перемигиваясь, беседуют звезды меж собой; луна, еще полностью не оправившаяся после очередной трапезы эмегенов¹, с опаской выглядывает из-за Гюльчи-горы. Наверное, обидно Матушке-Природе, что она на протяжении стольких веков оберегала, ласкала, кормила и поила этих людей – вспомнить хотя бы ураганные нашествия гуннов и монголов! – а они не могут хоть одну ночь все вместе выйти на Зына-долину и устроить праздник в ее честь! Хоть бы один из них крикнул среди ночи: «Эй-гей, аланы! Встаньте – посмотрите какая кругом краса! Это же наша родная Матушка-Земля! У кого еще есть такое сокровище!» Ан нет – не находится сегодня среди аланов такой человек. Рассердиться бы Матушке-Природе на неблагодарных людей, перемешать бы все эти хрустальные горы и изумрудные долины, да не решается она на это – видно, чувствует ее материнское сердце, что аланам и сегодня не легче, чем в те далекие страшные годы, когда она укрывала их на своей груди от кровожадных их ворогов. Чуткое материнское сердце знает – хотя и нет войны и

¹ После очередной трапезы эмегенов – в балкарской мифологии и сказках часто упоминается о том, что чудовища-эмегены пожирают Луну.

огня, но и сегодня у горцев забот и тревог не поубавилось... И горы, и звезды, и луна, и небо, кажется, понимают ее, Мать-Природу, они, как и всегда, собрались вокруг аланских жилищ и молча, любовно охраняют их покой. Только одна Черек-река не может с этим примириться – возмущенная, шумит, гремит на все ущелье, стараясь разбудить, поднять этих людей и сказать им прямо в лицо: «Да очнитесь же вы, аланы, оглянитесь вокруг, посмотрите хоть разок на красоту, что вас окружает, и возблагодарите Мать-Природу!» Но не может река разбудить уставших людей, не в ее, видимо, силах...

В одну из таких ночей, когда в доме давно уже все уснули, Саният, накинув на плечи кафтал¹, вышла во двор. Долго стояла, прислушиваясь к шуму Черек-реки, и тихонько пошла за калитку. Бесшумно пробралась по знакомому тесному переулку к берегу реки и стала у обрыва. Оттуда, снизу, доносился мощный эжиу² реки, словно там, на берегу, у самой воды, собрался хор и, затянув мелодию, ждет громкоголосого певца, что должен начать какую-то трагическую песню-плачь. Этот эжиу увлекал, манил к себе...

И в этот момент Саният с ужасом почувствовала, что какое-то существо касается ее ног – она отскочила в сторону, даже не вскрикнув: от страха у нее отнялся язык. Это был Каракёз, их же, Токлуевых, пес. Каракёз сидел там, откуда отскочила Саният и жалобно скулил, он как бы просил прощения – прости, мол, ради Аллаха, откуда было мне знать, что ты так перепугаешься?

– Каракёз, мой хан, откуда ты взялся? – сказала Саният, придя в себя.

Собака, по голосу догадавшись, что не получит взбучки, подошла к Саният. Девушка присела, обняла, приласкала собаку. А Каракёз, не зная, что и делать от радости, то старается лизнуть ее в лицо, то, вскочив, делает два-три шага в сторону села, как бы говоря: «Чего стоишь? Пойдем домой, здесь с холоду и околеть можно!» – и призывно скулит. Доброта Каракёза, его забота о ней, растрогали Саният – она, еле сдерживаясь, чтобы не разреветься, обняла и поцеловала собаку. Потом еще постояла, прислушиваясь к шуму реки, любуясь призрачными видами гор, звездами, луной и, словно что-то твердо решив, сказала собаке:

– Идем, мой хан, идем. Пойдем домой!

Что-что, но значение слова «домой» Каракёз знал прекрасно, а потому, наострив уши назад, – смотри, мол, не обмани! – не спеша, пустился по тропинке в сторону села. А если, задумавшись о чем-то своем, собачьем, Каракёз уходил слишком уж далеко вперед, он садился и ждал Саният. Так они вскоре и дошли до дому. С тех пор, как Саният вышла из дому прошло, наверное, не больше часу, но этот час показался ей вечностью. Вот почему она так удивилась, когда увидела, что все в доме – и келин, и мать, и дети – спокойно спят, как ни в чем не бывало...

¹ Кафтал – вид верхней одежды, легкое пальто.

² Эжиу – хоровое сопровождение во время исполнения песни.

Часть вторая

XXII

Из трех княжеских родов в Косфарты после отмены крепостного права, без особых потрясений, не потеряв ни земли, ни скота, по-прежнему, как говорится, действительно по-княжески, живут только Залимхановы. Хотя и принято так говорить «Залимхановы», но на самом-то деле это лишь дом Зулфугара, так как положение остальных четырех домов Залимхановых ничем не лучше, чем обычных домов карахалка – простого люда: о том, что в семьях двоюродных братьев Зулфугара тоже, как во многих семьях, еле концы с концами сводят, знают, разумеется, все, кроме их самих, все еще мнящих себя людьми высшего сословия, так до конца еще и не осознавших до сих пор, что они уже не на такой уж высоте, ведь теперь у них нет ни земли, ни табунов лошадей, ни отар овец – а без всего этого какой же ты князь? Всех взрослых людей этих четырех домов – и мужчин, и женщин – Зулфугар фактически превратил в своих батраков и служанок. Их так и зовут в народе – «зулфугарова прислуга». Постоянно говоря им о том, что они, мол, фактически одна большая семья – отцы-то ведь родными братьями были! – а потому все, что есть у него – это и их богатство, а раз так, то и стараться его преумножать обязаны-де все, он почти что внушил им, что и в самом деле так оно и есть. А дальше – заставить их работать – дело не такое уж и сложное.

«Тейри, Аскербий, надо будет тебе самому пойти на кош, а то этот лентяй Мухажир как бы не загубил приплод», – говорит сегодня одному из своих двоюродных братьев Зулфугар и отсылает его на целый месяц в отару – в самую тяжелую пору ягнения. А завтра другому говорит: «Морозы уже настали, ток уже затвердел, надо бы, Сарыбий, обмолотить ячмень, а то мука уже кончается, а зерна нет – ты уж постарайся найти себе двух-трех товарищей и покончи с этим делом», и вот уже Сарыбий целую неделю молотит зерно на току Зулфугара. Да и женщинам Залимхановых домов вечно приходится «помогать» Зулфугару – то шерсть собирать во время стрижки, то приводить ее в порядок, сортировать, а то и чесать, и пряхть.

Вот и сейчас, когда в Кабарде всюю идет обмолот, однажды вечером, как и бывает частенько, Сарыбий коротал время у Зулфугара, и вот, когда уже настала пора уходить, хозяин говорит – да так, словно просит о какой-то мелкой услуге, вроде того, чтобы он отодвинул стул и дал ему пройти:

– Оллахий, Сарыбий, надо бы свезти мясо вниз, о зерне позаботиться, а то, по-моему, не из чего уже и муку смолоть.

Сарыбий, старший из двоюродных братьев Зулфугара, бывал иногда своевольным, не всегда покорно лез в ярмо. Зулфугар, конечно, знал с чего это его братец, не в пример другим, бывает строптивым, но никогда и виду не подавал, что сердится, старался сдерживать себя, улаживать

все по-хорошему. Так умный хозяин не бьет породистого, но с норовом, коня, а потихоньку да полегоньку приучает его к седлу. А дело было в том, что их дед Бекмырза-бий последние годы своей жизни провел в доме Карамырзы, отца Сарыбия. И, как и принято, дом, где жил старый князь, считался главным, или, как говорится в народе, Большим домом всего рода. А потому, естественно, считал Сарыбий, что Зулфугар должен относиться к нему, к единственному сыну Большого дома, более уважительно, нежели к прочим родичам. Согласно обычаям, Зулфугар, так и должен был поступать, но сегодня, когда не честь, а богатство начинает определять общественный вес человека, он, Зулфугар, никак не мог понять, с чего это он должен оказывать какие-то особые почести Сарыбию. Пусть он пока не может равняться с самим Крымом, но ниже крепости по богатству никто с ним, с Зулфугаром, потягаться не может, да и авторитета у него ничуть не меньше, чем у Крыма, пусть даже тот и старшина. К тому же он, Зулфугар, и старше Сарыбия на два-три года. И вот, прекрасно все это зная, зная, что вся нижняя половина Большой Балкарии смотрит ему в рот¹, как может он, Зулфугар, особо уважительно относиться к Сарыбию, который за девять-десять лет из-за собственного скудоумия и лени растранижил доставшееся ему от отца немалое наследство? «Нет уж, братец, – говорит сам себе иногда Зулфугар, мысленно споря с Сарыбием, – и честь, и уважение мне положены, а раз так, будь добр, оказывай мне и честь, и уважение! А коли не хочешь – отодвинься подальше: я-то без тебя проживу. Посмотрим, как ты без меня проживешь!»

Но Сарыбий, наверное, не знал о столь ясных и отчетливых мыслях своего кузена по поводу их взаимоотношений, а потому попытался увернуться от не такого уж и легкого задания.

– Оллахий, Зулфугар, я сейчас еще не оправился от простуды, не знаю, что и сказать, – начал было он увливать, но Зулфугар, как ему казалось – мягко – возразил:

– Но ведь ты же сам первым обидишься, если келин завтра или послезавтра придет и попросит муки, а муки не будет...

После этого Сарыбию ничего не оставалось, как сделать вид, что в словах брата ничего оскорбительного он не почувствовал.

– Через два-три дня поправлюсь, наверное, поедем тогда, что делать, раз надо, – ответил он.

– На что это похоже – взрослый мужчина хнычет из-за какой-то чепуховой простуды! – постарался придать разговору родственный шутиливо-развязный тон и Зулфугар. – Позаботьтесь завтра о людях, мулах и ишаках, а послезавтра тронетесь в путь – так было бы неплохо.

– Тронемся, тронемся, коль благословит Аллах, – сдался Сарыбий, поняв, что все равно от поездки не отвертеться.

Через два дня, в пятницу, Сарыбий, старший сын Зулфугара Бекболат, Токлу из Курмановых из селения Зылгы, который арендовал немного

¹ Смотрит в рот – слушаются его, ждут его слова.

пахотной земли и сенокосов у Залимхановых, и его восемнадцатилетний сын Махти с рассветом вышли из села, погоняя перед собой трех мулов и шестерых ишаков, нагруженных вяленным мясом.

Завершив свои дела – продав и обменяв мясо, с тремястами рублями в кармане и с тяжело нагруженными пшеницей, кукурузой, пшеном и солью мулами и ишаками, к вечеру в среду следующей недели они уже были у Голубого озера. Тот, кто не уверен, что до темноты выберется из теснины к Большой Балкарии, обычно ночует здесь, на поляне перед входом в ущелье. По этому случаю тут для путников выстроен небольшой приют с довольно просторным навесом для скота.

Освободили животных от груза, дали им малость овса, а сами разожгли костер, сварили вяленого мяса и немного согрелись, попив горячего бульона. Дни стояли ясные, и с наступлением ночи было очень холодно. Там, где небо не закрывали нависающие громады гор, поблескивали звезды, подмигивая, словно приглашая путников к какому-то таинственному разговору. Но путникам было не до неба и звезд – они думали лишь о том, как бы к утру не околеть с холоду, а потому, попив горячего бульона, пока не растрачено тепло в теле, не снимая тулупов, тесно прижимаясь друг к другу, улеглись на топчане, предварительно утеплив его сеном.

А рано утром, вновь кое-как согревшись бульоном, навьючили животных и гуськом двинулись в ущелье. Когда они миновали лесистую часть ущелья и вышли к подножию голых скал, где петляла дорога, половина пути была пройдена и уже был полдень. А солнце, видимо, перепутало зимний день с весенним, так что не только светило, но даже и грело довольно-таки по-весеннему. Камушки, что иногда скатывались сверху, говорили о том, что там, наверху, на солнцепеке подтаивает снег. Все с удовольствием подставляли свои лица солнцу, прижмуриваясь от приятного ласкового ощущения тепла.

...Услышав странный шум с треском, словно поблизости медведь, ломая ветки, пробирается сквозь заросли орешника, все глянули туда, откуда послышался этот шум и треск, – наверх. И увидели то, что и врагам своим не пожелали бы увидеть, – сверху прямо на них катился громадный рыже-красный осколок скалы, делая громадные прыжки, отчего создавалось впечатление, что он не так уж суеблив, делает свое дело спокойно и уверенно; а следом за ним и по бокам катились камни поменьше – отчаянно крутясь, часто-часто касаясь склона, словно они бежали изо всех сил, стараясь не отстать от большого осколка скалы, своего предводителя. Животные, верно, почувствовали беду на мгновение раньше, чем люди: в тот момент, когда люди, заметив сель, отчаянно стали искать выход из этого безвыходного положения, ища хотя бы какой-нибудь жалкий кустик, за который можно укрыться, животные уже пытались спастись: они, стремясь обогнать друг друга, устремляясь прочь с пути селя, сбивали один другого с ног, запутывались, цепляясь навьюченными грузами на боках и все отчаянно старались хоть на метр сдвинуться куда угодно с того места, где они находились; видимо, каждому существ-

ву казалось, что именно того места, где он сейчас находится, коснется в очередной свой прыжок катящийся осколок скалы.

Сарыбий и Токлу находились в середине каравана, и спереди и сзади дорогу заграждали тяжело нагруженные мулы и ишаки, а вверх или вниз бежать – никакого смысла. Токлу, видно, это понял сразу – он остался стоять там, где стоял, поднял руки к лицу и обратившись в сторону кыблама, никто кроме самого Всевышнего в этом положении ему помочь не мог, а потому он и призывает к Аллаху, наверное, о помощи. Лишь мгновенные видели его в таком положении Бекболат и Махти – в тот же миг летевший камень ударил его по груди и лицу, и все исчезло. А Сарыбий еще раза два мелькнул среди потока камней и тоже пропал из виду.

Потрясенные происшествием, Бекболат и Махти не успели еще произнести ни слова – а все уже было кончено. На той стороне трусцой уходил в сторону села один мул, с одного боку свисал мешок, готовый вот-вот свалиться на землю, а позади него чуть в стороне от дороги барахтался, придавленный тяжестью груза ишак, сбитый с ног, видимо, мулом, пытаясь встать. А два ишака, зацепившись друг за друга вьюками, стояли, повернувшись головами в разные стороны, не имея возможности сдвинуться с места.

Вся глубина случившейся у них на глазах трагедии на первых порах не дошла до сознания джигитов. Долго они стояли так – оцепенев, не в силах вымолвить хоть слово, хотя бы сдвинуться с места. Лишь потом, спустя несколько долгих мгновений, до них дошел смысл происшедшего, и они без оглядки – совсем не думая о том, что следом за первым ударом селя может последовать и другой – кинулись вперед, где еще минуту назад были Сарыбий и Токлу, где остался лишь страшный след от прошедшего потока камней и щебня. Тела Сарыбия и Токлу лежали неподалеку друг от друга у смятых кустов терновника...

Когда горькая весть дошла до села, в ущелье, к месту трагедии, поспешили все, кто считал себя взрослым мужчиной – и стар, и млад. К вечеру длинная скорбная вереница мужчин, неся впереди на плечах носилки с телами Сарыбия и Токлу, достигла первого села Большой Балкрии – Зылгы. Часть мужчин с телом Токлу осталась в Зылгы, остальная часть с телом Сарыбия потянулась дальше – в селение Косфарты.

За свою многовековую историю Большая Балкария навидалась всего, но чтобы так, казалось бы, ни за что ни про что свалилась такая беда – этого не многие припомнят. Дорога по ущелью, конечно же, была узка и небезопасна, там случались всякие неприятности, и люди привыкли к тому, что она ежегодно собирала дань в качестве жертвоприношения. Это обычно ограничивалось то глупым ослом, навьюченным зерном, которому обязательно надо было спотыкнуться на самом неподходящем месте и покатиться, кувыркаясь, вниз, к реке; то пугливой лошадей, шарахнувшейся в сторону лишь оттого, что сверху неожиданно скатился камушек – к тому же ей обязательно вздумалось шарахнуться не вперед, не назад, не вверх, а именно вниз, к реке; то только что купленным несмышленишем-бычком из долины, которому именно тогда, когда сама

дорога от крутизны косогора со страху сужается до размеров тропинки, взбредет в голову малость поозорничать. Доставалось и людям, которые пытались не отдавать в жертву дороге-эмегенше своего осла вместе с так нелегко доставшимся зерном, лошадь или бычка. Но дорога была безжалостна – она собирала свою дань, одновременно наказывая строптивых, не желающих смириться с этим людей, – она ломала им руки и ноги, лишь в исключительных случаях отпускала их с легкими ушибами. Иногда бывало и так, что отчаявшийся труженик-горец не хотел отдавать этой ненасытной эмегенше просто так, задарма, своего любимого мула или ишака и изо всех сил, не думая ни о чем, ничего не страшась, старался вырвать его из пасти чудовища. Тогда рассерженная дорога-эмегенша проглатывала вместе с мулом или ишаком и его упрямого хозяина. Но это бывало редко, раз в несколько лет, так как люди знали, что с дорогой шутки плохи, и если ей вздумалось в качестве жертвы что-либо взять – противиться этому ее желанию не имеет смысла. А чтобы она в один и тот же день поглотила двух ишаков, навьюченных зерном, одного мула, да еще в придачу двух взрослых мужчин, совсем даже ей не перечивших, – такого в Большой Балкарии и вправду никто не помнит.

Да это было трагедией не только двух сел – Зылгы и Косфарты – уроженцами которых были погибшие, а всего ущелья, всей Большой Балкарии. Около двадцати сел в Большой Балкарии, и каждый день что-то случается в одном из них – жизнь есть жизнь – кто-то умирает, кто-то женится, кто-то рождается. И взрослым людям, согласно обычаев своего народа, непременно следует принимать в них участие. Да это и само собой разумеется – кто же не пойдет к односельчанину выразить свое соболезнование, если у того в доме покойник, кто усидит, не пойдет на той к соседу, кто откажется посидеть, поесть и попить на радостях, когда у твоего родственника появился сын-наследник. Но в Большой Балкарии много сел, много народу, и если бывать везде – и на похоронах, и на свадьбах, и на курманлыках, то и для дома, для ведения хозяйства времени не останется. Поэтому-то и принято так – всеми хлопотами, связанными и с горестями, и с радостями односельчан, в основном, справляются сами, а из других сел приходят лишь те, которые не могут не быть здесь в этот день, – это близкие родственники, друзья и товарищи. А остальной люд продолжает покорно плыть по реке жизни, как во все времена. Здравый народный ум говорит о том, что ничего в жизни не следует слишком уж преувеличивать – не драматизировать жизнь из-за естественно случающихся бед и напастей, таких даже, как смерть, к примеру; не восхвалять, не возносить до небес тоже что-то естественное, но приятное для нас: красоту, ум, богатство собственных детей или близких родственников или еще что-нибудь подобное. Недаром же даже в одной здравце так и говорится: «Да не обойдет нас Аллах ни радостью, ни горестью!» – пусть, мол, всего посылает постольку, поскольку полагается, пусть жизнь, мол, идет естественным, положенным ей путем и способом, лишь бы она не была сбита с пути, предопреде-

ленного Всевышним, и чтоб по этой причине не преувеличивались беды и напасти. Вот поэтому-то и не к чему всей Большой Балкарии, позабросив все свои дела, одеваться в траур на несколько дней, если в одном из двадцати сел умер дома у себя в постели от заворота кишок ребенок или от сердечного приступа старик; ни к чему так же толпиться жителям всех двадцати сел на свадьбе или на курманлыке – ведь все это обыденно, естественно, к чему полошиться всему ущелью?

Но то, что произошло на сей раз на дороге, было не обычной бедой, не обычным горем, что порою случается. Это была беда не одного села и принесла печаль и горе не в одну только семью, не в один только род или село. Это была беда всего ущелья, и в каждый дом всех двух десятков поселков Большой Балкарии она принесла печаль и тревогу: дорога-эмегенша, не довольствуясь только ослами, мулами да телками, требует уже и человеческих жертвоприношений. Надо что-то делать, как дальше все это терпеть? Об этом и говорили мужчины меж собой, вереницами стекавшиеся из всех сел на похороны и дууа¹. И почтенные белобородые старики, и молодые джигиты, у которых все еще не прошла юношеская радость от впервые отращенных усов, завидев Исмаила из Аланбиевых, старшину Большой Балкарии, непременно заговаривали о дороге. И все заканчивали одними и теми же словами, словно сговорившись: «Давай, давай – время уже настало! Организуй народ – не проложив хорошей дороги нормальной, спокойной жизни нам не видать». И кто, как, где об этом принял решение – невозможно было разобраться, но уже во время дней дууа распространилась весть – уже в наступающий воскресный день собирается сход, где будут решать участь дороги-эмегенши.

На третий день после похорон завершается дууа – траурный обряд, и к вечеру группа мужчин из селения Кюннюм возвращалась домой вместе. Так как человеку, идущему с дууа, заходить в гости обычай не позволяет, Науруз, не приглашая в дом, попрощался со своими спутниками у ворот.

– Дай Аллах, чтобы теперь мы собирались только по радостному случаю! – сказал он.

– Аминь Аллах! – ответили те, как положено, и даже не останавливаясь, отправились дальше.

Согревшись у очага, Науруз зашел в большую комнату и пригласил к себе сыновей. Любимый внук, младший сынишка Исмаила Магометик, как всегда, оказался возле дедушки, но на этот раз Науруз не посадил его на колени, не приласкал, а, повернув лицом к двери, слегка хлопнул его по попке и сказал:

– Иди к матери.

Это было так необычно, что мальчик не поверил в серьезность намерения дедушки, а потому, сделав вынужденные два-три шага, оглянулся и широко открытыми глазами посмотрел на Науруза и, видимо, повинувшись не словам, а желанию души старого горца, вернулся назад,

¹ Дууа – заупокойная молитва, длится в течение трех дней после похорон.

прижался к его ногам и стал любоваться серебряными узорами на пряжках ремня. Да и Науруз сам, скорее всего, отсылал внука к матери не от необходимости этого, а так, чтобы этим жестом показать сыновьям всю серьезность предстоящего разговора, а то почему же он не обратил никакого внимания на вернувшегося мальчика? Наурузу была по душе привязанность внука к нему.

– Большое горе, оллахий. Говорят, у бедного Токлу шестеро детей остались.

– Да, четыре дочери и два сына, – подтвердил Исмаил.

– Мальчик, я слышал, старший, тот, что был в ущелье с отцом.

– Говорят, лет восемнадцать ему. Да и второй сын, говорят, тоже уже подросток, пятнадцать лет вроде бы уже, – добавил Шамиль.

– Ну, какое же решение по этому делу, сын? – глянул Науруз на Исмаила.

– Какое еще решение – Зулфугар, говорят, взял на себя все расходы в связи с похоронами, а также когда настанет и жик-дууа, и годовщина.

– Это само собой понятно, иначе ему людям и в глаза посмотреть было бы неудобно. Я не об этом. О дороге я говорю. Надо на что-то решиться, время пришло, оллахий. Сегодня Токлу, Сарыбий, а завтра кто? Тот, этот, или же я, ты? Только один Аллах это знает. Пора взяться за дело. Если даже по одному человеку из каждого дома уберут с дороги по одному камню – и то большое дело! Стыдно должно быть всей Большой Балкарии...

– Народ соберется – что-нибудь решит, – ответил Исмаил.

– Как отаре нужен чабан, так и народу нужен предводитель. Он обязан найти выход из любого положения, чтобы не страдал народ. Сегодня, когда олия нет, когда и князь, и уздень, и кул – каждый сам себе хозяин, кому быть предводителем, как не старшине? Разве не так?

– Я все это понимаю, отец. Если хочешь знать, в эти два-три дня я ни о чем другом и не думаю. Я просто боюсь – осилит ли наш бедный народ такое большое дело? Раз братья за дело, то надо строить хорошую дорогу, чтобы на арбе проехать. А для этого потребуется много людей, много денег! Где все это взять?

– Глаз – трус, рука – смела! Надо только начать дело. А у народа сила есть – сумеет бы организовать.

– Посмотрим, что народ скажет.

– Нет! Нельзя сидеть без дела, ожидая, когда народ что скажет. Да и народ, по-моему, уже сказал свое слово – разве ты не слышал?

– Слышал.

– Тогда зачем говоришь, «что народ скажет»? Народ сказал: «Надо строить дорогу!» А вы, начальники, организуйте людей, наладьте дело.

– Но как организовать, как наладить?

– Надо подумать. Подумать о том, где достать то, сё, как поднять народ, что он может дать. Кто обо всем этом будет думать, если не ты?

– Думаю, отец, думаю. Я думаю обо всем этом. Но, еще раз говорю, – дело очень большое, боюсь – управимся ли?

– А ты не бойся. Не зря же говорится – мечту села осуществит настоящий мужчина. Раз забрался на тёр – распорядись, организовывай. Без труда ничего не достичь. И спокойной жизни тоже. А нам спокойной жизни не видать, если не построим дорогу. Об этом не забывай.

– Я знаю об этом, отец. Только не знаю, что делать. Есть богатые, есть бедные. Есть дома, где три-четыре богатыря, и есть дома, где одна мать растит трех-четырех сирот. Как же мне их всех приравнять? А если не приравнять, не сказать «от каждого дома», многие не согласятся, пойдут споры, разногласия, объединить народ не удастся. А если у народа не будет единства – о строительстве дороги и мечтать нечего. Вот что, отец, не дает мне покоя, вот о чем я все время думаю.

Услышал эти слова сына Науруз-бий, и на душе у него стало светло и радостно – нет, Исмаил не обманул его надежды, он – настоящий князь: народ, его благополучие, заботы и тревоги – главное в его жизни. А то появились сейчас среди князей и такие – одни готовы на все, лишь бы еще больше разбогатеть, на честь и мораль особо не оглядываются, словно заезжие купцы-обдиралы, другие вовсе ничего не хотят делать, кичатся своим происхождением, за короткое время проматывают все, что им досталось от отцов, а потом живут чуть ли не на подаяния родственников и соседей. Слава Аллаху, Аланбиевы не из таких князей, они всегда были предводителями народа – и умом, и деловыми качествами, и уважительным отношением ко всем людям. Если ты князь, то заботься о народе, как отец родной – это было нерушимым жизненным правилом всех Аланбиевых. Потому-то и избирал народ раньше, до вхождения Балкарии в состав России, на должность олия непременно кого-нибудь из Аланбиевых, а не из других княжеских родов...

– Может быть, все, что ты говоришь – дело и нелегкое, но все же – мелочи. Главное – это с чистой совестью относиться к народному делу, – подчеркнул Науруз-бий. – А эти мелочи можно как-нибудь и решить. Надо спокойно поразмыслить. О таких вещах, говоря откровенно, я и не думал, – добавил старый князь, этим самым давая знать, что он доволен сыном.

Азид КУАНТОВ

ОПАЛЕННОЕ ДЕТСТВО

*Главы из повести¹***Стрельба по мишени**

Дорога, по которой мы шли, вела через кукурузное поле: возвращаться вчерашним путем никто не захотел – боялись. Вокруг ни души, как будто кроме нас и в целом мире никого не было. Стояла такая тишина, словно война приснилась в страшном сне и воспоминание о нем разогнало ласково пригревающее солнце. Никаких звуков, если не считать мирного шуршания кукурузных листьев, раскачиваемых несильным ветерком.

Мама и Чазиба, да и Маруз тоже, шли впереди, наперегонки. Мы с Арсеном плелись сзади, Маруз, то и дело оборачиваясь, насмешливо подгоняла: «Ну, что вы там, быстрее!»

Так миновали Базар-курган, дошли до полевого стана четвертой бригады. Все разворочено взрывом, Стены едва стоят, крыши нет, рядом – огромная воронка. За дорогой, вместо хлева и амбара, вытянутое в длину пепелище. Здесь наверняка был бой. Не останавливаясь, мы прошли мимо, только иногда кто-нибудь испуганно оглядывался.

Вот и усадьба Мизы, во дворе тихо, никого не видно. Через канаву, по огороду – подошли поближе к дому. В дверях появились Дух и Валя, смотрят во все глаза...

– Ан-на, откуда вы идете? – спросила наконец Дух. Тут же спохватилась: – Да вы заходите, заходите...

Женщины вошли в дом, мы с Арсеном присели в коридоре. Валя достала из колодца воды, поставила полное ведро рядом с нами.

– Пейте...

Арсен выпил целую кружку, а мне что-то не хочется.

– Вы родственники Дух? – спросила Валя.

Я утвердительно кивнул головой и, в свою очередь, спросил:

– А ты меня разве не узнаешь? Мы же здесь были...

На этот раз качнула головой Валя, только отрицательно.

Не помнит, а я помню, хоть с тех пор прошло уже года полтора... В правлении было шумно, толпился народ, у стены, рядом с председательским столом, сидели эвакуированные – два старика и четыре женщины. У троих из них на коленях сидели дети, у четвертой женщины за спиной стояли две девочки. Чуть подальше – еще одна девочка. Постарше и повыше, она держалась особняком и как-то замкнуто. Из-под черной ша-

¹ Продолжение (см. №№ 6, 2003; 5, 2005).

почки выбивались ее русые волосы, голубые глаза смотрели с нескрываемой грустью, лицо ее мне показалось неестественно бледным, хоть и было приятной округлой формы.

При них не было никаких вещей, ничего. Бежали, наверное, как и мы теперь, все побросав. Я смотрел на них и думал: «Когда они шли по снегу, в них, наверное, стреляли немцы. И под бомбами бежали, с детьми на руках...»

Касболат – наш председатель сельсовета – вздохнул и сокрушенно сказал:

– Вы сами знаете, какое у нас положение. Кто пригласит к себе...

В это время к столу председателя подошел старый Чацу, который сторожил колхозный амбар, пригладил свою седую бороду и уверенно произнес:

– Валлахи, Касболат, здесь не должно быть лишних слов. Да наступит этого пса по кличке Гитлер божья кара, за то, что он разбросал по белу свету безвинных людей. Пиши, значит, одну семью, будут есть, что и я, такой разговор!

Чацу подошел к женщине с двумя девочками и положил руку ей на плечо.

– Пошли, мои хорошие. Найдется и где спать, и что есть...

Женщина встала со стула и поклонилась старику.

– Да будет бог милостив к вам...

Он, не давая договорить, жестами показывая, что обижен этим поклоном, увлек их, уже «своих», к выходу.

Других беженцев распределили по домам так же быстро и без долгих разговоров, у стены оставалась только та одинокая девочка с грустными глазами.

К ней подошел Миза.

– Давай знакомиться, – протянул жилистую руку. – Меня зовут Миза. А как тебя?

– Валя... – нерешительно ответила девочка.

– Пойдешь к нам?

Валя засветилась смущенной улыбкой, словно этот вопрос прогнал ненастье, долгое время пригибавшее книзу небосвод...

Вот тогда я и увидел ее впервые. Потом и в гости заходил к Мизе, но ей почему-то не запомнился.

– Ты сама-то откуда? – спросил у девочки Арсен.

Она тяжело вздохнула.

– Из Ленинграда.

– Немцы не взяли Ленинград?

– Не знаю... – Валя пожала плечами, потом, немного подумав, добавила твердо: – Нет, не взяли.

– А где твои родители?

На этот вопрос девочке приходилось, по-видимому, отвечать часто, она уже привыкла к нему и все-таки заметно опечалилась, отвечая и в этот раз:

– Никого у меня нет.

Я толкнул Арсена в бок: оставь, мол, ее в покое.

– Как, совсем? – он посмотрел на меня, затем на Валю.

– Совсем. Одна осталась. – Она смотрела куда-то вдаль. – Я потеряла и маму, и младшего брата Павку... в один миг. Прямое попадание бомбы. А я вот... ни одной даже царапины. А их и похоронить не могли, оставили, как есть, и уехали... И о папе никаких новостей. С тех пор, как ушел на фронт, ни одного письма не получили от него...

– И от нашего отца ничего нет, – сказал Арсен.

Все трое опустили головы, задумались, не зная, о чем говорить. Всем стало грустно. Я пытался придумать что-нибудь, чтобы прервать это неловкое молчание, но так ничего и не придумал.

Арсен достал из кармана обрывок газеты, из другого – крохи табака, и принялся сворачивать «самокрутку». А я смотрю на дверь: вдруг его мать появится. Он же продолжает крутить с таким видом, будто ему все равно – увидят, нет...

– Пошли на речку, – не выдержал я и поднялся со своего места.

Валя смотрит на меня так, словно я предложил невесть какую глупость.

– А что здесь такого? – не понимаю я этого взгляда.

– В школе полно немцев. Дух меня и за порог не отпускает.

– Мы ей не скажем. Пошли...

Спустились с довольно высокого берега и подошли к воде.

Арсен запалил свою самокрутку, затянулся и медленно выпустил дым. Затем снова глубоко затянулся... Я присел, чтобы помыть руки, подумал мимоходом: «Интересно, что дает людям табак?..»

За рекой эхом раскатился пистолетный выстрел.

– Снова стреляют по мишени, – объяснила Валя. – Вчера тоже стреляли.

– Посмотрим? – предлагает Арсен и, не дожидаясь ответа, мигом сбрасывает обувь.

Пока мы перебирались через реку, а затем отдыхали в зарослях бузины на том берегу, звуки пистолетных выстрелов усиливались, порой казалось, что это автоматные очереди: так часто они раздавались. Потом увидели и немцев, которые стреляли по мишеням, железным каскам, надетым на торчавшие в земле шесты. Попавшие пули звенели, отсверкивая, разлетались рикошетом, некоторые с глухим звуком пробивали в касках отверстия.

Недалеко от нас, в кустах, какое-то шевеление. Вскоре оттуда выскочила здоровенная собака – шерсть дыбом, пасть раскрыта, язык наружу. Бежит и назад оглядывается, взлаивая временами.

Мы затаили дыхание. По низине, должно быть, идет какой-то немец, и собака, конечно, его.

– Не шевелитесь, – шепнул Арсен.

Собака остановилась совсем близко и громко залаяла. Скоро и ее хозяин, хлопая по голенищу сапога поводком с ошейником, стоял над нами.

Собака усталилась на него, часто мигая, между клыков висит красный язычище, противно капает слюна.

Мы, как присели на корточки, так и не решились подняться.

– Что здесь делает? – склонив голову набок, спросил немец.

– Ничего, – жалобно так ответил Арсен. – Смотрим, – и он указал в сторону стрелков, устроивших себе тир на берегу реки.

– А-а! – разулыбался немец. – Карашо есть! – и пошел прочь, издав чмокающий звук губами, приманивая за собой собаку.

Тотчас поднялась Валя.

– Пойдемте отсюда, – сказала с тревогой в голосе. – Если нас этот не тронул, не значит, что и другие немцы такими окажутся.

– Ты все-таки присядь пока, – успокаивающе сказал Арсен.

Валя снова села рядом с нами и заговорила уже шепотом:

– Говорят, вчера немцы расстреляли двух красноармейцев...

– Где расстреляли?

– Около сельсовета. Их поймали в поле, знаете, где стан овощеводов, они в силосной яме прятались. Рация с ними, разведчики, передавали нашим наводку, куда стрелять из пушек...

Я слушал Валю, продолжая смотреть на немцев, стрелявших по мишеням. Неужели они такие же люди, как и мы. Если да, то почему они убивают себе подобных? Зачем они пришли на нашу землю? Интересно, а есть у них отцы, матери, дети? Я поделился своими сомнениями с Арсеном.

– Нет, – ответил он сразу, никого у них нет. У них только собаки. Видел ту псину, что к нам подбегала? Вот, наподобие ее.

– Тогда откуда они сами взялись? У детей всегда есть родители. Ведь и их тоже кто-то должен был родить.

Арсен озадаченно молчит. Немцы в это время прекратили стрельбу и шумной ватагой пошли к воде, мыться. Тут уж мы сочли за благо убраться поскорей да подальше. Вброд перешли речку и во всю мочь припустили в сторону колхозного амбара. Торопливо пролезли в дыру, проделанную в дощатом ограждении, и... наткнулись на немцев. Сильная рука поймала меня за шиворот и держала чуть ли не на весу. Арсен уже валялся на земле, крича что-то и брыкаясь. Валю крепко держали за руки, а у нее от испуга глаза как у безумной, крутит ими во все стороны...

Солдаты, переговариваясь между собой по-немецки, подвели нас к офицеру, стоявшему чуть в стороне. У него был жокейский хлыст в одной руке, он бранился по-своему, похлестывая при этом правое голенище.

Как только рука, державшая меня, ослабила нажим, я тут же дал деру. Офицер все-таки успел достать меня концом плети, плечо после этого словно запылало. Приятелю моему тоже досталось – отпустив, его, как и меня, наотмашь хлестнули плетью. Выскочив их ворот, мы перебежали через дорогу и остановились на почтительном расстоянии от амбара. Валю бить не стали: может, пожалели, все-таки девочка, но у нее покраснели и болели кисти рук, там, где их сжимали лапы здорового

немца. Мы договорились, что об этом происшествии нашим ничего не рассказываем, а то можем получить и от них тоже – чтобы не лезли куда не велено.

Едва вошли во двор, навстречу – Дух.

– Ан-на! Где вы пропадали. Ведь говорила – не отлучаться. Хотела покормить, а вас где-то носит, остыло уже все...

Мы без разговоров сидели за столом – да и не до разговоров было: уплетали жареную картошку и соленые огурцы, – лучшего и пожелать нельзя! – запивая это дело пустым чаем.

К вечеру село наполнилось немецкими солдатами – определяли себе места для постоя. И во двор в Дух зашел один. Не говоря ни слова, осмотрел дом, все комнаты, затем поморщился, буркнул что-то себе под нос и ушел. Вскоре пришли трое других солдат, спросили о чем-то Дух, но та только руками разводила, мол, не понимаю, о чем вы.

Возможно, они тоже хотели стать на постой, а может, искали что-нибудь съестное, как бы то ни было, ушли и они, так и не сумев объяснить, зачем пожаловали.

Попозже, уже не удивляя неожиданностью, пришли еще трое. Вошли в дом, мы последовали за ними.

– Матка, ихь бин спать, здьес! – прокричал, словно вокруг были глухие, один из солдат, постучав для большей убедительности себе в грудь.

– А как же мы, – опешила Дух. – Нам где спать?

– Карош, карош, – продолжает орать немец, не обращая внимания на то, что хозяйка почти до слез расстроена.

Конечно, для него «карош» – спать в теплой постели, а нам снова ютиться в землянке.

Что может быть лучше родимого дома!

Я не хотел возвращаться домой. Не сказать чтобы я был очень напуган: уже и привык ко всяким переменам и потрясениям последнего времени, и воспринимал это, словно не со мной было, а видел в кино. Подобно мне была настроена и Куля, возвращаться она отказалась наотрез.

– Шага отсюда не сделаю. Хватит, сколько я таскала на себе больного ребенка, – заявила она, как только речь зашла о возвращении.

Ее больше не трогали, а вот Чазиба с Арсеном были настроены по-иному.

– Даже если тут снова начнется бомбежка, в землянку не полезу! – с вызовом сказал Арсен, разминая затекшие за ночь ноги. – Пойдем, нана, домой.

– Повременили бы немного, – посоветовала Дух. – Мало ли что...

– Да будет к вам милостив бог, пойдем все-таки, – и Чазиба направилась к калитке.

– Я с вами, сказала мама, разужнаю, как там...

Маруз с плачем увязалась за ней. Мама приостановилась.

– Иди к Дух, милая, я сейчас же вернусь.

Странно, но строптивая моя сестренка, соглашается и, нагнув голову, подходит к Дух.

Из дома вышел новый постоялец – немецкий солдат с полотенцем на шее. Бежит к торцу дома и тут же присаживается. Вот это да! – среди бела дня, на виду у всех справляет нужду, гадит, как скотина. Ему бы пройти шагов десять до туалета, а он что делает!.. Неужели им и стыд неведом? У меня щеки загорелись: ведь и женщины здесь. А что им остается – делают вид, что не замечают.

Вышли и двое других немцем, оба в нижнем белье, с полотенцами на шее. Один взял прислоненный к стене таз, налил в него воды и принялся полоскаться. И умываются тоже не по-нашему: мы льем себе из кумгана, а эти моются прямо в тазу. Третий в это время наяривал вонючей ваксой свои сапоги.

Возвращаясь в дом, скот поделился какими-то впечатлениями с товарищами, все трое заготовили во все горло.

Дух и Куля ушли на кухню, мы с Валею подошли к калитке. Постояльцы, уже в форме и с автоматами, вышли из ворот и двинулись к колхозному амбару, где нас вчера поймали, наверное, там у них столовая – вскоре они возвратились, неся дымящиеся котелки с едой и хлеб.

Я бы тоже сейчас поел, мысли мои постепенно сосредоточились только на этом, незаметно посматриваю в сторону Вали, а что-либо сказать стесняюсь. Когда же Дух позовет нас за стол?.. Запах испеченного хлеба я уже почувствовал давно...

Мимо калитки по улице проехали несколько бортовых машин с немцами – на юг, в направлении фронта. Фронт недалеко, слышны гулкие разрывы пушечных снарядов, а вечером даже видно, как снаряды, летя, прочерчивают в небе светящиеся дуги. А раз так, немцам ехать не дальше ближайшего леса.

Мама вернулась, когда мы уже поели и убрали со стола. В руках у нее был маленький мешочек с мукой. А Чазибя с Арсеном все-таки остались там: я-то думал, пойдут, посмотрят да и вернутся обратно. Получилось наоборот: мама решила и нас забрать отсюда: все наши соседи, как только миновала опасность, уже возвратились в свои дома. Даже такой паникер, как Буба, и тот вернулся...

Куля молча слушала мамин рассказ. Молчала, значит, уже была согласна. Да я мне тут порядком прискучило без Арсена.

Несмотря на все уговоры Дух остаться, мы тронулись в обратный путь. На улице – никого из жителей села. Из какого-то двора вышли несколько немцев, пересекли прямо перед нами дорогу, но нас не тронули, словно и не заметили. И эти тоже быстро погрузились в машину, она уехала на юг, все едут на юг...

* * *

В нашем селе та же картина – на улицах ни души, у дома, где размещался сельский совет, стояли две легковушки, несколько лошадей у

коноязы. В стороне – несколько вооруженных мужчин, это не немцы, но я их не знаю.

Ставни в доме Бубы были плотно закрыты, шуевский двор пуст. Странно, мама сказала, что все вернулись... Ладно, по улицам теперь ходить опасно, но у себя-то во дворе?..

Мы свернули в переулок и вошли в свой двор с огорода, со стороны ворот побоялись. Шедшая впереди Куля вдруг остановилась.

– Что? – спросил я у нее.

– Боюсь, ноги не идут.

– Давай мне Дина на руки.

– Нет, – она прижимает ребенка к груди, – идем...

Но и мне передался страх Кули, невольно стал замедлять шаги. Что нас ждет?

Подошли к дому. Окна и двери настежь, какой-то сиротский вид и дома, и двора. Мама шагнула к двери, но тут же стремительно подавалась назад. Смотрим на нее со страхом и недоумением. Не успела она что-либо объяснить, в дверях появился немецкий солдат. Широкое красное лицо, брови сведены, автомат в руках. Мы попятились, в тишине громко заплакал Дин, Маруз спряталась за мамину спину. Немец бросил несколько отрывистых слов. Не понимаем. Видно, ищет что-то, но что ему понадобилось в брошенном доме? Наконец, махнув рукой, солдат ушел.

Крышка большого ящика в сенях была открыта. Мы держали в нем пшеницу, ее не взяли, но основательно переворошили. Интересно, что здесь искали? Большой сундук для одежды стоял на столе, все, что в нем было, валялось на полу. У двери на стене раньше висела козья шкурка – молитвенный коврик, теперь она лежала у входа: они вытирали ею ноги. Постельное белье грязное, скомканное. Кто это так «гостил»?

А во дворе и того хуже. У самого входа в дом – воронка от снаряда, у торца – такая же. Половину крыши снесло, стены рябые – в осколочных отметилах. Вместо конюшни – куча обгорелых жердей, и плетень весь сгорел. Каким-то чудом уцелел курятник. Я подошел: ясно, кто-то вовремя успел разобрать плетень, не дал огню добраться до курятника. Кому бы это быть? Больше из дворовых построек ничего не осталось. С другой стороны, зачем нам эти сараи, если не осталось никакой живности. И кур всех съели, и буйволицу нашу, скорее всего, пустили на мясо. Вот так, словно горный поток пронесся через наш двор – как смыло все!

Жеребьевка

Раз десять, наверно, бегал я в этот день к Арсену. Нет и нет его. Спрашивал Чазibu – не знает, что и думать. И сам ума не приложу, куда бы он мог запропасться. Далеко ходить – боюсь, поблизости же не нахожу. Я-то из-за него сюда спешил, а он... интересно, сколько это будет продолжаться?.. В соседних домах тихо, ни звука, все затаились, страх витает над селом. Окна и двери у всех наглухо закрыты, словно воздух,

опоганенный врагом, ворвавшись в дома, мог отравить.

Настал вечер, Чазиба места себе не находила – вдруг что-то случилось с сыном, а он у нее единственный. То и дело прибегала к нам: может, здесь объявился. Уже и ночь на дворе, а Арсена все нет. Мы перебрались на ночлег в землянку – никто не знает, что может приключиться в любую минуту. Чазиба не осталась с нами, как будто Арсен вернется раньше, если она будет ждать его в своем доме...

Он появился ранним утром, мы еще не успели выбраться из землянки, в которой кое-как скоротали ночь.

– Где ты был? – первое, о чем я спросил друга.

– Не спрашивай...

– Да мы тебя тут все обыскались, а мать как переживает!

– Если бы знала, пустила бы, как же. Где я был, что я видел!..

– Что, что? – тороплю его.

– Знаешь, что такое сход?

– Нет, – съязвил я. – Впервые слышу.

– Подойди сюда, – он увлек меня в сторону от землянки. – Комендатура теперь будет, знаешь, где раньше сельсовет был.

– Вчера мы тоже видели, мимо шли, машины стояли, лошади...

– Да погоди ты, – нетерпеливо перебил Арсен. – Я тебе говорю, сход был. Собрали всех стариков села. И Буба там был, и Шу, и Хасин... старосту избирали, и ты знаешь кого выбрали?

– А кто такой «староста»?

– Ну, это теперь новый руководитель села. Знаешь Алхаса, который в полеводческой был?..

Я кивнул, знаю, мол.

– Вот его и выбрали. Человек порядочный, сказали, будет о нас беспокоиться. И полицию организовали. Их там много полицейских, одни из села, других никогда и не видел, ходят с винтовками, а на рукавах – белые повязки. Знаешь, и отец Казана тоже в полиции.

– Бывший бригадир? – удивился я.

– Вот именно! Там, как миленький пошел. Указ прочитали. Колхоза больше не будет, а все колхозное раздадут, сказали, по рукам.

– Да что там раздавать? Все же разграблено...

– Комиссию организовали. Будут выяснять, кто что себе взял, а потом снова все распределят, как положено.

– Откуда им знать – кому что положено?

– Это не я говорю, это они...

Вывалив передо мной целый мешок новостей, Арсен побежал домой – мать успокоить.

* * *

В один из дней к нам во двор въехал Там верхом на лошади. Тяжеловато слез с седла и поздоровался с мамой. Меня потрепал по плечу. «Как здоровье, не болеешь?» Сел в коридоре на предложенный матерью стул и принялся расспрашивать:

– Где Казбек?

– Откуда же мне, бедной, знать? Уехал за два месяца до появления немцев...

– Не возвращался? – спросил Там и повел взглядом в мою сторону.

– Какое там, да разве так можно? – удивилась мама.

– Если захочешь – все можно. Вот мы...

Я не стал слушать его, пошел прочь. Дезертир! Предал родину, теперь к немцам примазывается. Думает, и мой брат как он. Не выйдет!

В школе учителя часто расспрашивали нас о шпионах, предателях родины. Они утверждали, что выявить таких людей можно, если быть очень наблюдательным, и призывали к этому. Но откуда у нас в селе, в глубоком тылу могли взяться шпионы. Другое дело, если бы мы жили рядом с границей, тогда бы, по моему разумению, к нам и могли бы подбросить шпиона. Но откуда его взять в таких местах, как наше село, будь ты хоть трижды наблюдательным? Так думали и мои друзья, но все-таки мы присматривались, втайне мечтая однажды поймать врага. Бывало, идем за каким-нибудь незнакомцем, куда он, туда и мы следом, таимся, как будто сами в шпионов играем... Помню, как-то наблюдали за одним парнем, который шел по улице с чемоданом в руке, с пиджаком, переброшенным через другую, по виду и на адыга не похож. Как-то странно он себя вел, оглядывался все время, присматривался. Мы не сомневались – шпион! Идет, и на уме у него какое-нибудь злодейство, какая-то тайная цель.

Долго мы шли за ним по пятам. В конце концов парень остановился... напротив нашего дома. Мы тоже остановились, переглядываемся, в толк не возьмем, что ему здесь-то понадобилось? Если бы он в поле пошел – понятно, урожай хочет уничтожить, поджечь. Если в сторону фермы, тоже понятно – животных отравить. К воде, тоже цель ясна – яд в воду бросить. Странный какой-то шпион...

А он вдруг обернулся к нам и на чистом кабардинском языке, где найти таких-то. И называет мою фамилию. Как оказалось, этот парень учился с моим средним братом и теперь искал наш дом, чтобы зайти проведать. Нас как кипятком ошпарили, так опозориться, стояли и голов поднять не смели...

Что такое шпион – тогда для нас так и осталось тайной. Но теперь, видя Тама, зная о его делах, и особо наблюдательным быть не надо, все понятно. Всякий имеющий глаза все видел сам. Дезертир, бежал с поля боя, предал, бросил своих друзей. Более того – примазался к нашим врагам, фашистам и ходит у них в холуях. Кто бы мог подумать! Посмотрите-ка на него, как важно ходит по селу, размахивая плетью. Новый порядок устанавливает.

Два дня спустя наш квартал собрался во дворе у Шу. Пришли туда и мы с Арсеном. Были там и женщины, и мужчины, в основном – люди пожилые. Турк сидел на табурете, глядя снизу вверх то на одного, то на другого, прислушивался: туговат был на ухо. У плетня, опираясь на костыль, стоял Ахад. Дул, который всю жизнь был табунщиком, мы называ-

ли его Даплей¹, и тут все больше разглядывал лошадей. Рядом с Бубой и Шу стоял незнакомый мужчина и вел с ними негромкий разговор. Говорят, он тоже из нашего квартала, был выселен в Среднюю Азию, недавно вернулся. Все это разведал, конечно, Арсен, и откуда он только достает свои новости? Хасин стоял у плетня, опираясь на него здоровой рукой.

Чуть поодаль, отдельной группкой, стояли женщины.

В центре двора в общую кучу было нагромождено то, что оставалось из колхозного добра: четыре более менее исправные брички; еще одна без лестницы; однокопная бричка Луки (сам-то он, интересно, где?); бригадирский шарабан; пять задних колес, два передних; несколько заржавленных плугов и борон... И это все – на тридцать две семьи?

Сын Даплея привел под уздцы двух лошадей, их поместили в хлев, где держали других лошадей и быков. Оказывается Даплей прятал их у себя, чтобы не вносить в общий котел.

Во двор въехал Там. Слез с лошади и подошел к Турку. Их тут же окружили остальные. Мы тоже, мальчишки, стараемся держаться поближе. Теперь понятно, почему все ждали Тама: он рассказал, что вообще происходит в селе, что была образована комиссия из трех человек: Турк, неизвестный – как оказалось, по имени Бахиль, – и он сам, бывший бригадир Там. Комиссия все пересчитала, потом остатки колхозного имущества считали семьи. Считай не считай – на всех не хватает.

Решили обделить переселенцев. У нас только одна семья такая: Чазоба и ее сын Арсен. Выходит, им ничего не достанется.

Потом еще две семьи вышли из общего списка – вспомнили, что они ничего не вносили, когда объединялись в колхоз. Да у них ничего и не было. И тогда бедствовали, и сейчас так же.

Судили-рядили, сойтись в чем-то не смогли: маловато имущества, которое надо поделить. Одному достается лошадь, а бричка – другому, и никак иначе.

Все-таки приступили к жеребьевке. Бахиль стоял посреди двора с шапкой, в которой были свернутые бумажки. Кому же повезет? Я впервые в жизни видел тогда, как она происходит – жеребьевка. Первым к шапке, которую основательно встряхнул Бахиль, подошел Турк. Протянул руку. Все, затаив дыхание, следили за каждым его движением. Сам же Турк делал вид, что происходящее ему безразлично, копошился в шапке, на самом деле – не решался, какую бумажку все-таки взять. Наконец старик протянул Таму свой выбор. Тот, сдвинув брови, развернул бумажку, затем оглядел всех собравшихся вокруг и громко произнес:

– Лошадь.

Турк поспешил в хлев и застрял там надолго. Его торопили, но он, словно совсем оглох, не обращал внимания уже ни на кого. Сын Даплея показывал ему то одну лошадь, то другую, а старик все не решался сказать «эту», боясь прогадать. Выбрал, наконец, рыжеватого мерина, накиннул ему на шею веревку и вывел из хлева.

¹ Верхогляд (каб.).

Затем к шапке подошел Ахад. Он долго не думал, вытащил первую попавшуюся бумажку и отдал Таму.

– Два колеса, – торжественно зачитал глава комиссии.

– Валаги, Турк, – крикнул Ахад в ухо соседу, – если ты лошадь, то я бричка! – И пошел выкатывать из кучи свои колеса.

– Подходи твоя очередь, – показал пальцем на меня Там.

Я удивился: здесь полно старших, почему Там решил пропустить вперед именно меня? Мне объяснили, что я представляю здесь своего отца, а очередь как раз его, по возрасту он идет за Турком и Ахадом.

Ну, если так... Закрыв глаза, запускаю руку в шапку. Я так хотел иметь собственного коня... Когда протянул выбранную бумажку Таму, все во мне замерло, кажется, и сердце стучало через раз. Смотрел на него, не отрываясь. И не поверил сразу, когда услышал его громкий возглас: «Лошадь!»

– Что стоишь? – подтолкнул меня в плечо Шу. – Иди выбирай!

«Арсен, где Арсен?» – осматривался я по сторонам, но друга так и не нашел. Какую же выбрать? Я ходил по хлеву, разглядывал лошадей, фыркающих, перебиравших в нетерпении ногами... Сейчас я могу взять себе любую. Мне нравится вороной жеребец, который раньше ходил под седлом Даплея. Можно одну из тех, что привел потом его сын... Не могу выбрать. А Даплей ходил за мной по пятам и переживал из-за того, что я мог остановить выбор на его лошади. А ему тянуть жребий после меня.

...Высоко поднимая точеную голову, оглядывая людей большими блестящими глазами, во дворе стояла статная каурая. Мне тут же вспомнился день, когда я впервые ее увидел.

Каурую вел на аркане, привязанном к металлическому кольцу недоуздка, Казан. Сзади шел Там и длинным кнутом жестоко избивал лошадь, которая, наверное, уже не чувствовала ударов. «Чтобы объездить скакуна, обязательно надо его избивать?..» – помнится, подумал я тогда.

Сейчас я медлил, вспоминая то избивание...

– Какую выбрал? – поторопил меня Даплей, глядя, высоко задрав голову, как будто я находился не рядом, а на другом конце села, и он таким образом меня высматривал.

Я решительно указал на каурую.

– Вот этого шайтана? – удивился Даплей.

Киваю головой, да, мол.

– Ее нельзя запрягать в арбу, она верховая. Возьми хотя бы того рывевого...

– Я хочу эту.

Скорее всего, советы табунщика были дельными, ее никогда не запрягали в бричку, на ней всегда ездил бригадир. Но я не хотел, чтобы она снова досталась Таму.

– Как хочешь, – махнул рукой Даплей, я тебе добра желаю. Ты слишком молод, а эта лошадь чересчур... как бы тебе объяснить, резва.

* * *

Единственная уцелевшая в нашем дворе хозяйственная постройка – курятник. За ним я и привязал мою лошадь. Срезал немного кукурузных стеблей и бросил ей. А как дальше? Где держать, чем кормить? На чердаке валялся какой-то драный хомут, его можно починить. А остальное?.. Ладно, Арсен обязательно что-нибудь придумает.

Моего друга я нашел в коридоре. Сидя прямо на полу, он спиной подпирал опорную балку. Я присел рядом, он даже не посмотрел в мою сторону. Помолчали немного. Я не знаю, что сказать... вернее, хочу очень многое сказать, вот только не знаю, как, с чего начать. Я один из обидчиков Арсена, я тоже виновен в том, что он оказался обделенным. Я ни слова не сказал в его защиту, там на жеребьевке. Но кто всерьез бы воспринял мои слова, кто бы и слушать меня стал. Есть старшие, есть комиссия – решают они...

– Арсен, – выдал наконец из себя. – Лошадь мне досталась.

Он продолжал молчать. Меня это как-то обескуражило, и – перед тем как снова заговорить – я еще какое-то время собирался с духом.

– Мне негде держать лошадь... Знаешь, они говорит – объединяйтесь, другого выхода нет. Ничего не понимаю: зачем делить то, что было общим, чтобы снова объединить... Одним лошадь дают, другим колеса от брички. Не буду я ни с кем объединяться. Мы с тобой что-нибудь придумаем, верно?..

Арсен – ни звука, а я ему:

– Что, обиделся?

– Да разве дело в этом.

– А в чем?

– Что, думаешь, наши уже не вернуться? Растащили колхозное добро...

Я не нашелся, что на это ответить, он правду сказал.

– Ну... вернуться, снова все сложат.

– А ты как думал? Еще как сложат!

В тот день разговор наш так и закончился – большего я от Арсена не добился.

Первая горестная весть

Нас окончательно выгнали из дома. В одной комнате жили немецкий офицер и его шустрый денщик. Они не постоянно там, только их вещи. С тех пор как вселились, только одну ночь здесь и провели. Утром уехали, говорят – на фронт, а прошло уже больше недели. Сами не ночуют, и мы не заходим – боимся. Другую комнату заняли солдаты, сделали себе двухъярусные кровати, семеро их там. Это кучера, а лошадей они держали в уцелевшей конюшне у Каровых, через дорогу напротив нас.

Солдаты уходили ранним утром, возвращались поздно, до полуночи при закрытых ставных сидели компанией за столом: ели, выпивали, временами принимались петь свои песни... Один из них, средних лет, немного говорил по-русски. Частенько приходил к нам на кухню, сидел у очага, помешивая кочергой угли. Иногда приносил нам черный хлеб.

Необычный хлеб, из военных запасов – он был плотно обернут серой бумагой, на которой была проставлена дата: 1934 год. Вкуса хлеб не имел и припахивал гнилью.

В ответ мама угощала солдата кукурузным чуреком. Он уминал его за обе щеки и нахваливал: «Гут, гут!» – затем уходил. А вообще-то этот солдат всегда был какой-то грустный, наверняка скучал по дому, по детям...

А нашим домом стала землянка. Куля из нее почти не выходила. Сидела с ребенком, тихо плакала, чтобы никто не слышал. Дину стало хуже: перестал есть и постоянно плакал, животик надулся...

– Пожалуйста, не давай ему столько воды, это вредно, – говорила мама.

– А что мне делать? Просит же...

– Покорми немножко.

– Не хочет.

Дина надо было показать врачу, но где его сейчас найдешь? Мама пошла в конец села, где жила русская медсестра. Не нашла – оказалось, она ушла с отступавшими красноармейцами. Тогда она привела с собой знахарку.

Та осмотрела Дина и сказала:

– Здесь я бессильна чем-либо помочь, бедненький...

Но все-таки, глубоко зевая, что-то пошептала, поплевала на ребенка. А еще посоветовала окурить его. Этом запах я помню: когда болел, меня тоже окуривали – смесь серы и какой-то травы. Такой едкий, неприятный запах, что от него и совершенно здоровый человек заболеть может.

Дину это не помогло.

Арсен пришел к нам через два дня после дележа колхозного добра. Мы присели у входа в землянку, он привычно скрутил «козью ножку» и закурил, однако все время крутил во все стороны головой: мать увидит – в обморок упадет.

Из землянки донесся голос Кули, слов не разобрать. Я заглянул внутрь, спросил, что случилось.

– Срочно Бабу позови.

– Что такое?

– Живее! – крикнула Куля.

Я побежал за мамой. Маруз – вслед за мной. И тут же из землянки послышался громкий плач. Оглянулся на Арсена, тот кивнул головой, умер, мол.

Мама вошла в землянку, я – тоже, но у двери остановился.

– Посторонись, не загораживай свет!

Я подался в сторону, прислонился спиной к земляной стене. Рядом со мной Арсен. Сердце колотилось так, что, казалось, ему отзывалась стена землянки. Глаза понемногу привыкли к темноте. Дин лежал на полу посреди унылого нашего жилища. Лицо едва видно, глаза как будто закрыты. Куля сидела у изголовья и плакала, невнятно причитая.

– Чей отец... бедный... Ай-яй-яй... бедный... – все, что я мог разобрать.

Мама утирала слезы углами платка. Маруз за ее спиной тоже всхлипывала, но вряд ли она по-настоящему понимала, что произошло. Я,

наверное, тоже не совсем понимал: мне было очень жаль его, но не плакалось...

– Пойдемте, милые отсюда, пойдем...

Когда мы вышли из землянки, мама сказала:

– Сбегайте за Бубой.

Впервые в моей жизни меня послали с таким горестным сообщением: как держать себя, как говорить – я не знаю. Не помню, как пришел, как объяснил...

Буба, выслушав, повернулся к дому и крикнул жене:

– Мет пришел... Слышишь? Дина нет уже в живых, говорит...

В дверях появилась тихая Лакух. Кивнув мне сострадательно, спросила:

– Когда умер?

– Только что, – ответил я и опустил голову.

– Я сейчас приду, – сказал Буба. – и другим сообщите...

Мы с Арсеном обошли все дома, где были мужчины, насколько нам это было известно. В иных домах никого не нашли, в других говорили, что мужчины куда-либо отлучились. Арсен вдруг обозлился.

– Куда мог деться безногий Ахад? Или Турк? Врут! А сами не помрут?

Дома уже готовились к похоронам. Грели воду в большом котле. Буба был уже здесь. И старый Шу пришел. Появились и Бахиль с Хасином, подошли к маме и Куле, которые стояли у открытых ворот.

– Да пусть горе впредь не посетит ваш дом...

Взрослые говорили еще много слов, значение которых мне было не понятно, затем спрашивали, когда, как... Постояв немного, Хасин снова спросил у мамы:

– Что дальше?

Мама пожалала плечами и посмотрела в сторону Бубы и других мужчин.

– Тут особых распоряжений не требуется, – сказал Бахиль. – Надо обмыть тело. Я это и сделаю, если кто-нибудь поможет.

«Раз так, – подумал я, – этот пришелец Бахиль, возможно – мулла?»

Дина вынесли из землянки и перенесли в боковушку кухни...

Какой же он маленький, бедный Дин, для него даже носилок не потребовалось. На арджене, закрытым маминым платком, Шу вынес его на руках и, уже не останавливаясь, пошел по улице. Мужчины пошли следом. Я смотрел то на маму, то на Кулю. А почему они сейчас не рыдают? Не жалко Дина? Не чувствуют горя? Раньше на похоронах женщины так горько, так надрывно голосили, даже мужчины порой не могли сдерживать чувств. Но что же случилось теперь? Может, младенцев не принято оплакивать?..

– Пошли, – потянул меня за рукав Арсен. Но на улице нас остановил Хасин.

– Вы должны вернуться, – сказал твердо. – Вам там делать нечего, еще маленькие... успеете...

Перевел Л. Местич

Суфьян ЖЕМУХОВ

Суфьян Жемухов родился в селении Кахун Урванского района. Стихи начал писать в школе. Одним из первых его опытов была поэма, которую он написал в 7 классе на уроке кабардинской литературы вместо сочинения «Как я провел лето». Но учительница отклонила сочинение в стихах, потребовав переписать его в прозе. В старших классах Суфьян выпускал рукописный литературный журнал «Мелодия стихов и прозы» (вышли 12 номеров).

Первые стихи поэта появились на кабардинской странице газеты «Советская молодежь», а затем и в журнале «Ойшамахо». В 1998 году в издательстве «Эльбрус» вышел его

сборник «Тайна моей души» («Си псэм и тIасхъапIэ»). Четыре цикла стихов, представленные в сборнике, отражают основную тематику творчества поэта. Это темы религиозного поиска, отчаяния, любви и искусства.

Писатель уделяет внимание также и другим жанрам литературы. Будучи историком по профессии и автором нескольких научных монографий, он наибольшее внимание уделяет историческому повествованию. Из-под его пера вышли повесть «Солнцестояние» (о Шоре Ногма) и пьеса «Кинжал паломника» (действие происходит в 30-е гг. XIX века).

Предлагаем вниманию читателей подборку переводов стихов, наиболее характерных для поэтического творчества Суфьяна Жемухова.

* * *

Кто-то меня за руку ведет,
Жизнь мою с судьбой моей сверяя, –
Неизвестно, сколько в ней высот,
Далеко ли мне еще до края.

Знаю лишь, что бывшее вчера –
Не мечта, не сонное виденье,
Не воображения игра,
Но – реальность и мое владенье.

И богат я тем, что я ведом,
Ведая душой, кто мой ведущий.
Только бы не растворился в нем
Свет моих желаний, к сердцу льнущий.

* * *

День ото дня и год от года
Меняюсь я, и если внешность
Меняет время или мода,
Я не виню их за поспешность.

Я чище становлюсь и тише.
И не кричит душе тревога,
Как ветер – сорванной афише,
Где нынче ляжет ей дорога.

И будни, словно ключья пены,
Уносит жизнь-река далече.
Но есть другие перемены:
Я мягче становлюсь и легче;

И мысль, воспринятая разом –
Как отзвук дум единовеца –
Есть жар, питающий мой разум
От пламенеющего сердца.

Я отдыхаю, знать не в воле
Грядущего и быть пророком.
Судьба моя не оттого ли
Следит за мной спокойным оком.

* * *

Не разбиваясь, падаю с моста,
Который пролегает между нами,
Но выстроен едва ли и на треть.
Нет, сердце исходило неспроста
Невнятными от страсти письменами,
А мне – я знал! – вовек не умереть.

Другие души, могут ли они
Сносить, как я, такие сновиденья:
Я слеп в пределах гулкой пустоты,
Ночь скрыла и небесные огни,
Но знаю чувством, что сильнее зренья, –
Свет где-то здесь, а значит – здесь и ты!

И не пугают трудности меня,
Они мне только сердце очищают.
Невыносимо то, что не могу
Наполнить светом ночи; и ни дня
Глаза твои, увы, не освещают.
...А сон все длится, я к тебе бегу.

* * *

По вечерам на меня надвигается что-то:
Вспять обращается времени быстрый поток,

Сердце за прошлым бежит, – так, уйдя за ворота,
Мечется, воеет, скулит неразумный щенок.

Поздней же ночью разбужено, словно ударом,
Сердце рывком начинает артерии греть.
Рвется куда-то щенок – все усилия даром –
Жизнь оплетает его, словно крепкая сеть.

* * *

Если солнечный день – на тебя он похожий;
День подобен тебе, если он непогожий.
В снах слепца ты сияешь, как свет неземной;
Твою суть может жестом поведать немой.

Жадный солнечный луч пьет из глаз моих влагу;
Если в путь – из-за ливня не сделать ни шагу.
Моя мысль о тебе то ударит, как плеть,
То от радости звонкой заставит запеть.

Солнце жжет мою тень и висит надо мною;
Ливень долю готовит, что выпала Ною.
Я ищу тебя, где он, легчайший твой след?
Весь к тебе устремлен... как и этот мой бред.

Часам

Давайте, давайте, часы, побыстрой!
Как мало по жизни я с вами иду,
Как много еще предстоит январей,
Написанных вехами мне на роду.

Зачем столько времени – мне одному?
Завод ваш исправен, и я полон сил,
И лени не знаю... тогда почему
Мне кажется – шагу еще не ступил?

Минуту другая приходит сменить,
Бессчетны они, ими все сочтено.
И если их выпрясти в некую нить,
То жизнь моя, думаю – веретено.

Давайте, давайте, часы, побыстрой!
Как мало по жизни я с вами иду,
Как много еще предстоит январей,
Написанных вехами мне на роду.

Перевел Л. Местич

Борис КУДАЕВ

ДНЕВНИК ВОЕННОГО ПЕРЕВОДЧИКА¹

Tout est perdu fors l'honneur...²

Переводчик. Каир. Зоопарк

Главнокомандующему Воздушно-десантными войсками генералу Василию Маргелову исполнялось полста лет, и Михаил Иванович попросил меня придумать, как ему поздравить своего начальника. «Только не японский магнитофон – стыдно!» Я подумал и предложил послать главному пятьдесят голландских роз. В Каире, рядом с магазином Маркоса, располагалась фирма, рассылавшая букеты по всему миру. Я позвонил и узнал, что регулярных сношений с Москвой у них нет, но за отдельную доплату они готовы выполнить наш заказ. Стоило это не меньше японского магнитофона, но зато было оригинально. Да и сплетен не будет. Розы – они и есть розы. Оформив заказ и оплатив услуги, я вышел на Шария Фуад – центральную улицу Каира. За углом – магазин мясных деликатесов. Хозяином магазина был грек по имени Маркос, и все называли магазин этим именем. «Деликатесы» – эвфемизм, чтобы не оскорблять слух мусульман. Магазин торговал свиной и изделиями из неё для живущих в Каире греков, армян, христиан-арабов, дипломатов и всех, кто не считал свинью «нечистым животным». Покупатели хотели приобрести отбивные или окорока, на худой конец – свиные ребрышки. Только я приобретал у Маркоса то, что до приезда русских у него никак не шло с лотков. Десятки свиных ножек и головы. Для холодца и сальтисона. Он не понимал, что я покупаю не для себя, а по заказу многих русских семей, и считал меня чем-то вроде перекупщика. Когда я входил к Маркосу, мне в зал выносили кресло и бутылку любимой воды «7 up». Я пристрастился к ней в Пакистане, хотя там эту не переслаженную и сильно газированную воду в шутку называли «6 up and 1 down». Мол, она не 7 раз бьёт в нос, а только 6. Шесть в нос и один раз в другое место. Шуточка. Я по списку заказывал товар, мне его сразу паковали и укладывали в багажник «волги». Неделю будут наши хозяйки варить холодец, а мужья, под видом дегустации, не забудут сходить в аптеку и купить там чистого медицинского спирта, сделанного из сахарного тростника. Египтяне искренне считали, что спиртом можно только протирать кожу перед уколom. А наши специалисты, гражданские и военные, сразу сообразили, что стограммовый флакончик чистого спирта по 15 пиастров за штуку – это баснословно дешево для заграницы. 15 по-арабски – «хамасташр». Они гордо входили в аптеку и брали 7 флакончиков за 1 фунт – хозяин скидывал пять пиастров за «оптовую закупку». Самое

¹ Продолжение (см. №№ 6, 2005; 3, 2006; 6, 2006).

² Все можно отдать, но не честь... (фр.).

интересное было то, что они, протягивая деньги, произносили: «хамасташр». Время шло, цена менялась, но все участники этой сделки придерживались незыблемых правил: русские упорно произносили «хамасташр», а все аптекари Египта отпускали им флакончики, твердо считая, что по-русски «хамасташр» значит «медицинский спирт». Три бутылки водки за 10 рублей! А дальше срабатывал устоявшийся стереотип: чего не хватает, если есть водка и холодец? Малосолевого огурчика, конечно. Ну какая может быть с этим проблема в Египте, где свежие огурцы продаются на любом углу с передвижных прилавков на велосипедных колесах круглый год? Эмалированные ведра с огурцами стояли на каждом балконе. А в Александрии, где морякам некогда было заниматься приготовлением разносолов, к их услугам был магазин «Севастополь». Там, рядом с прилавками с модным тогда джерси, стояла полная соленых огурцов красивая керамическая бочка.

Жены русских специалистов свято верили, что если налить в разбавленный спирт кока-колы, то получается вполне дамский напиток. Главное – не забыть накипятить воды и поставить на ночь в холодильник. Иначе муж, мучаясь жаждой после холодца, водки и соленых огурцов, может выпить воды из водопроводного крана, а это в Каире – смертельный номер. Загранкомандировка может прерваться по такой причине, что и в документах писать противно. Выполнив заказ, я забрал почту в штабе Центрального военного округа. Для генерала была личная телеграмма. Я поехал в Хелмийю, передал её сидевшему перед воротами виллы солдату в малиновом берете египетской военной полиции и поехал к себе в Наср-Сити. Не успел раздеться, как зазвонил телефон. «Приезжай немедленно, Борис, есть срочное дело», – генерал явно был взволнован. Оказалось – телеграмма была из «десятки» – кадрового управления Генштаба. К генералу ехала его жена.

Субботний рейс прибыл по расписанию, в полдень. Я быстро провел Галину Кузминичну через все формальности, благо, в аэропорту меня знали. Сел в машине впереди, Михаил Иванович с женой сзади. Он рассказывал ей о своей холостой жизни, показывал достопримечательности, мимо которых мы проезжали. Она попросила остановить машину только два раза – на привокзальной площади Баб эль Гедид, где стоит огромная базальтовая статуя фараона Рамзеса у Каирского музея. Второй раз – на площади у отеля «Хилтон». За ним сверкал белыми парусами целый флот фелук – египетских прогулочных лодок у набережной Каср эль-Нил. Но она не смотрела на экзотические яхты. Я ясно видел, как она всматривалась в нестерпимо сверкавшее на солнце белоснежное здание ночного клуба «Омар Хайям» на том берегу реки. В тот момент я готов был поверить в женскую интуицию. Мы вместе пообедали в просторной генеральской гостиной. Галина Кузминична привезла по традиции водку, банку сельди, московские колбасы и черный хлеб. Несмотря на долгий перелет она слушала наши рассказы, и незаметно, рюмка за рюмкой, мы прикончили большую бутылку водки, сделанную в форме графина с ручкой. Михаил Иванович, как истинный военный, заплани-

рвал на воскресное утро мероприятие – посещение Каирского зоопарка. На том мы и расстались.

Утром я проснулся рано от крика муэдзина на минарете мечети Наср-Сити. Моя комната была на десятом этаже, и через балконную дверь я, лежа на кровати, ясно видел его плечи и голову. Зажимая руками мочки ушей, он кричал в микрофон протяжным голосом призыв к молитве – азан. «Ассалату хайрун мина ннаум! – Вставайте, правоверные, ибо молитва слаще, чем сон!» И хотя я не был с ним согласен, я встал, помылся, выпил стакан томатного сока и вышел из дома. На специальной скамейке под навесом сидел часовой в малиновом берете военной полиции. Обменявшись обычными утренними приветствиями – «Сабах эль нур! – Сабах эль хейр, сияттак!» – поехал в Хелмийю. Позавтракав в «Семейном ресторане», купил там же газеты и просмотрел их, чтобы доложить генералу новости. Утро как утро. Но, приехав в Хелмийю, застал первую семейную ссору. Галина Кузминична, с перевязанной мокрым полотенцем головой, не хотела ехать в зоопарк – дальний перелет и вчерашнее застолье не располагали к культурной программе. Михаил Иванович, как истинный военный, не хотел менять своих планов из-за «женских капризов».

– Не хочет, Борис, и не надо! Мы поедем одни!

Оставив генеральшу в халате и с полотенцем на голове, поехали в зоопарк, хотя видели всех его обитателей не раз. Дело принципа! Когда мы подъехали к зоопарку, Михаил Иванович спросил меня, был ли я в новом серпентарии. Я понял. Пока я буду разглядывать гадов, Кашников решил поправить голову египетским пивом «Стелла», размышляя о беспринципности и вероломстве женщин. Я решил, что ему на это хватит получаса. В любом случае я успею еще искупаться в клубном бассейне «Скарабея» и попаду на обед в «Гроппи». Но когда я подошел к кафе у входа в зоопарк, у меня глаза полезли на лоб. Вокруг клумбы бегали два молодых европейца, их преследовал русский генерал в штатском, который при каждом приближении довольно ловко давал им пинка под зад. Третий молодой человек лежал среди цветов на клумбе без признаков жизни. Пробегая мимо меня, Михаил Иванович будничным голосом спросил: «Где машина?»

Получив ответ жестом, на улице, мол, около ворот зоопарка, он на бегу мотнул головой – уходим! И только сев в машину и отдышавшись, он поведал мне о происшедшем. Он стоял около стойки бара и пил пиво, когда в кафе вошли трое молодых парней. Они заказали три бутылки «Стеллы». Попробовав его, один из них заявил, что им, чехам, такое кислое пойло пить стыдно. Буфетчик, не сказав ни слова, забрал три бутылки и открыл три новых. Но и это пиво не пришлось по вкусу взыскательным клиентам. Один из них взял свою бутылку, запустил ею в стойку бара и разбил несколько бутылок вина и местного бренди. Михаил Иванович очень вежливо (так он мне сказал) предложил молодым чехам извиниться и уплатить за убытки. Реакция была негативной.

– Вы, русские, мало того что не даете нам жить нормально у себя на

родине, вводите войска, когда вам вздумается, так еще и за границей пытаетесь учить нас уму-разуму! Заткнитесь, а то сейчас мы вам покажем, как надо себя вести настоящим мужчинам!

На что Михаил Иванович предложил им выйти покурить на свежий воздух. Трое рослых молодых людей, возбужденных стычкой, с удовольствием согласились. Они уже предчувствовали, как будут рассказывать девушкам, что проучили русского наглеца. Откуда им было знать, что этот средних лет мужчина – отличник ВДВ. Михаил Иванович, выйдя к клумбе перед кафе, резким ударом ребром ладони по горлу положил самого высокого из них на клумбу и к моему приходу успел сделать за остальными двумя десять кругов вокруг клумбы, огорчая ягодицы отстающего противника острым носком ботинка. При этом он приговаривал: «И не только танки введем, но и вежливо разговаривать научим!» Но... как бы это ни было лихо, все-таки в чине генерала затевать драки в кафе за границей не очень принято, и на другой день, приехав на работу, он пробурчал мне: «Я на работе сегодня справлюсь сам. Поезжай в посольство и торгпредство, а потом к Свете Гусаровой в штаб. Нет ли там разговоров о драке русских и чехов в кафе?..»

Разговоров не было. Бог миловал. *Tout est perdu fors l'honneur*. Всё отдать можно, но не честь...

Lost in translation¹

Переводчик. Каир. Генштаб

Жаркое лето 1967 года кануло в Лету. Нет, в сентябре жара не снизилась. Просто все журналисты, словно сговорившись, твердили, что в июле и августе происходят самые неожиданные и чреватые политическими последствиями события. Поэтому, дождавшись конца сентября и ощутив октябрьскую прохладу, невольно настраиваешься на предстоящие самые лучшие месяцы в Каире – ноябрь, декабрь и январь. «Шамс ва хава бард до» – солнечно и прохладно. Поговаривали о переводе генерала Кашникова советником командующего ударными войсками Египта – сочетание его опыта в применении десанта и танков было уникальным и Михаил Иванович приложил немало усилий для создания этой новой ударной группировки. Кроме того он мечтал проверить на практике выдуманный им новый способ десантирования в песчаной пустыне. Большинство десантников очень уязвимы в минуты их спуска на парашютах. Они болтаются в небе, как сосиски, а их расстреливают с земли. Кашников предложил открывать грузовую аппарель Ан-12 и спускать с неё брезентовую ленту 40 метров длиной, к концу которой были пришиты три мешка с песком. При минимальной скорости и высоте полета, лента тянулась за самолетом с небольшим обвисанием, и её конец болтался в пяти-шести метрах от поверхности. Парашютисты должны были бросаться на ленту спиной, держа в руках автомат Калашникова и падать в песок невредимыми (по крайней мере, с меньшими потерями, чем при обычном десантировании под огнем противника). И хотя для этого надо

¹ В переводе утрачено (англ.). Формула ООН для неточного перевода.

было переехать на некоторое время в оазис Эль-Файюм, где было расположено командование, я предвкушал новую, интересную работу. Кашников, конечно, возьмет меня с собой, несмотря на недавнюю размолвку. На совещании высшего командного состава Центрального военного округа командующие докладывали каждый по своим войскам. В зале было жарко, совещание получилось формальным, генерал Кашников несколько раз в резкой форме поправлял ошибки арабских офицеров. Когда в конце совещания дело дошло до начальника химических войск, все уже порядком устали. Желая сократить доклад полковника, Михаил Иванович задал конкретный вопрос:

– Какие боевые отравляющие вещества находятся в распоряжении противника?

Генерал на совещании говорил на английском, но так как в зале присутствовало много русских, я переводил в микрофон. Полковник ответил, что на вооружении армии Израиля находятся как современные табун, зарин, зоман, так и горчичный газ. Я перевел, заменив горчичный газ на иприт. Кашников, усталый и раздраженный тем, что совещание превратилось в говорильню, резко возразил на английском:

– Перевод неточен! Повторите ответ, полковник!

Я не ожидал от него такого выпада. Ведь мне дальше работать с этими арабами. Полбеды, если бы он сделал замечание по-русски. Но по-английски... Полковник повторил ответ, а я – перевод. Тогда Михаил Иванович своим звонким голосом произнес:

– Полковник назвал не иприт, капитан, а горчичный газ!

Деваться мне было некуда. Проглотить эту пилюлю я не мог при всем уважении к генералу Кашникову. Да и голос у меня не менее звонкий...

– С тех пор, как германская армия в первой мировой войне применила горчичный газ на реке Ипр, этот газ называется во всех военных источниках ипритом!

Генерал побледнел. Я, по существу, перед сотней арабских офицеров обвинил его в незнании военной истории. Но я-то знал, что его ошибка и раздраженная реплика были результатом неудавшегося и затянувшегося совещания, а вот большинство арабских офицеров – нет...

В среде военных переводчиков давно идет спор – как переводится слово переводчик на английский язык – translator или interpreter? Первый термин обозначает добросовестный перевод слово в слово, так, как было сказано, своеобразную трансляцию. Даже если было сказано ошибочно или коряво. Второй предполагает более активное участие переводчика в процессе, где главное – передача смысла, его интерпретация. (Наглядный пример: В.В. Путину нужен translator, В.И. Черномырдину – interpreter). Эдвард Радзинский не прав, когда говорит, что перевод похож на женщину – если он верен, то некрасив, а если красив – то неверен. Перевод может быть и красив и верен.

Но... здесь у меня не было и этого оправдания – мол, истолковал неверно. Просто перечислялись названия боевых газов... Тяжелый случай...

Кашников закрыл совещание, сел в свою машину и, не сказав мне ни слова о завтрашних планах, уехал домой. За полгода совместной работы мы так не расставались никогда. И я, вместо того, чтобы дать ему время остыть, не придумал ничего лучшего, как попытаться объяснить ему свою позицию. Когда дверь мне открыл Басим, слуга генерала, я прошел прямо в гостиную. И, конечно, нарвался. «Ты что, капитан, себе позволяешь, мать твою так?» Кровь бросилась мне в голову, все заготовленные фразы вылетели из головы. Как будто издалека, я услышал свой собственный голос: «У нас на Кавказе это страшное оскорбление. Вы можете ругать меня как хотите, но без матерщины. Если вы ещё раз сделаете это, я ударю Вас вот этим стулом». Десантник и перворядник по самбо посмотрел на меня с изумлением, как смотрят на человека, внезапно сошедшего с ума, резко повернулся и прошел к себе в спальню, хлопнув дверью. Я счел за благо ретироваться. Позавчера он в кабинете демонстративно смотрел в окно, когда я переводил ему газетные новости и, проработав весь день с генералом Саадом, не обратился ко мне ни разу. Вчера повторилось то же самое. Перед самым обедом раздался звонок. Звонили из египетского генштаба. Генерал никогда не поднимал трубку телефона. Во-первых, разговор по телефону требует не только знания языка, но и определенных навыков. Во-вторых, не царское это дело... Звонил адъютант командующего спецвойсками. В брошюру, которую Кашников подготовил для офицеров своих любимых ударных войск перед решающими годовыми учениями, вкралась явная ошибка. Расстояние между танками в наступлении было увеличено вдвое. Беда была в том, что брошюру написал на английском и отредактировал сам генерал Кашников. И она была уже напечатана. Свалить вину было не на кого. Кто-то из арабских офицеров-танкистов, обучавшихся в советской академии, заметил ошибку и сказал об этом своему командующему. Расшить брошюры и заменить ошибочную таблицу на правильную арабам было бы нетрудно... Трудно было удержаться от соблазна лягнуть всезнайку Кашникова. Тем более после недавнего совещания, где он неоднократно и демонстративно подчеркивал ошибки арабских офицеров... Я ничего не сказал генералу. Поехал в генштаб, нашел адъютанта и сказал ему, что в перевод вкралась ошибка по моей вине и генерал Кашников не простит мне очередного прокола. Я хорошо помнил, что его не было на том совещании – был только его начальник. Зная страсть египтян к сплетням о начальстве и их привычку весьма свободно толковать факты, я был уверен, что он «слышал звон, но не знает, где он». Я достал из дипломата бутылку «Столичной» и коробку московских конфет, объяснил, что это – «бакшиш» за взаимовыручку и попросил передать брошюры в типографию генштаба. Там я уже просто за наличные попросил работников расшить двести брошюр и вставить лист, исправив на нём злополучные цифры. Что они и сделали за два часа. Брошюры были доставлены назад в кабинет адъютанту. Одну из них я взял с собой «на память». Если кто-то осмелится обвинить Кашникова, я готов предъявить якобы первый вариант брошюры, который

передали генералу для редактирования. Когда главком узнал, что ошибки в брошюре уже нет (ни адъютант, ни работники типографии ни за что не хотели признаваться в переделке инструкции), он был вне себя. Не вышло поиздеваться над надменным русским генералом... Зато Кашников, который узнал о случившемся к концу рабочего дня от своего друга – советника бронетанкового управления полковника Зайцева, подошел ко мне и сказал: «Поехали со мной». А когда мы приехали в Хелмию, он сказал арабу-шоферу: «Мы сойдем у виллы, а ты поезжай в ресторан и привези эти коричневые китайские пельмени, которые любит капитан Борис. Пошли, Боря, выпить надо!»

И первые его слова за столом показали, что инцидент исчерпан, надо только извлечь из него урок:

– Ну ладно, оба были хороши! Кто прошлое помянет, тому глаз вон, а кто забудет – тому оба!

Учения, начавшиеся по его сценарию через неделю, прошли без сучка, без задоринки. Танки рвали Сахару в направлении главного удара, не сбившись в постоянно меняющемся песчаном море ни на полкилометра и выходили к понтонной переправе через Нил точно в заданное время. Правда, один из командиров танковых батальонов попытался надуть Михаила Ивановича – за второй грядой песчаных барханов воткнули высокую финиковую пальму, даже не поленились под её чахлой тенью выложить круг из нескольких крупных бульжников – мол, был колодец, песком занесло! Но Кашников еще накануне проехал большую часть пути, заметил и свалил «ориентир». Сахара – удивительно чистая пустыня: крупнозернистый песок постоянно пересыпается на гребнях барханов с пологой, наветренной стороны бархана на крутую, подветренную и бархан незаметно ползет, меняя облик пустыни незаметно для глаз, но удивительно быстро. За тысячи лет пыль всю выдуло, можно в белом костюме лечь на песок – не запачкаешься. При передвижении в пустыне надо помнить только одно правило – не ориентироваться на барханы. Их расположение и конфигурация обманчивы. Выбрав направление движения, надо ехать до половины двенадцатого, потом остановиться, натянуть тент, пить чай или спать, но начинать двигаться можно только после двух часов. Не только потому, что в полдень очень жарко и необходимо переждать зной, а потому, что если ты ехал утром и солнце было слева, то ты ехал от Каира на юг, в глубь пустыни, арабы говорят – Йемин. После полудня, чтобы продолжить путь, надо чтобы солнце было справа, арабы говорят – Магриб, а если хочешь вернуться в Каир, тогда надо ехать так, как ехал утром. Это кажущийся, пустынный парадокс. Бедуины, верблюды и голуби это знают, и если верблюды идут в первый раз по новому пути, то идут не от колодца к колодцу, а идут по Солнцу. И не следует искать свои следы – ветер их занес, если прошло хотя бы пару часов после вашего проезда. Все полковые советники были поражены, когда на совещании перед учениями Михаил Иванович приказал начинать наступление в 11 часов дня. Он достигал этим сразу нескольких целей: ломал устоявшийся после Отечественной войны в

русских умах (и преподанный арабам в наших училищах и академиях) стереотип: начало крупного наступления – в полпятого утра. (Вспомните стихи: «Рано утром на рассвете, когда мирно спали дети, Гитлер дал войскам приказ...») И через полчаса после начала движения танки уже не могли ориентироваться по Солнцу – оно было в зените и не указывало никакого направления – ни на запад, ни на восток. Пришлось полагаться на танковые компасы, которым так не любили доверяться арабы. И третье – он заставил арабов пропустить традиционное время полуденной и послеполуденной молитв. Это – вовсе не прихоть. Живя в России, трудно представить себе, каких усилий стоит сломать вековую привычку – стать в полдень на молитву и полностью отрешиться от земных мыслей – о наступлении, о направлении главного удара, о необходимости точно в полночь выйти к понтонной переправе через Нил... В этом разница между христианской и мусульманской молитвой. Христианин просит что-то – для себя, для родных, для своей страны, наконец. Его молитва может быть короче или длиннее, может меняться день ото дня, год от года. А мусульманин в уме всю жизнь произносит строго установленные формулы восхваления всевышнего, своего безусловного подчинения его воле, благодарности родителям за рождение и пророку за наставление на путь истинный... Но чтобы стать на молитву, надо остановить танки, пройти обряд омовения – то есть мыться можно и чистым песком пустыни, но для этого надо «разуться, обнажить ноги и голову, и совершить ритуал малого гусуля, три раза обмыв руки, три раза лицо, один раз шею и голову и три раза ноги, совершая омовение справа налево». Зная арабских офицеров, можно было не сомневаться, что они не будут, как их далекие предки, мыться песком пустыни и прибегают к услугам своих денщиков – «подай воды, мыло, полотенце, расстели намазлык – молитвенный коврик»... И раз уж остановились и помолились, стоит ли запускать ревущие двигатели, не попив чаю? Ну а какой же чай без печенья и последующей неторопливой сигареты! Словом, две молитвы – два часа. Прощай, оружие! Но все меняется в этом мире, и на этот раз арабы показали себя настоящими львами родной своей пустыни... Ведь она занимает так много места в жизни каждого араба. Недаром они любят называть себя «бедуу» – бедуинами. Эти люди, привычные к безмолвию Сахары и одиночеству – настоящие индивидуалисты. Если они почувствуют себя элитой, пусть даже эта элитарность заставит их жить в оазисе за сто километров от вожделенного Каира, они способны многое вынести. По-русски – пустыня, по-английски – desert – покинутое, пустое место. Но пустыня для бедуина – вовсе не пустое место. Сахара... Тарик Сахарави – пустынная дорога, так зовут великий путь из Асуана через Фивы, Асьют, Файюм, Хелуан, Гизу, Каир и Эль Аламейн в Александрию. Саха – значит «здоровье» на арабском. Хар – значит «жарко». Благотворная жара. Каир из-за Сахары, кстати – великолепный почечный курорт...

Больше мы не ссорились с Михаилом Ивановичем никогда. Генерал Малащенко, советник генштаба, когда очень злился на Кашникова,

бурчал так, чтобы всем было слышно: «Ходят тут двое, друг на друга похожие, один генерал-майор, другой капитан. Эта дружба добром не кончится!» Он ошибался. Прошло три года, и я получил в Краснодаре письмо, в котором генерал Кашников сообщал мне, что его назначили главным военным советником в Йемен, и приглашал стать его референтом. Мы с моей супругой Верой стали собираться в дорогу. Аден – не Каир, но быть референтом главного военного советника страны доводится одному переводчику из многих сотен. В Индии мне для этого пришлось полгода отработать в Бомбее, на флоте, и три месяца в Туглахабаде – на ракетном заводе. А если учесть, что я не был москвичом и не был русским, то стать референтом главного советника по его собственному выбору – было неожиданным чудом. Хотя я и готовился к этому всю жизнь. К тому же мы с Верой были лично знакомы с министром обороны Южного Йемена. Сидя в интуристовском ресторане на приеме в честь его визита, он, немного кокетничая перед Верой, с глубоким вздохом объяснял нам: «Нет, все эти разговоры о том, что я крупный землевладелец – абсолютная ерунда! У меня ровно столько земли, сколько её есть под моими ногтями – я ведь крестьянский сын!..» Интересно, вспоминает ли он о своем крестьянском происхождении после объединения Южного и Северного Йемена...

Traduttori-trattori¹

Переводчик. Москва. Шереметьево

Я уже привык, что из-за моей кавказской внешности при пересечении границы в обратном направлении, то есть по дороге домой, «меры пресечения» по отношению ко мне всегда были вдвое жестче, чем к другим пассажирам моего рейса. Если их пропускали «не глядя», меня просили открыть один из чемоданов и портфель-дипломат. Если их проверяли выборочно, то мои вещи смотрели все. Если их досматривали с пристрастием, то меня обыскивали. Я привык и не делал из этого трагедии. Но на этот раз что-то было не так, как всегда. Меня пригласили в отдельную комнату и обыскали. Чемоданы все перешерстили. Я заметил, как после осмотра большого кофра молодой таможенник посмотрел на старшего и еле заметно отрицательно покачал головой. Они что-то искали и не находили. Но они знали, что ищут. Искать можно по-разному. Если ищут золото или бриллианты, то и пасту зубную из тюбика выдавят, и растворимый кофе просеют. Нет, до этого не доходило. Они искали что-то большее, чем брикет мыла и меньшее, чем обувная коробка. Искали, но не нашли. Надо было спасать положение. Старший обратился ко мне и сказал: «А между прочим, такие ручки, с раздевающимися женщинами, можно причислить к порнографии!» Ну что ты, бедняга, мелешь. Незачем тебе изобретать для меня причину этого досмотра. Именно потому что я – кавказец, и знаю, что не надо противника загонять в угол. Это опасно. Лучше дать ему уйти с достоинством. У нас это называется – со-

¹ Переводчики – предатели (итальянская поговорка).

хранить лицо. Я подыграл ему: «Пожалуйста, конфискуйте их, я просто не знал, что они так классифицируются. Вез несколько штук – сувениры друзьям. Только на службу не сообщайте!» Таможенник подхватил возможность проявить милосердие и важно заявил: «Наверное, можно будет обойтись без составления акта...» На том и порешили.

Только приехав домой, я понял, что искали таможенники. Последнюю неделю перед отъездом мы старались не сдавать белье в прачечную – оно бы не вернулось. Просто собирали майки и трусы в полиэтиленовый пакет. Я распаковывал чемоданы, и мама сказала – выложи белье в бак стиральной машины. Когда я вытряхнул содержимое пакета на пол в ванной, что-то глухо стукнуло. Завернутой в трусы и майки оказалась книга Иана Флеминга «Из России с любовью». Молодой таможенник побрезгował копаться в грязном белье, а книга была в мягкой обложке, вот её и не нашли. Но ведь искали. Значит, знали, что она должна быть там. Кто-то спрятал её туда. Не положил, а спрятал. И «стукнул». Если бы просто положил, то я мог утром, укладывая в чемодан бритвенные принадлежности, заметить книгу о российских приключениях Джеймса Бонда. Книги Флеминга мне не очень нравились, но фильмы с Шоном Коннери я пересмотрел все. Беда только, что за провоз этой книги в СССР я сразу бы стал «невъездным». Я знал, кто это сделал. Майор Виктор Стоцкий. Я готовился перейти с Михаилом Ивановичем Кашниковым в ударные войска Египта, а Стоцкого я готовил на свое место, в Центральный военный округ. Стоцкий давно переживал, что я, капитан, команду им, майором. А недавно я сделал ему замечание, что в Генеральном штабе нельзя появляться без галстука. Увидев его на следующий день в библиотеке Генштаба в рубашке с отложным воротничком, я отвел его в свою комнату и предупредил, что в случае неповиновения он отправится на Синайский полуостров, в окопы. Он подчинился, но зло затаил. Уезжая в отпуск, я не мог не пригласить Виктора на «отвальную» вместе с другими коллегами. Как-никак, мой «сменщик». Он улучил минутку, сказал, что ему надо в туалет, и, воспользовавшись тем, что ленивые арабы делают туалеты смежными со спальней, подложил свой «подарок» в мой открытый и почти упакованный чемодан. Схема не сработала лишь случайно. Я позвонил в Египет Михаилу Ивановичу и рассказал о случившемся. Уходя в ударные войска, последним своим распоряжением по аппарату советских военных советников в ЦВО генерал Кашников откомандировал майора Виктора Стоцкого на должность переводчика советника 51 пехотной дивизии Египта, расположенной в Аравийской пустыне, в 100 километрах к юго-востоку от Каира, где когда-то служил Валерий Бакаев. Не Синай, конечно, но всё равно приятно... А вот второго негодяя наказать не удалось. Сынрок знаменитого в 50-х годах тенора Владимира Нечаева, Игорь Нечаев учился со мной в одной группе. По наущению начальника офицерского курса полковника Попова он пригласил моего друга Алика Баляна и меня к себе домой, мол, вы давно не были в домашней обстановке. Женился он очень рано, еще в 10 классе – его отцу пришлось брать особое разрешение на этот

брак. Жил он с родителями в огромной квартире в высотке на Котельнической набережной. Мне повезло – пришлось подменить заболевшего дежурного по курсу. А Алик с удовольствием принял приглашение. Откуда добродушному армянину было знать, что полковник Попов решил «схватить с поличным» нарушителей дисциплины. Готовилась группа для сопровождения груза оружия в Ирак, и Баян был включен в эту группу, а Игорь – нет. Полковник решил исправить это упущение Ингуша (так по национальности за глаза звали начальника Военного института иностранных языков генерала Танкаева). Он даже пожертвовал своим субботним вечером, и когда Алик уехал от Нечаевых, Игорь позвонил ему в кабинет – мол, встречайте «тепленького» Баяна. Он не учёл лишь одного – что я был дежурным и слышал, как Попов назвал его по фамилии и сказал: «Ладно, через 10 минут выйду встречать!» Встретил. Четыре года Алика промариновали в поселке Перевальный под Симферополем, где готовили «бойцов народного сопротивления», попросту – террористов. И увидел я его за границей только в Египте – шла война и переводчиков не хватало. Во время войны Игорьки Нечаевы не стремились в Египет... А полковник Попов вообще недолюбливал кавказцев и, как я слышал, пытался и Валерию Бакаеву, моему земляку, подстроить какую-то гадость. Хотя это и непонятно... Ведь обижаться ему надо было на русских (или украинцев?). Будучи на генеральской должности, он положительно характеризовал печально известного шпиона Пеньковского, за что и был назначен к нам с понижением... Но во всём, конечно, виноваты эти переводчики! Traduttoti – trattori...

Virtute et armis¹

Переводчик. Индия. Дели

В конверте было три приглашения – Игорю Николаевичу с супругой, его заместителю и мне. Генерал говорил мне раньше о предстоящем визите главкома ВМФ. Почему-то я посчитал, что визит обязательно будет связан с заходом одного из наших кораблей в Бомбей или Калькутту, где расположились штабы Западного и Восточного флотов Индии. А если так, то все будет, как обычно. Новейший ракетный корабль под флагом главкома встанет на рейде Бомбея у «Ворот Индии». Там его встретят главнокомандующий Военно-морскими силами Индии адмирал Нанда и начальник разведывательного управления адмирал Курсетджи. Затем флотское начальство организует прием в замечательном клубе морских офицеров в Бомбее, на мысе за набережной «Ожерелье Королевы», где мы так любили плавать в бассейне с морской водой. Затем главком организует прием на своем флагмане. На прием прилетят генерал Черненко, генерал Попов, и кто-нибудь от посла. Возможно, Бондарев или Медвяник. Мое дело – сопровождать Черненко. Адмирал Курсетджи, по прозвищу «Нос», будет из кожи лезть вон, чтобы его офицеры как можно чаще посещали флагманский корабль, на котором прибудет адмирал

¹ Доблестью и оружием (лат.).

Горшков – для того чтобы разузнать побольше о боевых возможностях новых систем оружия. Это не шпионаж. Его можно понять. Он сует свой знаменитый орлиный нос в наши дела, так как хочет узнать, что у нас есть новенького, чтобы попросить, а если русские не дадут даром – то купить современное оружие для своей страны. Страны, которую все почему-то считают очень мирной и очень демократичной. Мы вообще склонны к устойчивым мифам в геополитике. Мол, японцы – скрытны, хитры и вероломны. Китайцы – трудолюбивы, патриотичны и воинственны. Вьетнамцы – организованы, как муравьи, и готовы на самопожертвование. Индусы – веротерпимы, дружелюбны и совершенно не воинственны... Какая чушь! Индия – страна, которая всегда или готовится к войне, или воюет, или оправляется от ущерба, нанесенного предыдущей войной. Страна, в древнем эпосе которой, в «Махабхарате», подробно описана ракетная война и воздействие ядерного оружия на мутацию плода в чреве матери. Страна, которая считает законным завещание выжившего из ума магараджи, оставившего Джамму и Кашмир в наследство, как старый замок, Индии. Страна, которая считает это завещание правильным только потому, что это ей выгодно. Страна, которая не хочет признать, что 98 процентов населения этого региона (огромная общность – пятьдесят миллионов человек!) – являются мусульманами и хотя бы жить в Пакистане, либо отдельным мусульманским государством... Принудительную стерилизацию в этой «демократической» стране прошли 10 миллионов человек и, по странному «совпадению», подавляющее большинство из них были малоимущими мусульманами и неприкасаемыми...

Но адмирал Горшков прилетел в Дели. За неделю до его прибытия посол собрал оба военных аппарата – военного советника и военного атташе, и информировал нас, что Главком прибудет специальным рейсом. Так как его супруга скончалась три года тому назад, его сопровождает дочь, Галина. Никаких почетных караулов, никаких салютов. Переговоры в Министерстве обороны, подписание соглашений о поставках оружия, прием в штабе ВМС Индии, прием в посольстве СССР, культурная программа – посещение Тадж-Махала в Агре и рыбалка в Симле, в курортном местечке в предгорьях Гималаев. Всё. Вот такая программа. Так как Сергей Горшков – личный друг посла и в дни визита ему исполняется 65 лет, то в его честь приём даст сам посол. Но Горшков в личном разговоре предупредил Николая Михайловича, что ему будет неприятно упоминание о 65-лети, тем более, что в Индии очень строго соблюдается закон о выходе главкомов в отставку после 60 лет. Когда главкому сухопутных войск генералу Манекшоу специальным указом Индиры Ганди этот срок был продлен после прошлой войны с Пакистаном до 62 лет, парламент от такого беззакония чуть не сошел с ума. Пришлось срочно принимать постановление, что его заместителям, чтобы они не потеряли возможности стать главкомами, срок службы тоже продлен... Условились, что адмиралу «исполняется 62 года». Выглядит он, кстати, ничуть не старше этих лет. И еще одна «мелочь». Переводчик Горшкова

капитан второго ранга Виктор Перес «съел чего-то» в полете, и переводить Горшкову во время визита будем мы с Константином, референтом посла...

Переговоры заканчивались успешно. Адмиралы оговорили последние тонкости поставок противолодочных кораблей в Бомбей. Хотя это и был Западный флот Индии, корабли придут из Тихоокеанского флота, с острова Русский. Это последние поставки по соглашениям, заключенным предыдущим министром обороны. Новый министр пока не заключил ни одного.

Завтра будет готов текст коммюнике, и по возвращении из Агры состоится его подписание. Большие противолодочные корабли, оснащенные ракетными комплексами, считались оборонительным оружием и их приобретение не вызвало обычных прений в Парламенте. Скоро будет обсуждаться вопрос о замене ракетных катеров «Комар» на ракетные катера «Оса». Принципиальное отличие – четыре пусковых установки на каждой «Осе» вместо двух на «Комаре». В два раза больше ракет, заправляемых очень токсичным окислителем, потребуют создания еще одной технической позиции на Западном флоте. В Бомбее уже есть одна. По флотской традиции, она считалась кораблем, хотя и была береговым подразделением. По имени того места, где была построена, техническая позиция по подготовке ракет носила имя «INS Trombay» – индийский военный корабль «Тромбей». Расположенная в пригороде мегаполиса, в Тромбее, она представляла постоянную угрозу густонаселенному району. В особо жаркие дни перед муссоном цистерны с окислителем парили бурым дымком, и специалист по заправке ракет Алексей Скалиуш с тревогой следил за направлением ветра. Он утверждал, что сотых долей миллиграмма этого вещества в кубометре воздуха достаточно для смертельного отравления. Мгновенный отек легких и удушье. Скорей бы начались муссонные дожди. Будет душно, но жидкость в емкостях перестанет парить, как только температура снизится ниже 100 градусов по Фаренгейту. Хорошо бы поставить вторую техническую позицию на выдающейся в море косе за военной базой, но её занимают госпиталь ВМФ Индии «INS Ашвини» и Клуб морских офицеров. Я бывал в госпитале по служебным делам и обратил внимание на позеленевший бронзовый бюст во дворе. Статуя была старая, и человек, запечатленный в бронзе, не походил на англичанина. Подойдя ближе, я прочел: доктор Владимир Хавкин, бактериолог. Главный врач посольства Адальби Яхьяевич Хаев, осетин из Владикавказа (за границей это – земляк!), рассказал, что российский врач Владимир Хавкин долгое время работал в Бомбее и разработал здесь вакцины против холеры и чумы. Он совершил настоящий подвиг – испытал на себе эти, тогда совсем еще не совершенные и далеко не безопасные вакцины. Чем и заслужил признательность колониального правительства, которое поставило эту скульптуру на территории противочумной лаборатории, впоследствии вошедшей в комплекс военного госпиталя «Ашвини». Колонизаторы оценили его подвиг, а мы в России ничего о Хавкине не знаем...

А на противоположной косе Бомбейской бухты – шикарный гостиничный комплекс «Сан энд Сэнд» – «Солнце и песок». Комплекс расположен прямо на берегу океана, но не зря море не упомянуто в названии комплекса. В Бомбее нельзя купаться в море. Бомбейская бухта отравлена сточными водами огромного города (здоровствуй, холерный вибрион!). Однажды в бухту заскочил целый косяк сардины – то ли какие-то хищники напугали, то ли по другой причине... Но через несколько минут сардинки перевернулись брюхом кверху и закачались на волнах. Пару дней после этого чайки пировали на песке бухты под парашетом набережной. А на третий день я увидел, как они переворачивали сардину и выклёвывали только глаза – объелись. Вот такая водичка... А купаться можно только в бассейнах шикарных отелей или спортклубов, расположенных на набережной «Ожерелье королевы». Если ты морской офицер, то можно поплавать в отличном бассейне Морского офицерского клуба около «Ашвини». Нет, на побережье места для технической позиции не найдется. Значит, страдать опять придется бедноте перенаселенного Тромбея. Интересно, сознает ли господин Мангалай, что за сменой катеров последует радикальное изменение тактики Западного командования? Большие противолодочные корабли ещё можно считать оборонительным оружием, а вот скоростные ракетные катера «Оса» – это, без сомнения, оружие нападения. Когда у индийцев были только «Комары», то, выстрелив одной ракетой в корабль противника, надо было поворачивать домой, на базу, сохраняя последнюю ракету на случай непредусмотренной встречи с противником на обратном пути. С «Осой» совсем другое дело. У нее четыре ракеты и есть переключатель на пусковом устройстве: 1-2-3. Значит, она может поразить первую попавшуюся на ее пути металлическую цель, может ее пропустить и поразить вторую, может пропустить две и поразить третью. Из-за увеличения водоизмещения катера, увеличена и емкость топливных танков. А значит из Бомбея, при условии дозаправки на мелководной банке в Аравийском море, можно добраться до Карачи. Можно поставить переключатель на цифру три и дать залп по порту и морской базе. Ракета в порту цель найдет. Железа там хоть отбавляй. Пятьсот килограммов тротила – серьезная вещь. Паника и неразбериха будут обеспечены...

Министр извиняется, что не сможет присутствовать на завтрашнем приеме. Немудрено догадаться – почему! Он хотя и министр, но остается неприкасаемым. А на приеме главными фигурами среди приглашенных гостей будут главнокомандующий сухопутными войсками генерал Манекшоу, адмиралы Нанда и Курсетджи. Они даже не кшатрии, как капитан Мудхолкар, они из брахманов – наивысшей касты в индуизме...

Капитану Мудхолкару, командиру «INS Trombay», как всегда кажется, что я перевожу извинения министра адмиралу Горшкову уж слишком подробно. Он кшатрий, кастовый военный. 32-й стих «Бхагавадгиты», второго эпоса индуизма, гласит: «Счастливы кшатрии, в жизни которых вовремя приходит война, открывая путь на небо...» В его жизни война приходила довольно регулярно, и вовсе не из-за трусости он еще не

нашел своего пути в нирвану. Женившись во время службы на колониальной француженке-полукровке, он много натерпелся от своих более рьяно соблюдающих кастовость товарищей, и вышел из этого испытания с честью, не растеряв ни любви, ни достоинства. По его честному лицу можно читать, как по книге: «Беда с этими переводчиками... Иногда кажется, что они не полностью переводят, иногда – что-то добавляют от себя. Борис раньше, когда строили Тромбейскую техническую позицию, работал со мной. Странно, но жена, Клэр, очень замкнутая по характеру, легко приняла его. Он довольно часто бывал у нас дома в Бомбее. А потом его забрали в посольство. В посольстве работать интереснее, но разве можно сравнить кабинетную работу с боевым выходом в море! Да и досуг у нас не плох. Индийские моряки научились обходить сухой закон. Выйдя за территориальные воды, откупоривают в кают-компани бутылку индийского рома. И хотя русские не очень любят сладкие напитки, крепость рома даже у них вызывает уважение. Посмотрим, мистер Борис, чем будут потчевать нас завтра на вашем приеме!»

Так и хочется кивнуть ему: «Посмотрим, captain, Sir!»

Ранним утром следующего дня кортеж из четырех машин выехал в Агру. 180 километров по индийским дорогам кому угодно покажутся долгими, только не русским. У нас на родине везде такие дороги. На переднем «Шевроле», сразу за машиной военной полиции, едут генерал Черненко с капитаном Мудхолкаром, на посольской «Чайке» – адмирал Горшков, его дочь Галина и адмирал Нанда на заднем сиденье, я на – откидном с адъютантом Нанды лейтенантом Тиви и адъютант Горшкова – на переднем. Он обижается, если его назвать адъютантом. Он «офицер по особым поручениям». И, если не ошибаюсь, положил глаз на очень соблазнительную Галину. Попытка не пытка. Он молодой капитан второго ранга. История повторяется... Отец сероглазой Галины тоже, говорят, сделал карьеру не без женской помощи. Первая советская женщина-посол, Александра Коллонтай, исповедовала теорию «стакана воды». Если какая-либо биологическая потребность отвлекает от работы, надо удовлетворить её и продолжать работу. Это так же просто, как выпить стакан воды. И не надо из этого делать проблему. Иосиф Виссарионович Сталин недолго любил её за это, но злые языки утверждают, что Горшкову где-то удалось утолить жажду революционной дипломатши. И она не забыла молодого каперанга. Именно «под него» была создана бригада эсминцев. Затем он возглавил Азовскую флотилию и в 31 год стал самым молодым адмиралом в СССР...

В третьей машине – адмирал Курсетджи с Бондаревым. Два брахмана. Эти найдут, о чем поговорить. Офицеры связи обоих главкомов и охрана – на четвертой. Посол отговорился от поездки – нездоров. Это «дипломатический насморк». Просто сегодня в Палам прибудет знаменитый на весь Советский Союз молдавский ансамбль «Флуераш», а с ним и организатор этой поездки – народная артистка СССР Ляля Черная. Николай Михайлович давно влюблен в эту необычайно красивую и талантливую женщину, и, конечно, будет её ждать в своей резиденции. Повар

уже замариновал её любимое блюдо – шашлык по-карски. Ляля говорит, что она привыкла к мясу «с дымком» в цыганском таборе. Это красивая ложь. Она никогда не жила в таборе. Ляля... Интересно, знает ли Николай Михайлович, что она стала Лялей Черной только в 1930 году? Она Надя Киселева, дочь беспутного русского офицера-дворянина и православной цыганки из «линейных» цыган, родилась в Нальчике, на моей родине. Линейными эти цыгане назывались потому, что осели здесь во времена русско-кавказской войны, когда еще существовала Кавказская линия вооруженных укреплений. Отец Нади пил, играл в карты и в конце концов исчез, бросив жену и троих детей. В 16 лет Надя убежала в Москву и устроилась в цыганский хор знаменитого ресторана «Яр». Фильм «Последний табор» принес ей известность и она стала ведущей актрисой цыганского театра «Ромен». Почти все русские любят цыганщину, и цыганские романсы в её исполнении никого не оставляли равнодушным. Во время войны она эвакуировалась из Москвы, приехала на родину, поселилась в гостинице «Нальчик», давала концерты в турбазе и санаториях, превращенных в госпитали, а когда немцы приблизились и к Нальчику, уехала в Ереван. Маленький, в два окна домик на Советской улице, где она в 15 лет взяла на себя заботу о всей семье – и о матери, и о брате с сестрой, стоит до сих пор. Наверное, Николай Михайлович не знает всего этого... Константин, референт посла, конечно же, знает, но вряд ли скажет послу. Скорее, расскажет своему негласному начальнику – генерала... тьфу, прости, господи, – советнику Медвянику.

Я вспомнил, как на третий день после моего приезда в Индию советник вдруг вызвал меня к себе. Я готовился к переезду в Бомбей, времени было в обрез, я должен был еще получить инструктаж у военного атташе, и этот вызов к «постороннему» советнику был совсем не ко времени. Но советник Медвяник – фигура в посольстве авторитетная, его на козе не объедешь. Я тогда в посольстве был человек чужой, со мной никто не рвался делиться закрытой информацией, но я знал, что он представляет какое-то из секретных ведомств. Дедукция – метод достаточно простой. ГРУ не надо огород городить – у них есть совершенно легальный разведывательный аппарат – военный атташат. Советник Ивашкин – представитель ЦК, секретарь парткома посольства. В капиталистических странах этот пост назывался советник посла, председатель профкома. Остается одно ведомство. Я думал, что он мне передаст какой-нибудь пакет для своего человека в столице штата Махараштра. Бывшая португальская колония Гоа и её столица Бомбей была пересечением многих неисповедимых путей и тайных троп, овеянная романтическими легендами разведок, как и Танжер, Стамбул, Гонконг. Но зачем ему это – ведь он как пальцем показывал бы этим на своего сотрудника? Оказалось, всё дело было в том, что именно на западном флоте и не было у господина советника этого своего человечка. И без всяких лишних проволочек Федор Алексеевич предложил мне стать его представителем (читай – информатором, а то и осведомителем) в Бомбее. Было видно, однако, что к разговору он подготовился тщательно. И не без посторонней, очень

ценной помощи. Он, рассказав мне о моей патриотической миссии, добавил, что и некоторая доля романтики в моём возрасте не помеха. В качестве псевдонима он предложил мне на выбор три фамилии моих знаменитых земляков – летчиков: Ахмедхана Канкошева, Кубати Карданова и Али Байсултанова. Отсюда можно было сделать сразу три вывода – он кое-что узнал о моей родине – Кабардино-Балкарии (может, от Обозревателя, который баллотировался у нас?), знал мою биографию и послужной список – иначе почему все три псевдонима были именами летчиков? По псевдонимам можно было сделать и третий вывод – хоть он и не назвал прямо организацию, которую он представлял, было ясно, что это КГБ. Псевдонимы в ГРУ – безличны, они чаще описывают образ жизни или пристрастия человека – Дервиш, Шахматист, Пилигрим, Седой. В КГБ – имя и фамилия. Без отчества. Когда я ответил советнику, что еще не потерял надежду на приглашение в кадры военной разведки, генерал не был разочарован. По крайней мере он не показал этого. Правда, не удержался от колкости: «Бросьте! У Вас нет военной специальности, которая могла бы заинтересовать «покупателей» из ГРУ. Язык они хорошо преподают в Военном институте иностранных языков и в Военно-дипломатической академии и за специальность его не считают. А Вам уже тридцать...»

Я понял его мысль. Для профессионального разведчика или контрразведчика самое ужасное оскорбление – если никто его не пытается завербовать или перевербовать через некоторое время нахождения за рубежом – ни свои, ни чужие. Значит, он не представляет интереса. Либо та информация, которой он располагает, уже имеется у противника (или соперника), либо не подходят его личные качества... Ну да бог с ним, с Федором Алексеевичем. Ему никогда не понять людей, которые не стремятся к карьере или власти, а переводчик по определению хотя и находится всегда где-то недалеко от важных персон, но не может быть сам важной птицей (знаю только одно исключение – переводчик Суходрев, ставший послом в Австралии). Однако не иметь контактов с КГБ переводчику, постоянно работающему с иностранцами, будь то за границей или на родине, практически невозможно. И сердить столь могущественную организацию, которая в любой момент и без всяких объяснений могла перекрыть мне выезд за рубеж, в мои планы не входило. Два раза я даже выполнял их специальные задания. И оба раза по велению судьбы помогали мне мои близкие. Как-то раз приехала в Армению американская выставка – машиностроение для легкой промышленности. Скука. Но в числе сотрудников выставки была одна дама, которая интересовала наши органы. Она совершила в своё время в Ереване тяжкое преступление. Ей тогда пришлось спешно выехать в США – до того, как следствие вышло на неё. КГБ подозревал, что она сделала пластическую операцию и с помощью ЦРУ сменила паспортные данные. Ей надо было срочно забрать в Ереване что-то, что она не смогла забрать в своё прошлое пребывание в Армении. Что-то очень важное, что заставило её организацию идти на такой риск. Арестовать её было нельзя – документы были в пол-

ном порядке. Нужны были отпечатки пальцев. На работе и в ресторане Хэрриет Блэкстон перчаток не снимала. По легенде я должен был под видом посетителя выставки заговорить с ней, перейти на английский якобы для практики и спросить у неё перевод каких-либо технических терминов, чтобы завязать разговор. А потом, вечером, постучать к ней в номер, посетовать, что у меня в номере нет почему-то стакана и попросить у неё стакан – запить лекарство. Меня разместили в шикарном ереванском отеле «Интурист» напротив номера, который занимала госпожа Блэкстон. Вся эта примитивная легенда оказалась ни к чему. Смерив меня холодным взглядом, Хэрриет посоветовала обратиться к дежурной. Вот и всё – можно ехать назад, в Тбилиси. Но, на моё счастье, как только я повернулся к своей двери, увидел идущего по коридору Владимира Ворокова с его неизменным оператором Юрием Бусликом и еще одним молодым человеком. Володя – мой двоюродный брат, кинорежиссер и писатель. Что он тогда снимал в Ереване, я не помню, но поселился он по велению судьбы в соседнем номере. Вот это встреча! Мы так хорошо отпраздновали её, что Хэрриет, проходя на ужин и возвращаясь назад из ресторана, расположенного прямо под центральной площадью Еревана, убедилась в нашей полной непричастности к контрразведке и милиции – из распахнутых дверей раздавались то громкие голоса, то песни, то вишневые тосты. Володя, общительный, как и все киношники, пригласил её присоединиться к нам. И она не устояла перед искушением скоротать скучный вечер. Стаканов с её отпечатками у меня осталась целая коллекция. Спасибо Володе...

Много позже, в Краснодаре, мы жили с Верой в гостинице – нам вот-вот должны были дать квартиру, а пока мы жили в «Центральной», на углу Красной и Мира, в самом центре города. Интуриста тогда в Краснодаре не было, и иностранцев селили в «Центральную». Поселили туда и турецкого военного атташе с помощником. Он совершал «ознакомительную» поездку по югу России. На самом деле его очень интересовало училище ВВС имени Серова, где обучали исключительно иностранцев. Тут я снова пригодился контрразведчикам. Было решено, что во время обеда, когда в ресторане обычно не бывало свободных мест, меня с Верой подсадит, после извинений, за их столик официант. Так и сделали. Так как официант не говорил по-турецки, то атташе вынужден был общаться с ним на ломаном русском. Официант отвечал на не менее ломаном английском. Мне надо было лишь найти повод заговорить с ним по-английски, чтобы он меня запомнил. Это было легко – я объяснил атташе, что такое борщ, а официанту, что господин не хотел бы случайно съесть какое-либо блюдо из свинины. У нас завязалась оживленная беседа. Следующим шагом было решено «продемонстрировать» меня господину атташе в военной форме. Так как форма была авиационная, то надежда была на то, что он свяжет эти два факта – наличие училища для иностранцев в Краснодаре и беглый английский у человека в лётной форме и начнёт задавать мне вопросы. А вдруг попытается завербовать? О такой удаче оставалось лишь мечтать... Турок оторопел, увидев меня

в форме. Вербовать нас с Верой он не стал, вопросов не задавал. Оказалось, что он имел в училище своего агента – одного из группы иракских авиационных инженеров. Тот после его отъезда попытался проникнуть в секретный класс и выкрасть авиационный прибор, который не поставлялся в капиталистические страны. Вот такая история...

Когда мы подъехали к воротам форта, окружающего Тадж-Махал, на площади перед величественной усыпальницей красавицы Мумтаз уже собралась толпа журналистов. Адмирал Горшков выглядел великолепно в своем кремовом кашемировом адмиральском мундире. Этот материал – тончайшая шерсть, которая в жару «дышит» и предохраняет от перегрева. Шитые золотом погоны адмирала флота Советского Союза, многочисленные орденские планки и кортик с рукояткой из слоновой кости дополняли мундир. Выйдя из машины, Горшков и Нанда ответили на несколько вопросов журналистов, а потом Нанда жестом хозяина пригласил Горшкова подойти к воротам дворца. Там, на расстеленном ковре, сидел «заклинатель змей» с неизменной дудочкой и плетеной корзиной. Я за годы своей жизни в Индии и Пакистане видел это представление неоднократно. Индийцы решили показать этот спектакль своему именитому гостю. Новенький ковер объяснил мне многое. Видимо, перед нами был один из лучших заклинателей и его выступление было запланировано. Заунывный мотив и покачивание дудочки возымели своё обычное воздействие: из корзинки показалась голова довольно крупной кобры и начала в такт музыке покачиваться из стороны в сторону. Гнусавые звуки становились все громче, змея все более высовывалась из корзинки, и тут один из журналистов поддался соблазну. Наклонившись в сторону с улыбкой наблюдавшего представление адмирала Горшкова, он театральным шепотом произнес: «Осторожно, сэр, это королевская кобра, она очень опасна!» Адмирал взглянул на него, усмехнулся, потом резко наклонился и, схватив кобру чуть ниже головы, резко поднял из корзины её полутораметровое тело. Ухватив змею второй рукой за хвост, он поднял её над головой и спокойно опустил себе за шею и на плечи. Повернувшись к журналистам, сказал: «Господа, пожалуй, бесполезно пугать меня кобрами. За мной вся мощь Советского военно-морского флота». Журналисты не упустили такой возможности – назавтра все газеты Индии пестрели сенсационной фотографией русского адмирала. Блестящее тело змеи, черные с золотом погоны, кремовый кашемировый китель с разноцветными орденскими планками... слова уверенного в себе и готового ко всему главнокомандующего... Через неделю я увидел это фото на обложке журнала «Тайм». Остальная часть поездки не запомнилась.

Ore rotundo¹

Переводчик. Нью Дели. Посольство

К тому времени как посол в сопровождении Ляли Черной, трех адмиралов и дочери Горшкова вышел на лужайку посольства, гости уже

¹ Говори, не запинаясь (лат.).

успели «плотно» пообщаться. Мы с заместителем Черненко полковником Анатолием Ивлевым и начальником финансового отдела Колей Козловым смогли по паре раз подойти к бригадному генералу Ваджпаи и выпить с ним за укрепление русско-индийской дружбы и будущие победы индийских вооруженных сил. Новый военный атташе генерал Попов тоже внес свою лепту в выполнение «боевой задачи». Правда, он, еще недавно служивший в Группе советских войск в Германии, по привычке произнес тост «für Waffenbruderschaft» – «за братство по оружию» – дежурный тост офицеров войск Варшавского договора. Но, по-моему, к этому времени генералу Ваджпаи уже было все равно, за что пить. «Обработка» закончилась. Теперь генералу Черненко предстояло исполнить соло. Надо было сообщить (строго конфиденциально!) что генерал уже назначен начальником Управления ракетных войск Индии и намекнуть на свою выдающуюся роль в этом нелегком назначении. Сделать это надо было так, чтобы у начальника всех индийских ракет возник огромный комплекс моральной задолженности аппарату главного военного советника и острое желание как можно скорее сделать что-нибудь не менее приятное в ответ. Стоит ли говорить, что самым приятным для генерала Черненко будет покупка Индией большой партии ракет морского базирования! Я посмотрел на беседовавших уже без моей помощи генералов. По-моему, мы перестарались. Не надо было привлекать Попова. Ваджпаи стоял напротив Игоря Николаевича, держа его за пуговицу новенького смокинга (сшили специально к этому приему). Он раскачивался с пятки на носок и при каждом сближении проливал немного из своего бокала на атласный лацкан генеральского смокинга. Всё бы ничего, да ведь Ваджпаи не пил ничего, кроме шерри бренди. Это ликер. Вкус и запах его я помню с детства. В Нальчике в каждой русской семье на подоконнике стояли два трехлитровых баллона – в одном был чайный гриб, а в другом – сладчайшая и крепчайшая вишнёвая наливка. Я не знал тогда, что таскаю пьяную вишню из «шерри бренди»! Пятна от неё не отстирает никакая химчистка. Прощай, смокинг! Будет генерал, как и раньше, ходить на приемы в простом однобортном костюме. А ведь он сшил смокинг только потому, что в однобортном костюме нельзя по этикету застегивать нижнюю пуговицу. Привыкший к форме, генерал с расстегнутой пуговицей чувствовал себя как с расстегнутой ширинкой и очень строго наказывал нам «не расстегивать пиджаки, как гражданские шпаки». Он вообще не очень легко привыкал к дипломатическому этикету. И не зря. Попадал он в неприятные положения именно тогда, когда решал пунктуально ему следовать. Однажды мы с ним ехали на прием в монгольское посольство. Это была приятная поездка, так как нам не предстояло никакой работы. Запланированной. Приехать, выпить, закусить, побеседовать с теми, кого бог пошлет, приехать домой и написать восхитительный по своей краткости отчет о работе на приёме. Ложиться спать, не написав отчет, нам строго воспрещалось – забудешь наутро, чем интересовались американские дипломаты, совпадали ли вопросы у них и у англичан и австралийцев. Генералу нравилось, что у монголов

их национальная водка «Архи» льется рекой, а я у них вспоминал родные края – кто же еще будет подавать на приеме вареную и жареную кусками баранину? Генералу, на нашу беду, жена ли рассказала о строгой очередности приезда на прием в соответствии с дипломатическим рангом, или другой ревнитель этикета и протокола – его заместитель, Анатолий Ивлев. Только не я. После того как он мне пытался объяснить, что «у иностранцев, Боря, есть один отличный обычай – перед едой они пьют оператив! То есть быстро, оперативно наливают, и быстро, то есть оперативно, выпивают. Что ценно – ещё до еды!», – я перестал вести с ним беседы по этикету. Но кто бы это ни был, работа была проведена тщательно. Генерал запомнил, что ему, советнику, не к лицу приезжать раньше или даже вместе с секретарями посольств. Когда мы подъехали к воротам монгольского посольства на Гольф Линкс, он важно сказал шоферу: «Сделай еще один круг вокруг клумбы. По-моему, мы чуть ровнато подъехали!»

В Нью Дели, сооруженном для правительства и посольств в 1931 году, практически нет светофоров. На каждом перекрестке – клумба. Огибая её (помни про левостороннее движение!), пропускаешь авто, появляющиеся слева от тебя, и едешь дальше, до следующей улицы. Пока мы делали этот круг, нам пришлось немного задержаться на последнем пересечении – всё время были помехи слева. Новость откуда взвзвисься полицейский поднял жезл, пронзительно свистнул, и в гостеприимно распахнутые ворота посольства величаво, сопровождаемая поощрительными жестами полицейского, въехала «чайка» советского посла. После него нам и думать нельзя было появляться на приёме. Генерал крикнул, и сказал, не глядя на меня: «Поехали, Боря, возьмем в японском ресторане «Фудзи» чего-нибудь поесть, у меня в холодильнике есть «Московская», пригласим соседа – маврикийца. Подумаешь, монголы! Маврикиец, между прочим, тоже Его превосходительство, посол». Маврикиец оказался на приеме у монголов, но это не помешало нам выпить бутылку «Московской» с крохотными, размером с ноготок, китайскими пельменями из гречневой муки...

Смокинг на сегодняшний прием – тоже результат усилий жены... Я еще раз посмотрел на генеральский лацкан. Левый был чуть темнее правого, но блестели они почти одинаково. Может, жена и отстирает холодной водой... Что, если подойти и отвлечь Ваджпай на себя? Но тут посол прокашлялся, все присутствующие посмотрели на него и начали потихоньку сходить к центру лужайки. Приближался кульминационный момент приема. Подождав, пока все подтянутся, Николай Михайлович произнес приличествующий случаю тост. Константин, его референт, перевел, и все, чуть пригубив бокалы, невольно повернулись к имениннику. Черненко посмотрел на меня и качнул головой – он не хотел, чтобы адмирала Горшкова переводил «штатский». Я тихо подошел к адмиралу и встал, как учили в Военном институте иностранных языков – сзади и слева, загоразживая со спины сердце главноком. Адмирал слегка поклонился, расставил по-морскому ноги, набрал воздуха в легкие и заговорил как будто негромко, но, я уверен, его было отчетливо

слышно и в дальних углах лужайки: «Дорогие друзья, уважаемые гости, спасибо за поздравления. У меня сегодня радостный день. Эта круглая дата моего рождения навсегда останется у меня в памяти благодаря вашему присутствию на этом приеме...» Губы мои автоматически произносили английские слова, а голова шла кругом. О чем говорит адмирал Горшков? Какая круглая дата? Ведь уже несколько дней мы с Игорем Николаевичем к месту и не к месту упоминаем, как и было условлено, что высокому визитеру 62 года. Какая к черту круглая дата?... Приятный баритон продолжал: «Мне сегодня исполняется 62 года. 31 год тому назад я стал адмиралом. Мне тогда был 31 год. Вот уже 31 год я адмирал. Моя дочь родилась в тот год, когда я стал адмиралом. Ей сейчас 31 год. Как видите, для меня 62 года, как ни странно, круглая дата!» Как пишут в светской хронике: шутка высокого гостя вызвала оживление в зале... Слава богу, мы ничего не напортачили... Ну и шуточки у Вас, товарищ адмирал... Я украдкой огляделся. Адьютант адмирала, стоя рядом со статной красавицей Галиной, смотрел в мою сторону. Надеюсь, только он один и заметил, как внезапно за спиной адмирала побледнело моё лицо...

Скрипки «Флуераша» начали играть молдаванскую хору. Официальная часть приёма закончилась. На специально сооруженную танцплощадку всего в 10 сантиметрах над травой лужайки вышли Пегов и Ляля Черная. В шитом золотом посольском мундире, ладный и безупречно двигающийся, Николай Михайлович сейчас не казался ниже ростом своей партнерши. Невозможно было оторвать глаз от этой пары. Они танцевали так красиво, в каждом движении было столько чувства, что собиравшиеся выйти на площадку другие пары как-то замерли, стушевались, так и остались смотреть, как танцуют эти пожилые люди. Профессионалы «Флуераша» видели много танцоров, но я заметил, как перестали постоянно переступать с носка на носок, разминая ноги в красных с перепонками туфельках, танцовщицы ансамбля. Тишина, наступившая на лужайке, и пронзительно-тоскливые звуки скрипок были необычны для приема. Я тихонько осмотрел людей, группами стоявших у площадки. Даже индусы – завсегда при приеме с блестящими от бриолина волосами – стояли, позабыв про Johny Walker в своих стаканах, и во все глаза смотрели на танцующую пару... Один только австрийский посол не смотрел на площадку. Он, прикрыв глаза, вслушивался в скрипки «Флуераша», выводящие трогательную мелодию. Да, прием удался.

Адмирал убыл после нескольких дней, проведенных в Симле с адмиралом Нандой. Считалось, что высокий гость и его хозяин занимаются рыбалкой, но большую часть этого времени они провели в доме Николая Рериха в долине Кулу и Святослава Рериха и Девики Рани в Тагатуни. Это, наверное, по желанию дочери Горшкова. Как бы там ни было, они вернулись из поездки закадычными друзьями.

Адмирал убыл. Он знал, что это его последний визит в Индию – скоро отставка. Но он не мог знать, что через тридцать три года у бомбейских «Ворот Индии» встанет на рейде ТАВКР «Адмирал Горшков» – тяжелый авианосный крейсер, названный его именем и купленный Индией, чтобы заменить свои устаревшие авианосцы. Придет и встанет на рейде – без него...

Геккиев Магомед Батталович

Геккиев Магомед Батталович (8.03.1947 г. сел. Чемалган Алма-Атинской обл. Казахской ССР) – балкарский поэт, переводчик. В десятилетнем возрасте возвращается вместе со своим народом из депортации и продолжает учебу в средней школе г. Тырныауза. Некоторое время работал там же на шахте. В 1970 г. поступил в Литературный институт им. А. Горького в Москве и успешно его закончил. Член Союза писателей РФ с 1991 г. По рекомендации Кайсына Кулиева в газете «Коммунизмге жол» (1970 г.) впервые была опубликована подборка стихов молодого автора. В 1972 г. в антологию молодых поэтов «Березова Криница» на украинском языке вошло несколько его поэтических произведений. Первый сборник стихов Геккиева «Тунгуч» (Первенец) вышел в свет в 1973 г., второй сборник «Чыкъен» (Арбалет) в 1988 г.

По природе своего дарования Геккиев – лирик, мастер малой стихотворной формы. Его поэтические миниатюры отличает лаконичность, граничащая с афористичностью, скупость экспрессивных средств и тесная связь с фольклором. В краткой форме автор выражает емкую мысль, свое мировосприятие, философско-нравственные аспекты жизни. В его философской лирике наблюдается сочетание двух планов – конкретного, чувственно-образного и абстрактного, символического.

Для творчества Геккиева характерно пантеистическое восприятие мира, природа предстает в нем одухотворенной в каждой своей частице. М. Геккиев зарекомендовал себя также искусным переводчиком, переложившим на балкарский язык целый ряд драматических и поэтических произведений: «Тартюф» и «Плутни Скапена» Ж.-Б. Мольера, «Полоумный Журден» М. Булгакова, «Коджинские перепалки» К. Гольдони, «Ханума» А. Цигарели, «Даханаго» З. Аксирова, «Дорогу, Караман жену ведет» А. Гецадзе, поэму М. Лермонтова «Мицъри». В 1972 г., будучи студентом Литинститута, преподавал балкарский язык и литературу актерам балкарской студии ГИТИСа (1972-1974). Оттуда, наверное, истоки его интереса к сценическому искусству и тесное сотрудничество с Балкарским государственным театром им. К. Кулиева. По мнению руководства театра и актеров, переводы Геккиева отличаются высоким художественным мастерством.

Анатолий АЛАФАЕВ

Анатолий Азретович Алафаев родился 8 февраля 1948 года в Киргизии, куда был депортирован балкарский народ. Стихи пишет с четырнадцати лет. Работал токарем, корреспондентом районной газеты, преподавал в средней школе, окончил аспирантуру Института истории СССР АН СССР, написал диссертацию по истории русского либерализма XIX века. В настоящее время живет в Москве, доцент кафедры политологии и права в Московском государственном областном университете. Поэтические пристрастия – М. Лермонтов, С. Есенин и К. Кулиев.

Учитель

В.В. Сухову

Учитель помнит имена и лица
Своих птенцов, их шумный пестрый круг.
«Чем будем мы под старость лет гордиться?» –
Спросил в сердцах коллега мой и друг.

Да, на дворе такое нынче время,
Когда кружит победно воронье.
И стала жизнь – как подвиг или бремя
Бороться иль терпеть воров вранье.

Бездарные прорабы перестройки,
Реформы начертал вам сатана.
И вот итог: учились вы на тройки –
Разрушена великая страна.

Кружась над школой, вы несете беды,
Чернея, точно кляксы, в синеве.
Голодные, мы знаем путь Победы,
Мы выстоим, как город на Неве!

А воронье закончит жизнь бесславно:
Орлята наши скоро подрастут...
Учитель, зная истину и правду,
Готов, как бог, вершить народный суд.

Учитель – это высшее призвание,
Дарованное лучшим из людей.
И пусть простят поэты за признание:
В России нет призвания трудней!

А будем мы питомцами гордиться,
Жить научив их не во лжи и зле...
Под старость озарятся наши лица,
Как у богов, творивших на земле!

Лесная царевна

А.Ю. Антошину

Живу я на даче и – счастлив,
Пишу исторический труд.
И пусть улыбаюсь не часто,
Но счастьем наполнена грудь.

Под шепот берез, гомон птичий
Легко и дышу, и пишу.
Бежавший от модниц столичных,
Я к местной царевне спешу.

Пленен я весенней стихией,
Нет в этом поэта вины,
Несу я в подарок стихи ей,
Что в майскую ночь рождены.

Стихи, как лесной колокольчик,
Как ландыши, нежно звеня,
Растут в моем сердце и звонче
Становятся день ото дня.

Красавица ждет на крылечке,
Берет мой сердечный букет.
Хочу подарить ей колечко,
Но робок влюбленный поэт.

Пьянеет лесная царевна,
Когда ей читаю стихи...
Так сладко весною в деревне
Поют по утрам петухи!

Она словно лебедь прекрасна,
Мы ходим купаться на пруд.
Живу я на даче, как в сказке,
Мечтая закончить свой труд.

Профессорские страсти

И.А.

Мечтая стать доцентом,
Случайно встретил Вас.
И с этого момента
Вздыхал я много раз.

Доцентом стать мечтая,
Работал я, как мог.
Слетелись книжки в стаю —
Они у Ваших ног.

Успехом окрыленный,
Как голубь, к Вам летел.
Улыбкой опьяненный,
Я большего хотел...

Но отрезвила резко
Прекрасная из дам:
«Пока Вы не профессор,
Руки я не подам!»

С тех пор я не летаю,
Опять труды пишу.
Я крылья чувств латаю,
Вздыхаю и грущу.

Профессорскую книгу
Издав, я полечу...
Но руку или фигу
На сей раз получу?

В лучах и звуках

Весенний лес звенит от пенья
И птиц, и трепетной листвы.
Слились и вечность, и мгновенье
В зеленой музыке любви.

Я понял таинство и мудрость
Небесной жизни и земной.
Твои сиреневые кудри
Ласкает ветер озорной.

А солнце над лесною чащей
Моргает бархатом ресниц.

Улыбкой, излучая счастье,
Ты отвечаешь пенью птиц.

В жемчужной сладостной слезинке
Я вижу светлый лик творца.
Ведёт куда-то нас тропинка,
Сближая души и сердца.

И я целую ландыш нежный
Твоей улыбки у берез.
Застыли травы безмятежно,
Сверкая радугою рос.

А соловьи безумно пели,
Журчал о чем-то нам ручей.
Играли, замирая, ели
На арфе солнечных лучей.

О, как хочу в любви забыться,
Воскреснуть птицей иль травой,
В лучах и звуках раствориться,
Но только, милая, с тобой!

Подарок

В.А.У.

Я в день рождения грущу,
Но сердце бьется жарко.
Тебя, любимая, прошу
Не покупать подарка.

Подарок ты, мой друг, сама,
Прекрасный и бесценный.
Я без тебя схожу с ума,
Брожу, как тень, бесцельно.

Ты в этот день со мной побудь
И спой, как прежде, песню.
Люблю волнующую грудь
И голос твой чудесный.

И пусть глаза горят огнем –
Два золотых колечка.
Хочу метельным февралем
Познать и миг, и вечность...

Улыбку утренней зари
Ты подари в постели,
Когда погаснут фонари
И стихнет стон метели.

Тайна жизни

Бегут века, сменяя поколения.
Ученые упорно смотрят ввысь,
Раскрыть пытаюсь таинство творенья,
Откуда есть пошла земная жизнь.

Но солнце и далекие планеты
Молчат, сияя в бесконечной мгле.
Смеются над учеными поэты,
Живущие, как боги, на земле.

Им ведомы космические дали
И тайная тоска горящих звезд,
И почему луна молчит в печали,
И что березе шепчет летний дождь.

Поют поэты тайны мироздания,
Стихи роняя, как луна лучи.
Они открыли неземные знания
В земных улыбках женщин и мужчин.

Муса АЛБОГАЧИЕВ

О себе

На рассвете 6 ноября 1939 года в канун Великого Октября семья молодой сероглазой Любови Юсуповны и студента медресе Загира Зарахметовича Албогачиевых пополнилась младенцем мужского пола. Случилось это чудо в селении Алиурт, в 12 км от Назрани. Многочисленные дядюшки и тетушки чуть ли не с неделю оспаривали, кто каким именем осчастливит новорожденного. Звучали: Мусса, Мовли, Михаил... Наивные дядюшки и тетушки, они и предположить не могли, что утрет им нос капитан-энкавэдэшник по фамилии Копылов, проживавший в тот момент в далекой Кустанайской области, предпочитавший всеем напиткам по утрам огуречный рассол. Не успел я запечатлеть в своем детском сознании не только гордую осанку Кавказского хребта, но и скудные, тем не менее любезные сердцу достопримечательности родного Алиурта, как память зафиксировала многометровые пласты ослепительного казахстанского снега и на фоне его – иститую, почерневшую от страстной любви к «зеленому змию» и вечно насупленную физиономию товарища Копылова, ставшего к тому времени майором и – как комендант – грозой для спецпереселенцев. Он-то и стал моим «крестным отцом». «Что написано пером – не вырубишь топором!» – гаркнул он, и по велению его всемогущей руки Мусса Загирович вмиг стал Михаилом Захаровичем, но фамилию оставил как есть. И с чувством благодарности вспоминаю я его иногда, когда сегодня в столице нашей Родины первый встречный милиционер требует паспорт, дабы удостовериться, не лицо ли я кавказской национальности, – спасают имя и отчество...

В сорок шестом пошел в первый класс Кандыкульской четырехлетки. На всю школу один букварь и одна учительница, тоже из репрессированных, Наталья Наумовна. Она дала мне почитать на летние каникулы тоненькую книжонку, это была поэма Есенина о пастушке Пете, – судьба схожая с моей: я тоже был пастухом. Я выучил всю небольшую поэму наизусть, и что-то самому хотелось написать под есенинские ритмы, не мог отделаться, они меня буквально преследовали. Уверен, эта книжка и приобщила меня еще в детском возрасте к миру поэзии.

Среднюю школу я окончил в Тоболе Кустанайской области Казахстана в 1957 году. Мечтал стать летчиком, хотел поступить в авиационное училище, но не смог. Поступил в педагогический в Грозном. В институте у нас был свой литературный кружок, где подобрались талантливые ребята, будущие прозаики и поэты. А после «оттепели», несмотря на наступившие заморозки, мы продолжали вольничать. Был в городе и другой литературный кружок, то есть литобъединение при Союзе писателей, но там властвовал местный гений Виктор Богданов, которого я беззастенчиво критиковал, будучи гостем на заседа-

ниях, так как меня туда не принимали, сказали, поучись. Но однажды, узнав (я уже заканчивал третий курс), что Богданов послал на конкурс в литинститут свои стихи, я сделал то же самое. Местный гений творческий конкурс не прошел, а я получил вызов и рванул в Москву. Было это в 1961 году. Семинар поэзии вели то Василий Захарченко, то Евгений Долматовский. С четвертого курса взяли в армию, попал на Тихоокеанский флот, служил на крейсере. Служил почти пять лет. Последние два года служил в редакции газеты «Боевая вахта». Тематика моря и морской жизни в моем творчестве стала главной, и первая книжка стихов, вышедшая в 1968 году в Чечено-Ингушском книжном издательстве, так и называлась – «Волна».

Восстановился в институте, но пришлось повторно пройти творческий конкурс: был новый ректор, который почему-то не очень благоволил к питомцам прежнего. В 1971 году сдал госэкзамены. Александр Коваленков, у которого я был в семинаре, одобрил мою дипломную работу. Но надо же мне было до защиты соблазниться командировкой ЦК комсомола в Кишинев, в итоге – опоздал на защиту. Назначили новый срок, и буквально за день до этого умер мой руководитель семинара и я ни у кого больше не стал защищаться и уехал на родину, работал в «Грозненском рабочем», районной газете.

Диплом я все-таки защитил, но уже по прозе. Получил я его в 1985 году. С 1996 года редактировал газету Александра Лебеда «Держава порядка», вплоть до дня его гибели.

Из написанного опубликовано: рассказ «Взрыв» в альманахе «Утро гор»; «Последний выстрел» в газете «Сердало», а также повесть «Пустырь». Написаны, но не опубликованы: раньше по цензурным соображениям, сегодня по финансовым – роман «Месть», драма «Четвертый муж», повесть «Садовое кольцо» о трагедии на Дубровке, рассказ «Мертвая точка», повесть «Не хочу, чтобы звезды падали», первая часть документальной хроники «На исходе лета», а также стихи...

Вьюга

Жизнь пошла последним кругом
Вновь в заманчивую даль.
Ни жены со мной, ни друга.
За окном апрель и вьюга,
Прозевавшая февраль.

Довели, видать, природу,
И в нее вселился бес:
Ждешь погоды – непогода,
И не год, а год от года –
Карой грешникам с небес.

Необычно темно-синий,
Непривычный к суете,
Мимо стайки воробьиной,
Говорливой и невинной,
Ворон молча пролетел.

Так случилось, на изломе
Мне милее во сто крат
Серебристый стог соломы,
Барабашка в ветхом доме,
Свежий снег и старый сад.

Долго жизнь меня мотала
По воде и по земле,
Но в конце концов достала,
И житья совсем не стало
Ни в квартире, ни в селе.

Жизнь проходит круг за кругом.
Улыбнись за далью даль.
Ни жены со мной, ни друга...
Так в апреле веет вьюга.
Потерявшая февраль.

* * *

Дорога. Ночь. Луны сиянье...
Обрывки сказочного сна.
И ты одна, как изваянье –
На фоне бледного окна.
Как два крыла взметнулись руки...
Твой взгляд я чувствовал спиной,
И с той минуты тень разлуки
Парит, как коршун, надо мной.

Будущему правителю России

Над страной – вести... вести...
И глухой протяжной стон:
Что нам ждать у моря, если
Нет ни Родины, ни чести,
Только есть братвы закон.

Слишком долго смута длится,
И ржавеет в ножнах меч...
А в Кремле все те же лица.
Как от них освободиться,
Как от них страну сберечь.

Ты найди на них управу
И смахни с могучих плеч.
Возроди былую славу.
Ну а кто загнал державу,
Тех заставь на рельсы лечь.

* * *

Никто из нас не вышел в капитаны.
Никто из нас чиновником не стал...
Меж небом и землей зависли капитально
В рывке последнем крылья распластав.
Нас было много. Звездами сверкая,
В неведомые дали нас звала –
Одних звала романтика морская,
Других манила матушка-земля...
Дугоюгнулись позвонки спинные
В потоках жизни, как в кипеньи волн.
Но не спасли нас ангелы земные,
Не внял молитвам нашим Посейдон.
За кругом круг – круженье, как крушенье,
И каждый шаг – бесценный дар молве...
Бывало били, били и по шее,
Но в основном по буйной голове.
Мы рядовые, каждый в ожиданьи
Насквозь кострами вешними прожжен.
Куда девать нам теплоту признаний,
Разлуки, встречи и упреки жен.
Куда живых нас выведут кривые,
Ведь мертвецам теперь уж все равно.
И оседают медленно живые,
Как корабли горящие на дно.
Но... ничего, и обойдя все страны,
Пройдя последний жизни перевал,
Никто из нас не вышел в капитаны,
Никто из нас чиновником не стал.

Встреча

Распластался в полнеба
Неприступной стеной
Мой Казбек остроглавый.
О Казбечище мой.
Ты и мудрый, как старец
В белоснежной чалме.
Так позволь о плечо твое
Опереться и мне.

Знаю, руки – граниты
И надежно плечо,
Если пеняшь, как Асса,
Кровь по венам течет.
Слышу в горных обвалах,
В хриплом крике орла
То шаги Зелимхана,
То зикир Шамиля.
После долгой разлуки
Я вернулся домой...
Мой Казбек величавый,
Ты Казбечище мой!

Русь

Что меня мотает?	Расплодила нищих
Что меня несет?	И в чести бандит.
Были бы высоты –	Соловей-разбойник
Нету тех высот.	У ворот сидит.
Вера испарилась,	Так не будь наивной
Никаких надежд.	В доброте своей:
Лишь дворцы-коттеджи	Все повадки волчи
Полные невежд.	У твоих друзей...
Шельму бог не метит.	Вновь меня мотает,
Доживаем жизнь,	Вновь меня несет,
Как в пруду береза,	Потому что в мире
Головою вниз.	Нет твоих высот.
Головою – в омут	В радости и в горе,
Иль – в водоворот...	Всей душой любя,
Вот такой, Россия,	Заклинаю богом
Грустный оборот.	И прошу тебя.
Где былая сила?	Русь, восстань из пепла,
Где отважный росс?	Крылья распрями.
Сверх моя держава,	И в свои объятья
Что с тобой стряслось?	Ты меня прими.

* * *

И снова – в ночь. И снова – в холод зимний.
Который год я по свету брожу.
Я ухожу от женщины любимой.
Я ухожу. И снова прихожу.
А сколько слов мной сказано напрасных,
И столько же обидных мне в ответ,
И тех минут, столь светлых и прекрасных,
Как будто в жизни не было и нет.
Скажи, зачем мы мучаем друг друга,
Ну почему валяем дурака?

Ведь я искал и женщину и друга,
Но лишь нашел мучителя пока.
Ведь жизнь и так нам создает проблемы,
Зачем еще их создавать самим?
Когда вокруг все так глухи и немые,
А мы с тобой над пропастью стоим.
Спасенья ищем. Молча в бездну глядя,
Никак себе опоры не найдем.
Когда вся жизнь и скомкана и смята,
Винить кого? Виновны мы вдвоем.
Покоя нет. Покой нам только снится.
Смотрю сквозь сон на призрачную даль...
Кричит в душе – как раненая птица –
Одна печаль, одна печаль...

Новогоднее

И снова год. И снова Новый год.
Как будто горечь недопитой «Старки».
И вновь все тот же Дед-Мороз придет,
И вновь все те же разнесет подарки.
Пустые шутки – матерьял сырой...
Но, чью-то глупость разорвав на части,
Мелькнет на миг взошедшею зарей
Хрусталь бокала, как мечта о счастье.
И даже в блеске праздничных одежд
Мне не стереть с лица чужих свиданий,
Прозрачный лед несбывшихся надежд,
Тоску и боль разбуженных желаний.
Ведь эта ночь исчезнет без следа
В грядущем дне, как сахар, растворится,
Оставив вновь, оставив навсегда
Извечный сказ о золотой Жар-Птице...
Мои следы метель не заметет.
Нежданный ветер сердце не остудит...
Я пью за тот, за самый Новый год;
Он все равно когда-нибудь придет.
Он все равно когда-нибудь наступит.

Алим БАЛКАРОВ

РЕКВИЕМ ПО НАРИСОВАННОЙ ЖИЗНИ

Рассказ

Аскеру Жанхотову казалась, что сегодня ему хуже, чем когда-либо за всю его, в общем-то недолгую жизнь. Ломало так, что он, вцепившись зубами, выл в подушку. Несколько раз его рвало, мучительно, до спазмов в горле. Он лихорадочно блуждал взглядом по комнате, ходил, крепко обняв себя за плечи, по всему дому и – ничего. Ничего стоявшего хотя бы полтинника. А ведь эта женщина, эта мегера, – умирать будешь, и пальцем не пошевелит, чтобы выручить: только за деньги! На то она и барыга.

Он вернулся в мастерскую, захламленную какими-то банками, раздавленными тюбиками из-под красок, бутылками с химикатами и мольбертом посреди всего этого. Все, на чем останавливался взгляд, доставляло лишь злобу и боль. Так он ходил из угла в угол, из комнаты в комнату, пока не присел над стоящей у стены неоконченной работой. «Неоконченная? – спросил он себя, – или состоявшаяся?» Он взял с пола небольшой холст на подрамнике, водрузил на мольберт, встал напротив и некоторое время стоял молча, без движений, словно в забытьи... «Долго ты еще будешь мучить меня?» – наконец произнес вслух, глядя в пустые глазницы того, кто был изображен на холсте. Приступ рвоты вывел его из оцепенения, заставил выбежать из мастерской. Тошнота была невыносимой, но желудок был уже пуст, хоть выверни его наизнанку. Он мучительно стонал, возвращаясь к себе, и в этот момент с сознанием блеснула спасительная мысль. «Точно, – подумал он, ухватившись за эту мысль, – как же я раньше?..»

Он пошел одеваться, наспех – джинсы, куртка, ботинки. Надо успеть, пока не придут с работы мама и сестра. На ходу захватил картину и сунул в измятый полиэтиленовый пакет.

Выйдя во двор, прежде чем шагнуть за ворота, он решил еще раз взглянуть на свою работу, чтобы еще раз убедиться: решение – хоть и запоздалое – найдено. «Сделка! – вполголоса, но жестко произнес он. – Пусть будет сделка».

* * *

Марьяна Огурлиева, восемнадцатилетняя красавица-брюнетка, сегодня пропускала занятия в колледже: мама уехала за товаром в Пятигорск и Марьяна должна была подменить ее в магазине, что распола-

гался тут же, во дворе. Напоминать ей что-либо или давать указания не было необходимости: Марьяна торговала не хуже матери. Она знала, кому и что можно отпустить в долг, например, соседкам – хлеба, масла, сахара; соседу напротив, Сулейману, можно выдать бутылочку, но даже пробки от бутылки не давать парням с улицы, и уж совсем никому – товар, который считался особенным и самым прибыльным. Девушка хоть и молоденькая, а спуска не даст и на жалость ее особо не возьмешь, – словом, оставляя магазин на нее, мать была спокойна.

А покупателей у нее сегодня было негусто: то сосед зашел за сигаретами, то соседка за хлебом и крупой. Был и один парень на машине – за особенным товаром, тот молча расплатился, стараясь не смотреть в глаза, и уехал.

Марьяна скучала и время от времени болтала по телефону. Когда появился Аскер, девушку поразил его внешний вид: худоба, многодневная щетина с претензией на бороду, неряшливая одежда. Подмышкой он держал пакет. Она плохо знала этого парня, помнила только по слухам, что он художник и что пару лет тому назад о нем писали в газете и даже показывали его по телевизору. Еще она видела его, когда, случилось, он захаживал за «особенным» товаром.

Оказалось, он знал ее по имени. «Марьян, дай-ка мне один комплект!» Она поразилась, успев мельком взглянуть в его глаза. Девушка она неробкого десятка, бойкая – словом, дочь своей матери, матерой торгашки, – но взгляд этого парня на какое-то время испугал ее. Это потом, спустя время, она вспомнит этот взгляд и поймет, что увидела в этих глазах невыразимую боль. А сейчас она даже спросить себя не успела – «Зачем я это делаю?» – и протянула ему завернутый пакет, а из рук его она взяла... что это?

Это была картина. Что на ней было изображено, разговор особый, но менять товар на какую-го мазню! Эти мысли пришли потом, а сейчас она выслушала слегка запутавшую ее скороговорку, сквозь невнятный строй которой прорывались слова «завтра... просто очень... маме так и скажи, а я обязательно, сразу...» Короче говоря, она спокойно отдала товар ни за что и теперь была причина корить себя, а это, разумеется, вызвало злбу на него. «Вот сволочь! – произнесла она, но он был уже далеко. – А что мать скажет? Ну и черт с ним, со всем этим!»

Марьяна была девушка с характером и в случае чего не особенно боялась материнского гнева. «Поорет и успокоится, – решила она, – в конце концов деньги не ахти какие большие!» И так же спокойно продолжила скучать и набирать номера по телефону. Но так ли спокойно? Все-таки на душе остался какой-то осадок: не оттого, что лопухнулась, нет, и не из-за матери, да и вообще, непонятно, отчего...

* * *

«Да, так и должно было быть, – говорил он сам с собою по дороге, – именно она, а не мать!» Чуть ли не бегом добравшись домой, Аскер, исходя потом, не переодеваясь, включил в мастерской электроплитку.

«Лишь бы теперь никто не пришел, лишь бы не помешали!» – стучало в мозг. Закипятил «сор», отбил, снял «ширку» с корочки, дрожащими руками вытянул шприцом раствор, сделал чуть больше своей обычной дозы и, оголив локоть, ввел иглу.

Невидимую вену он научился находить безошибочно. Контролка заклубилась в шприце бордовым дымом. Аскер нажал на «баян», и раствор, как и сотни, тысячи, бессчетное количество раз, ушел в вену. Волна с болью, мучительно сладкая, прошла по телу. Аскер застонал от удовольствия и выронил шприц на стол. Ранку прижал проспиритованной ваткой.

Через несколько минут он уже сносно, спокойно соображал. И началось то, что происходило с ним вот уже который месяц подряд – после каждого укола и волны «прихода», приносящей успокоение, находило мучительное разочарование и сожаление: опять он сделал это, опять не перетерпел и это вновь оказалось сильнее его. «Но сегодня, – подумал он, – все должно быть по-другому». Еще собираясь бежать в магазин и взглянув тогда на картину, он понял, что у него получится все: и дозу он достанет без проблем, без обычных унижительных просьб, поиска денег и прочего, и он сможет преодолеть любое сожаление... Все это оказалось настолько маленьким и незначительным теперь, что он легко отмахнулся от всей этой рефлексии.

Он аккуратно, теперь уже безо всякой спешки, приготовил шприц, намотал на кончик иглы ватку и втянул первую, затем двойную, далее третью и остановился, когда в тарелке не осталось раствора. После этого он отложил готовый шприц, достал бумагу и ручку и аккуратно и вдумчиво написал: «Все это, что называется жизнью, либо действительно приснилось мне, или же ее кто-то нарисовал, а в конце концов это попросту обмануло меня. Но в любом случае, каждая картина должна быть закончена. Мне это удалось...» Он дописал еще пару предложений, и, решив, что далее пойдет ненужный пафос, поставил точку.

* * *

Вернувшись из Нальчика с занятий, Марьяна не зашла, как обычно, сразу в дом, а проследовала в магазин к матери.

– Мама, ты помнишь, обещала задать Аскеру-художнику за то, что он якобы обманул меня, хотя я и тогда и сейчас утверждаю, что не обманывал он меня.

– Ну и к чему ты это? – строго спросила мать.

– Так вот, ничего ты ему сделать не сможешь.

– Это почему же?..

Марьяна тем временем искала по полкам.

– Где картина, мам?

– Вон, между ящиками. Так к чему ты это?

– Он позавчера... позавчера же это было?

– Ну да, не томи уже!

– Так вот, он позавчера умер, – сообщила Марьяна, доставая картину.

Мать тяжело опустилась в кресло за прилавком.

– Как так умер?

– Так. Что, не знаешь, как умирают, что ли? Умер от передозировки.

– Только этого нам не хватало! – вырвалось у матери.

* * *

К тому времени, когда зашел участковый, мать все «подчистила», и в магазине, и дома.

– Ты ему «хьалэжь» продала? – спросил участковый.

Мать побожилась, что не она (и в принципе не лгала).

– Ты затихни пока! – наказал участковый и ушел.

Она тут же потребовала у Марьяны картину, но та наотрез отказалась выбрасывать, а тем более уничтожать ее.

– Ты, мам, от страха поглупела, что ли? Они что, в моей комнате обыск будут делать?

Мать махнула рукой и отстала от упрямыцы.

Вечером сели ужинать: отец, бездельник и выпивоха, единственно, что делавший, так это раз в неделю привозивший с матерью товар на их «волге» из Нальчика или Пятигорска; брат, тоже бездельник, сидевший на шее матери, сестра, работавшая парикмахершей и, конечно, Марьяна. Ей, как младшей, было отведено место в конце стола. За ужином, когда все увлеклись каким-то разговором, Марьяна вдруг подняла голову и сказала: «Замолчите!» Все от неожиданности действительно затихли. «Сейчас что-то будет!» – добавила Марьяна, и, едва она это произнесла, раздался звонкий, подобно выстрелу, треск, такой, что у всех без исключения екнуло сердце. «Вот!» – указала Марьяна. По столу, как раз с краю, где она сидела, пролегла кривая, зигзагами, трещина. Пролегла так, что получилось, что угол Марьяны отсекло от остального стола.

Случай этот всполошил мать чрезвычайно, и она сходила на соседнюю улицу к аза-знахарке. Та ей ответила: мало ли что бывает, дерево треснуло, иссохло, вот и треснуло, а вот то, что в доме две девицы на выданье и парню жениться пора, вот это очевидно. «Голову морочит!» – решила мать и ушла.

Спустя недели две после того случая, в колледже был назначен контрольный зачет по химии, Марьяна, как и большинство ее подруг и соратников, особо не трепетала по этому поводу, но, увы, не от избытка знаний. У нее с подругами были уже заготовлены шпаргалки, ну а на особый случай – определенные суммы денег. Короче, главное сдать зачет, а там с подружками и пацанами они сходят в кафе на «Восток» или на Горную, отметят контрольную, ну и, в общем, весело проведут время. Она даже заранее сказала своему парню, Анзору, чтобы подъезжал на своей «девятке» в определенное время к колледжу.

Спать Марьяна улеглась после того, как пересмотрела свои сериалы и напоследок, уже в постели, поболтала по телефону с Анзором.

В эту ночь приснился ей странный сон. В сновидении пришел к ней узкоглазый человек и сказал: «Марьяна, твоей вины нет. Аскер был мас-

тером, и он сделал то, что сделал я. Он поможет тебе, поэтому держись четырех!»

Она проснулась. Шел четвертый час утра. Спать уже не хотелось. Она подумала про свой сон и удивилась, потому что ничего такого ей раньше не снилось. Она взяла в постель вопросник, учебник с тетрадью начала читать вопрос – тему номер четыре.

Утром она аккуратно собрала сумочку, вытряхнула все шпаргалки и оставила их в ящике стола. В девять утра начался зачет. Билетов было тридцать, ровно столько, сколько тем-вопросов. Марьяне достался четвертый билет. Она довольно быстро приготовила ответ и вызвалась отвечать. Преподаватели, слишком хорошо знавшие ее, были удивлены. Задали ей дополнительные вопросы, на которые, как оказалось, она также знала ответы, и в итоге ей поставили пятерку, учитывая еще «балл за смелость» – она отвечала первой. Да еще химичка похвалила ее: «Молодец, Огурлиева. умница! Главное, сама, безо всяких там... Молодец!»

Преподаватели были о Марьяне обычного мнения: особыми способностями не отличается, учится, как и большинство, не знаний ради, а диплома. В колледж ходит с охотой, потому что здесь можно рисоваться нарядами и «тусоваться» с подружками и парнями. И, учитывая все это, сегодняшний ответ Марьяны вызвал больше, чем удивление.

Сама Марьяна никому ничего не рассказала про свой сон и удачу на зачете, а просто отправилась с подругами на «Восток».

Как-то вечером она сидела одна в гостиной у телевизора, переключала каналы, как вдруг увидела портрет того самого узкоглазого человека, который приснился ей. Она замерла и стала слушать, и тогда многое поняла. Узкоглазый человек был японцем, его звали Юкио Мисима, он был большим писателем и ему хотели даже дать Нобелевскую премию, но с премией повременили, потому что он был тогда молод, а сам он по каким-то серьезным причинам совершил самоубийство. Она до поздней ночи смотрела на оставленную Аскером картину и ничего не могла в ней понять: какой-то портрет – не портрет, пустота в тех местах, где лицо и глаза, а также там, где сердце, и весь холст в каких-то непонятных разводах мрачного темно-серого цвета. Этот Юкио Мисима говорил, что Аскер мастер, а это значит, что Аскер был очень хорошим художником. «Нет, – думала она, – слово «хороший» здесь не подходит, он был великолепным художником. Другое дело, что ни здесь, ни где-либо еще этого в его картинах не разглядели.

А совершил он то, что совершил этот японец, – харакири. У японцев это не считается грехом, так почему же про Аскера говорят, что он совершил грех, если он великий мастер?..»

Дома стали замечать, что Марьяна в последнее время ведет себя как-то странно. Родные и все, кто ее окружали, будто не узнавали ее. Конечно, это заметил и ее парень. Анзор почувствовал, что она охладела к нему, и не понимал – почему, ведь у него обеспеченная семья и собственный автомобиль, и сам он хорош собой. В конце концов возник повод для неприятного разговора, они поссорились и расстались. Анзор

не делал шаг навстречу первым из гордости, она – из безразличия. Оба были абсолютно уверенны, но в совершенно разном: Анзор в том, что их размолвка временная, а Марьяна в том, что это навсегда.

Мать сердилась больше всех. Пыталась что-то выяснить, но расспросы и наблюдения ни к чему не привели. А однажды пришел сосед и попросил отца привезти на их машина ветеринара, потому что у него заболела и чахла корова. Ветеринара привезли, но он только и посоветовал, что зарезать ее.

Среди ночи Марьяна встала, оделась и пошла к соседям.

Собаки залаяли, все переполошились, мать выбежала следом. А удивленный заспанный сосед по просьбе Марьяны провел ее в хлев. Мать попыталась было вмешаться, но Марьяна так на нее посмотрела, что она осеклась и вместе с другими собравшимися стала наблюдать.

А Марьяна гладила лежавшую обессиленную корову по боку, по вздутому животу, потом сказала, чтобы принесли спицу с гарпунообразным кончиком, именно такую вязальную спицу и еще кое-что. Все принесли, и Марьяна тщательно протерла спицу проспиртованной ваткой, после чего с закрытыми глазами стала водить по вздутому животу коровы, потом ладонь ее замерла на одном месте, она проткнула в этом месте коровье чрево так, что с шумом пошел вонючий дух, а вытаскивая спицу, крючком ее она извлекла кусок целлофана величиной с ладонь. Коровы жалобно заурчала и попыталась лизнуть Марьяну.

Наутро животное было на ногах, а через три дня уже на пастбище.

Соседи были на вершине счастья. Они заявили к Огурлиевым с тремя большими, заполненными доверху полиэтиленовыми сумками, в которых были всевозможные яства: конфеты, бананы, киви, ананасы, рулеты-бисквиты, всевозможные вина, шампанское – словом, все то, что можно было приобрести на базаре. Да еще отдельно они принесли домашние сыры, сметану, творог, и после этого стали каждое утро приносить свежее парное молоко.

Весть об этом случае быстро распространилась по округе, так, что стали приходить с просьбой о помощи, но Марьяна быстро пресекла эти визиты. «Там я просто случайно догадалась, – сказала она, – а в остальном я ничего не понимаю в скотине».

Вместе с тем Марьяне приходилось тщательно скрывать свое новое «увлечение», но мать, чувствуя неладное, догадывалась все-таки об истоках тех странностей, происходивших с дочерью, а однажды, подглядев, как та «изучала» картину, она убедилась в своей правоте.

Из Нальчика Марьяна привезла книги по истории и теории живописи, но загадка полотна так и оставалась неразгаданной.

А как-то вечером, когда сестра собиралась уже уйти к себе спать, Марьяна пошла вместе с ней в спальню и попросила поговорить. Они закрылись и Марьяна сказала: «Зачем ты так мучаешь себя, думая, что твоя судьба самая проклятая и что у тебя нет выхода? Нет, ни в коем случае не убивай плод, который носишь в себе!» Потрясенная сестра разрыдалась и упала лицом к ней на колени. Поглаживая ее по воло-

сам, Марьяна говорила: «Бедная моя, ну почему ты молчала? Я же сестра тебе! Ничего, все будет хорошо. Что такое молва? Пыль. Сегодня она есть, а завтра подует ветерок и разнесет все. Что такое гнев мамы? Кажется, что самое страшное, но она первой простит тебя, а появится внук или внучка, она будет лишь счастлива! Ну и что же, что он обманул тебя? Придет время и он тысячи раз пожалеет об этом, а между тем он и сейчас тебе не нужен. Зачем тебе человек, у которого ни головы нет на плечах, ни сердца в груди? Пустобрех просто. А отец у ребенка будет, обязательно будет!»

Да, впоследствии так и произошло. Улеглись страсти вокруг «сюприза» для родителей, затихла и соседская болтовня. Родился прекрасный мальчик, а когда ему исполнилось три годика, появился мужчина, который сказал сестре: «Я знаю, что тебя обманули, и знаю, сколько ты вынесла страданий, но ты не «сломалась», не пошла путем «легкой» жизни, а стойко решила жить только своим ребенком. Выходи за меня замуж, я стану отцом твоему мальчику».

Узнав об этом, Марьяна, конечно же, обрадовалась, но и призадумалась, а не тупой ли он, ведь такими правильными – во всяком случае, судя по разговору – бывают либо киногерои, и то индийские, либо тупые. «Ну да Бог с ним, – рассудила она, – видно, что человек хороший».

Но это все потом. А сейчас Марьяна все свои силы и способности отдавала мучившему ее вопросу о картине. Признавая, что этих способностей маловато, она стала много читать, и теперь ей нравилось узнавать каждый день что-то новое; она удивлялась, как могла жить раньше в полной слепоте, когда весь мир был рядом, под боком, то есть на книжной полке. Читать она стала не только специальную литературу по живописи, но и художественные произведения, и оказалось, что классика – это вовсе не нудно, как думалось в школе и в колледже, а совсем наоборот, это более захватывающее явление, чем детективы и «розовые» романы, которые Марьяна раньше время от времени почитывала. Чехов и Достоевский поразили ее, а «Анну Каренину» она перечитала дважды.

А вот у матери дела с торговлей пошли все хуже и хуже. Несколько раз уже у нее арестовывали товар, и ей дорого обходились откупные. И тогда Марьяна сказала: «Мама, тебе больше нельзя продавать этот товар, иначе быть беде! Прошу тебя, перестань!»

Но мать, и без того взвинченную всеми этими проблемами, слова дочери привели в ярость. Она ворвалась в ее комнату и схватила картину, чтобы сжечь, как ни умоляла ее Марьяна не делать этого. И – выбегая из дому – мать вдруг упала с крыльца и в результате поломала себе руку и получила серьезное сотрясение мозга.

После той вспышки, когда Марьяна в очередной раз пришла к ней в больничную палату, мать сказала: «Ты права, доча, я больше не смогу продавать этот товар».

* * *

Прошло больше года с тех пор, как картина появилась в доме Огурливых. Теперь она открыто висела на стене в комнате Марьяны. Как-то из Нальчика приехал их родственник и, когда Марьяна показала ему холст, он сказал, что сам плохо разбирается в живописи, но даже так он видит, что работа очень хорошая и что следует показать ее специалистам.

Тогда Марьяна, взяв в сопровождение брата-бездельника, поехала в столицу, и в мастерских на Горной, как указал родственник, картину посмотрели какие-то ребята, не совсем трезвые, небритые и перепачканные красками. «Фигня! – сказали ребята. – Продайте нам ее за пятьдесят рублей!» Но Марьяна не согласилась, и они с братом ушли, но уже возле универмага их догнал один из парней, который приятно отличался от своих коллег чистой одеждой, впрочем спиртным от него разило так же. «Вот что, – сказал он, – мужики хотели «прокатить» вас, потому что вы в этом деле лохи. А картина очень хорошая, даже бесподобная, а тот, кто ее написал, он даже вроде как гений получается. Он кто?» – «Он умер, – ответила Марьяна и зачем-то добавила: – Совершил харакири».

Парень уважительно покачал головой и сказал на прощание: «Эта картина стоит не пятьдесят, не тысячу, она стоит очень дорого, а учитывая жизненную легенду автора, цена ее удваивается! И еще, она, кажется, не закончена и, значит, закончена не будет».

Когда этот парень ушел, брат сказал:

– Марьян, у нас никогда не было таких денег. Давай продадим ее.

– Нет, – твердо ответила Марьяна, – продавать мы ее не будем. Во всяком случае, пока не будем.

Брат удивился.

– А когда же будет можно?

– Послушай, неужели ты не понимаешь, что даже продать эту картину не так-то просто и что займет это очень, очень много времени. Не на базар же ее сейчас нести?

Когда дошли до рынка, чтобы выйти на автовокзал, брат заявил, что хочет остаться, попить пива. Марьяна отругала его, но ничего поделаться не смогла.

По пути домой, в маршрутке, она подумала, что будто отравилась чем-то, что сделано ее другой, потому что ничто окружающее ей было теперь не по душе: парни какие-то глупые, девушки чванливые, а взрослые все хмурые и «серые», и на всех окружающих как будто маска лицемерия.

Но и сама она изменилась не в лучшую сторону, раз осуждает все и всех. Между тем дома дела шли все хуже и хуже: торговли не было никакой, отец запил пуще прежнего, мать стала часто болеть: падение с крыльца давало о себе знать, а брат совсем от рук отбился и все ему было ни по чем. Все это иной раз приводило Марьяну в отчаяние, потому что виновной во всем она считала себя, упрямо не желающую избавить от картины. Но может ли быть такое, что картина проклята и несет в себе причины бедствий? Марьяне не с кем было поговорить об

этом. Лишь сестра была ей поближе всех остальных членов семьи. Был еще один повод поговорить с сестрой. Дело было в том, что Марьяна как-то случайно увидела, что сестра в ее комнате пристально, то подойдя вплотную, то отодвигаясь на расстояние, смотрела на картину. В этом не было бы ничего особенного, если бы Марьяна не заметила это и в другой, и в третий раз...

– Если и есть в этой картине что-то подозрительное, – отвечала на вопрос сестра, – так это то, что она незакончена, а главное – что ее автор покончил с собой. А проклятием, Марьяна, ты воспринимаешь то, что никак не можешь понять ее. Тогда как и здесь, скорее всего, наверняка нет ничего сложного.

– Как это ничего сложного? – удивилась Марьяна. – Только не говори, что ты понимаешь ее!

– Нет, конечно, не понимаю, просто иногда бывает так, что умом не понимаешь чего-то, а что-то внутри тебя воспринимает это по-своему. Вот, например, видишь картину, которая написана прекрасно, пейзаж какой-нибудь или портрет, все в нем так реально и выписано до мелочей, что получается лучше фотографии, а сердцем чувствуешь какой-то холод, исходящий от холста. Вот я и думаю, что современное искусство, которое я, например, совершенно не понимаю, надо смотреть сердцем, а не умом.

– Ну и что ты чувствуешь, когда смотришь на эту картину? – спросила Марьяна.

– Тревогу, – без раздумий призналась сестра. – И знаешь, почему? Однажды я ради интереса решила посмотреть ее, не помню уже, в который раз. В общем, она уже висела тогда у тебя на стене, посмотрела и... На меня такой страх напал! Ужас! Я как выскочила из твоей комнаты! Короче, то ли я с другого угла как-то посмотрела на нее, то ли еще что, но мне показалось, что это лицо, как в телевизоре, будто живое, и глаза на меня смотрят, куда бы я ни двигалась. Боже, как же я тогда перепугалась! Выбежала из комнаты, значит, а потом немного отошла и подумала, а не показалось ли мне все это?

– Ну и дела! – поразилась Марьяна. – Что же ты раньше мне всего этого не рассказала.

– Кто его знает? Я же потом, как успокоилась, подумала: признаюсь в этом – буду выглядеть полной дурой. Да и не до этого мне тогда было, я тогда переживала, что отец ребенка так с нами поступил... Но главное не это. На следующий день меня такое любопытство взяло посмотреть картину еще раз и проверить, увижу ли то же самое? Такое желание, что хоть умереть, а хочется посмотреть! Ну, вошла в твою комнату, посмотрела, и – опять душа в пятки! Только теперь я видела совсем другое, очертания какого-то человека с каким-то пустым лицом, то есть голова есть, а лица нет, и еще сквозная дыра в том месте, где сердце должно быть.

– Да ты что? – Марьяна была потрясена.

– Да. А теперь я вот что думаю: каждой раз, когда смотришь на кар-

тину, видишь что-то совсем другое.

Марьяна вдруг рассмеялась.

– Я тут штудирую импрессионистов, сюрреалистов, модернистов всяких, а сейчас поняла, что до сих пор занималась ерундой, что мне надо было просто поговорить с тобой, потому что ты мне сейчас как будто глаза открыла.

– Ты не смеешься надо мной? – недоверчиво спросила сестра.

– Нет, конечно! – горячо возразила Марьяна и взяла ее ладони в свои, – это сестричка, универсализм. В данном случае, это какой-то инфернальный, магический универсализм относительно каждого, кто картину смотрит. А я, дура, сама всматривалась в полотно до рези в глазах и мало, да вообще ничего не понимала, потому что попросту не слушала впечатлений других зрителей.

– Ты такими словами стала говорить, – заметила сестра, – я уже не понимаю.

– Я проще скажу: эта картина ценна тем, что включила в себя все и не смогла включить ничего, то есть она, как душа человека, которая хочет вместить в себя весь мир и не может включить и доли смысла. Это и есть ее смысл, душа картины. Знаешь, есть изречение древнееврейского пророка Екклезиаста, что «не может человек быть выше скота». Так вот, картина, музыка, книга, то есть все то, что делает человека выше скота, это уже не настоящее, а нарисованное или написанное.

– Значит, у нашей картины душа нехорошая, – задумчиво заключила сестра.

* * *

Итак, благодаря сестре, Марьяна в своих записях вывела понятие и определение универсализма этой работы. «Большей частью, – писала она, – в картине просматривается бессознательное начало. Оно свидетельствует о мире автора, который внутренне мучительно тяготился. Но вот чем? Тем пагубным пристрастием, которое захватило его всецело – психически и соматически, либо Аскер Жанхотов уже не мог жить в нереальном, вымышленном, нарисованном мире».

И если, подумала она, Аскер убил себя слезой мака, то сама она убивает себя слезой знания, которое вошло в ее девственную душу и осквернило ее и отравило. Вот так-то, ни меньше, ни больше.

Она решила запрятать картину подальше, хотя знала, что теперь, даже если уничтожить холст, душа ее не излечится. «Как же я буду жить дальше? – подумала она. Как выйду замуж, как детей рожу? Нет, – твердо решила она, – картину больше никому нельзя показывать? Я прочла ее и вся дальнейшая жизнь моя опустела. Так зачем же еще кто-нибудь подпадет под ее губительное «обаяние»? Пример перед глазами – сестра, несколько раз взглянувшая на нее и жаждущая (а это так и есть, хотя она не призналась Марьяне) видеть теперь ее ежедневно и ежечасно.

Мать, отправляясь теперь открывать магазин, все чаще ворчала: «Много ли на жвачках да на спичках сату сделаешь? Эх, золотая пора

была, когда кое-чем торговала – деньги лопатами гребли, а сейчас хоть «волгу» старую продавай, да, жаль, мужик тогда совсем сохнет». Думать и говорить плохо, да вообще думать о том, что связывало покойного художника и их нынешнее положение она как огня боялась.

Марьяна прекрасно понимала, что «особенный» товар являлся источником семейного благополучия, и нынешнее положение в семье угнетало ее. Брат стал сутками пропадать неизвестно где. Он все чаще приставал к Марьяне с предложением продать картину. А однажды она обнаружила, что в ее комнате кто-то был и рылся в ее вещах. Пришлось перепрятать холст в более надежное место.

Ну а потом она решила осуществить давно задуманное – посетить Жанхотовых. Она даже не знала, что им говорить, ведь не признаваться же было в том, что это она продала ему дозу, ставшую смертельной. Ей пришлось солгать, что они с Аскером были друзьями.

– Почему же мы об этом ничего не знали? – строго спросила сестра Аскера.

– И не знаю, – пожалала плечами Маьяна, – мне он о вас тоже ничего не говорил.

– Да, это в его духе, – согласилась мать, – скрытничал, врал. В последнее время, перед «этим» стал вообще невыносим: нервный, дерганный, злой... Постой-ка, Марьяна, а он случайно денег у тебя не брал?

– Нет, нет, – вскинулась Марьяна, – я совсем не потому пришла...

– А почему? – также подозрительно опросила сестра, хотя известно, что речь пойдет не о деньгах, заметно успокоило ее.

– Потому что... ну, потому... он был очень талантливый, и я просто не могу, в общем, забыть и поверить, что его уже нет.

– Талантливый! – вздохнула мать. – Он у меня был несчастный очень мальчик.

– Ну уж...

– Успокойся, Рита! – осаждала мать дочку и та, обидевшись, усталилась вниз, в ковер на полу.

– Со школы таким был, – продолжала мать, – только когда рисовал, испытывал радость... Да-а. Он и подрабатывать потом стал, афиши, вывески, всякие рекламные вещи. Денег вначале хватало. Мне отдавал, сестре... А потом... в общем, он пил. Сколько мы натерпелись за эти годы. Несколько раз чуть не умер от водки, до того допивался! Да-а. А потом как подменили его. Бросил пить и все, пошли недели, месяцы трезвые. Мы с Ритой не нарадуемся: работает с утра до ночи, начал писать картину какую-то, замысел которой – как-то он проговорился – не дает ему покоя. А когда мы узнали, что он колется, было уже поздно, он уже сидел на большой дозе. Сколько всего мы... – Голос у нее осекся, к горлу подступили рыдания. Марьяна почувствовала себя очень неловко, даже пожалела о своей затее. Что она могла узнать от убитых горем женщин.

– Извините! – сказала она, – что я напомнила... Может, мне...

– Нет, нет, сидите, пожалуйста! – остановила ее мать Аскера. – Ри-

туль нам сейчас чаю заварит, да, Рит?

Дочь послушно встала и ушла на кухню.

– Ну вот, – продолжала мать, – все пошло по тому же кругу: опять слезы, обиды, раны. «Пей, – говорили мы ему, – вытерпим, лишь бы не кололся». А он уже без дозы работать не мог. Ну и у нас потом какая-то апатия пошла.

– Апатия? – включилась вновь в разговор Рита, заноса поднос с чаем, – Я бы сказала, что это было как временное перемирие на войне: пока подберут раненых, похоронят убитых, стороны сил поднаберутся. Короче, за день до этого я уже договорилась с нашими двоюродными братьями из села, что на завтра мы его любимым способом, хоть силой, если придется, заберем в село, и он там будет под присмотром, пока не отойдет. И не успели, мы приехали где-то около пяти, к вечеру, а он в это время уже час, как был мертв.

Мать вновь разрыдалась.

– Не пойму, где он взял деньги? – продолжила сестра. – Никто из соседей и знакомых ему уже не одалживал. И продать он ничего не мог.

– А картина? – напомнила сквозь слезы мать.

– Да, – вспомнила и Рита, – исчезла та самая картина, но кто бы ее купил, разве что какой-нибудь ценитель. И то при условии, что она будет закончена. Да и время на это было нужно. Во всяком случае, никто из этих гадин, барыг, не дал бы ему за эту мазню ни грамма. Знала бы я, кто ему в тот день деньги одолжил или товар в долг дал, убила бы без сожаления, раздавила бы, ведь мы всего на один час не успели. Один час!

* * *

Домой Марьяна шла совершенно опустошенная, и одна лишь мысль ярко и больно сверкала в уме: «Мать не дала бы ему комплект ни за что! И никто не дал бы!»

Несколько дней спустя Марьяна, сама не зная, что скажет в этот раз, что солжет, (а вдруг признается) – словом, не отдавая себе отчета – за чем, пошла к Жанхотовым.

Мать Аскера была одна. Ужа с порога Марьяна поняла, что не сможет признаться. Они сидели за чашечкой чая и Марьяна попросила, если это возможно, дать почитать ей записи Аскера. «Записи? – удивилась мать. – Не вел он никаких записей, только вот последнюю записку оставил, и то бред какой-то. Следовательно так и сказал, бред, и вернул ее нам. Сейчас покажу».

Марьяна прочла: «Все это, что называется жизнью, либо действительно приснилось мне, или же ее кто-то нарисовал, а в конце концов это попросту обмануло меня. Но, в любом случае, каждая картина должна быть завершена. Мне это удалось. У Безухого гениально: тропинка, обрывающаяся в поле. Уставшие мечтают только о покое. Я очень устал. Теперь моя картина будет завершена. Сделка состоялась. Все честно. Я их переиграл».

– Да, действительно, ничего не понятно, – сказала Марьяна, хотя поняла все. Почти все.

Ко времени окончания колледжа той, прежней Марьяны больше не существовало. Она даже одеваться стала строже, и сама красота ее приобрела серьезность и гордость. Бывшие подружки, пустоголовые кокетки, как-то сами собой отвернулись от нее, а те отличницы, с которыми она и раньше не водила дружбу, не стали ей ближе и сейчас. Вот только появился в ее жизни мужчина, новый преподаватель политологии в их же колледже.

Он был молод, умен, симпатичен и неженат. В иное время Марьяна, лишь обрадовалась бы его вниманию и расчетливо постаралась бы выскочить за него замуж, потому еще, что и семья его была обеспеченная, и свой автомобиль у него был. Сейчас же она прекрасно поняла, что обратил он на нее внимание именно на такую, какой она стала теперь. Он так и сказал ей: «Как может такая молодая и очень красивая девушка, как вы Марьяна, быть такой одинокой и глубоко печальной?» – «Это не зависит от меня», – ответила она.

Нет, она вовсе не была против его внимания, и они стали встречаться. Он часто подвозил ее на своей машине, а большей частью даже не на автовокзал, а домой, в райцентр. И всякий раз в общении с ней он поражался, открывая в ней новые и неожиданные качества. Ее же во всем этом беспокоило то обстоятельство, что она не находила в себе никаких чувств к нему. Хороший человек, и только, а этого было мало.

Он поражался, что она неплохо знает Юнга и Фрейда, имеет вовсе не поверхностные знания в живописи. Да и круг ее чтения художественной литературы заслуживал только уважения: Юкио Мисима, Акутагава Реноске, Владимир Набоков, не говоря уже про «обязательную» классику и о современниках, таких, как Фазиль Искандер и Саша Соколов. Словом, как и следовало ожидать, удивление преподавателя очень скоро переросло в серьезную влюбленность и, конечно же, он признался ей в этом и сделал предложение.

Марьяна понимала, что лучшей партии ей не составить, и прежняя она не упустила бы такой шанс, но сейчас она извинилась перед ним и попросила дать ей время подумать, и еще попросила, чтобы он не воспринимал это как кокетство, потому что она забыла, что это такое.

А было необходимо закончить теперь кое-какие дела: в этот раз одна, она отправилась в художественные мастерские и спросила там художника по имени Рустам. Это он тогда догнал их с братом возле универмага. Но ей ответили, что Рустам никакой не художник, а просто околачивается здесь, пьет о художниками, а сам вроде бы писатель. В конце концов нашла она этого Рустама в «Доме Печати», вернее, там ей дали его телефон.

Они встретились на площади перед «Оазисом», и он тут же пригласил ее в кафе.

– А я голову ломал, что за красавица меня разыскивает, – говорил Рустам, – и все гадал, чего я мог натворить...

– Я хочу поговорить с вами о серьезных вещах, если вы в состоянии,

конечно, – предупредила она, чувствуя наплывающий от него легкий перегар.

– Понял! – сказал Рустам. – Я буду говорить серьезно, только мне по любому надо выпить. Разрешите вас угостить.

Марьяна согласилась на чай и подождала, пока он выпьет первую стопку и закусит долькой лимона в сахаре.

– Помните, когда вы догнали нас с братом, то сказали, что картина не закончена? Как вы это поняли?

– Очень просто, – ответил он, – она не была подписана.

– Только и всего?

В ее голосе Рустам услышал разочарование. «Как бы не ушла!» – забеспокоился он. Марьяне и правда, тут же стало неинтересно. Может быть, она и ушла бы, не приложи он усилий, чтобы «захватить» ее внимание.

– Конечно, не потому, что не было подписи, – поправился он, – я просто как-то уловил это, когда вы показывали ее нам. А потом и ребята подтвердили, что и у них такое же ощущение. Можно, я закурю?

– Не спрашивайте, курите? – ответила Марьяна.

– Этот парень, Аскер Жанхогов, раньше часто приходил в мастерские, – говорил Рустам. – Когда центр «сходок» был у Хызыра Теппеева, он приходил к нему, а когда Хызыр уехал в Турцию, он стал захаживать к Русису Шамееву, ну или еще к другим мужикам. В общем, у меня создалось впечатление, что он приезжал из своего райцентра не столько пообщаться, сколько просто выпить.

– Сильно пил? – спросила Марьяна, хотя вопрос был излишним.

– О-о, как лошадь! Много пил и всякий раз уходил на «автопилоте». Сколько его ни уговаривали, ведь менты пьяных хватают, а его тысячу раз задерживали; нет, упрется и все – я, говорит, в половецкие степи.

Рустам заметил в глазах Марьяны вопрос и тут же разъяснил:

– У нашего приятеля из издательства Джамбулата Кошубаева есть стихи, в которых звучит эта строчка: «Баксанское шоссе уходит в половецкие степи...» Вот Аскер и запомнил, и всякий раз, собираясь домой, повторял, что уезжает в половецкие степи.

Что самое интересное, – продолжал рассказывать Рустам после очередной рюмки, – Аскер никогда сам не заговаривал с ребятами относительно их общего ремесла, а если разговор все же возникал, то он отделялся двумя-тремя фразами. Смотреть работы – смотрел, даже любил смотреть, молча, подолгу. Его за стол зовут, мол, хорош смотреть, садись уже, а он будто не слышал никого. Ну и, разумеется, при этом никогда ни словом не обмолвился относительно своего впечатления. Я помню, что я и еще пара-тройка человек из нашего круга даже сомневались, а пишет ли он вообще сам-то?

В ходе разговора Рустам не забывал наливать себе, выпивал одним глотком, закуривал.

– Вообще, – говорил он, – многие творческие люди озабочены таким понятием, как легенда, или имидж, как принято теперь говорить.

Чем необычнее и даже скандальнее эта легенда, тем лучше. Понятно, что все это затевается в целях саморекламы. Так вот, Аскеру никакой вымышленной легенды не было нужно. То есть я хочу сказать, что он мало заботился обо всем внешнем, что сопутствует, как правило, образу жизни творческих кругов. Понимаете, о чем я говорю? Есть люди, безразличные к золоту – это к примеру. Вот и Аскер был внешне прост, подчас даже слишком прост.

А потом однажды, как гром среди ясного дня – выставка и успех, громкий и совершенно заслуженный. А у нас, если вы заметили, да и не только у нас, а везде, стоит блеснуть чему-то и кому-то, как все СМИ наперебой кричат об этом. Так же и с Аскером, практически все печатные издания «прошлись» по нему, а там и радиорепортеры, и телевизионщики подключились. Короче, знаете эту избитую фразу: «Однажды он проснулся знаменитым!» Ну и денежек, конечно, заработал. В общем, вся эта волна носила его что-то около двух-трех месяцев, а потом, как это бывает, еще год или чуть больше тебя помнят, но в конце концов, как говорится, возвращаешься к своим баранам, то есть в изначальное, стартовое положение, заработав главное, ради чего все и затевается, – имя.

Короче говоря, этот первый успех надо пережить, чтобы далее, с установившимся статусом, уже спокойно работать. – Рустам налил себе очередной раз и заметил, что ей не совсем по душе эти паузы. Она, будто прочитав его мысли, сказала:

– Все нормально, Рустам, просто мне уж очень не терпится узнать про Аскера как можно больше!

– Да, я понимаю, – ответил он. – Давай уже перейдем на «ты».

Она согласилась и Рустам позволил себе нечто вроде комплимента:

– Рядом с тобой я просто не могу захмелеть! – сказал он.

– Спасибо! А как все-таки Аскер повел себя после этого, скажем, всплеска славы?

– У меня такое убеждение, и я не оригинален в этом вопросе, что сильного слава делает еще сильнее, а слабого просто уничтожает. Что касается Аскера, то невозможно понять было, какой он был, сильный или слабый. Теперь я думаю, что он был выше всего этого, всех этих земных понятий. А то, что он запил тогда пуще прежнего, вовсе ни о чем не говорит, он просто был любителем выпить, а тут еще и повод такой появился – всем поводам повод! Ну вот, а потом он внезапно пропал. Дни, недели, месяцы пошли. Ребята посчитали, что, слава Богу, прислушался он к некоторым из них и к собственному здравому смыслу – заперся дома и работает. Долго его не было видно и слышно, так что и забывать его даже стали. В общем, пропал он ранней осенью и всю зиму его не было, и лето следующее. А однажды в осенний промозглый вечер – а я тоже сидел тогда в той компании – дверь мастерской открывается и входит он. Честное слово, никто из ребят не узнал его. Странно это было, входит какой-то парень в пальто, старом, молью подпорченном, в лыжной шапочке, натянутой на брови и уши, да еще в ботинках не просто ветхих, а никаких уже, со свисающими ключьями дермантина.

А когда узнали его, то еще больше испугались. Снял он шапочку свою, волосы нестриженные космами, щеки впалые, а главное, что пугало, это блеск какой-то нездоровый во взгляде – бр-р, как сейчас помню. Я думаю, что уже по глазам можно было определить, что он болен, а когда мы услышали кое-что потом, то поняли, что ошибиться невозможно, у него была шизофрения.

– Какая шизофрения? Откуда?! – поразилась Марьяна. – То, что на дозе сидел, это понятно, но при чем тут умопомешательство? Не могу я в это поверить!

– Ладно, – согласился Рустам, доставая свой мобильник. – Я просто не понимаю, почему ты не можешь допустить... Алло, Шамиль? Салам! Ты где сейчас? В мастерской, отлично! Слушай, никуда не уходи, мы сейчас подойдем. Кто мы? Ну я и одна прелестная девушка. Так что можешь тортик или пирожные какие-нибудь... Да, уже выдвигаемся.

По пути Рустам продолжал рассказывать.

– В тот вечер, – вспоминал он, – мы все сделали вид, будто ничего особенного, короче, обрадовались типа, усадили за стол, налили. Выпить он выпил, но вообще не закусывал. Как-то мгновенно опьянел, понес чушь какую-то. В общем, ребята уложили его тут же, на диване, и он мгновенно отключился. Разошлись мы все-таки с подпорченным настроением, а хозяин мастерской, Шамиль, к которому мы сейчас путь держим, потом нам рассказал, что было утром. Ну, в общем, сейчас ты сама его выслушаешь.

Действительно, по рассказу Шамиля именно такой вывод и напрашивался – умом тронулся.

– Проснулся он рано, – говорил Шамиль за столом с чаем и вкусными булочками, – ну и меня разбудил, разумеется. Колотило его, трясло беспрерывно. Я подумал было, что похмелье, налил ему. Ну, он выпил, конечно, и – никакого облегчения. Я и не знал, что делать. Не подозревал даже вначале, а он попросил у меня двести пятьдесят рублей «до следующей недели», говорит. Тут-то я и понял, в чем дело. У меня, конечно, столько не было, но что-то надо было придумать, Он же был совершенно нетранспортабельный, валялся на моем диване, в туалет ходил, за стенку держась. Ну и, короче, я стал названивать своим знакомым, и на пятый или шестой звонок повезло ему, да и мне тоже. Он как услышал, что скоро ширку подвезут, успокоился, затих, сидя на диване, колени крепко обняв так. Ну я ему и говорю: «До чего же ты, братуха, довел себя!» А он мне: «Конечно, – говорит, – сваливать причины свои на кого-то легче, чем признать свою вину. Да, – говорит, – я виноват, но довели меня они». Я спрашиваю – кто они? «Заказчики? – говорит. Ну и рассказал мне: – Они пришли, – говорит, – и сделали заказ на картину. Во-первых, гонорар обещали неслыханный. А во-вторых, им невозможно было отказать, – говорит, – вот я и не смог отказать. Я не хочу писать ее, мне темно и страшно, а они торопят меня сделать это и тогда, якобы, боль, страх и тьма уйдут. Что мне делать? У кого просить помощи? Мои силы, – говорит, – на пределе. О какой борьбе может идти речь?» В общем, не то

чтобы дословно, но основную мысль я запомнил и передал. И это так и было, именно это он и говорил. Вот я и думаю до сих пор. И спрашиваю, мог ли здоровый человек говорить такое?

– Это, кстати, было в последний раз, когда мы его видели, – добавил Рустам, – больше он не появлялся и ничего о нем не слышали.

Они шли по проспекту в сторону зеленого рынка. Там Марьяна должна была сесть на маршрутку.

– Ну а потом пришли вы с братом и картину принесли, – продолжал свой рассказ Рустам, – и когда я услышал про хакакири, я не удивился даже, как будто ждал этого. А картину мы узнали сразу. Жалко, очень жалко парня!

Рустам замолчал, закурил на ходу. Там, в мастерской у Шамиля они тоже выпили и, как он сказал, прогулка была ему на пользу.

– Он умер от передозировки, – сказала Марьяна. Рустам понимающе кивнул.

– В любом случае, он сделал это сам, – заметил он, – так что ты права относительно хакакири.

– А что ты думаешь про это? – Марьяна протянула ему копию предсмертной записки.

Рустам несколько раз, почесывая лоб, прочитал ее, потом спросил:

– Марьяна, ты можешь мне на время дать картину, хочу кое-что проверить.

Она заколебалась, и он заметил это.

– Понимаю, картина дорога тебе, но ведь ты мучаешься, что не можешь чего-то понять в ней, вот я и предлагаю помощь.

– Я подумаю, – обещала Марьяна. – Только объясни мне одну деталь, здесь, в записке, про «безухого» и поле!

– А, это? Это он про Ван Гога, – разъяснил Рустам. – Ты, наверное, слышала, что великий Ван Гог был безухим, причем это он сам себе и устроил.

– О Господи! – произнесла Марьяна. – Как же я сама не догадалась? Но вот про поле...

– Что касается поля, то у Ван Гога есть картина, на которой изображено пшеничное поле, по которому пролегла тропинка. Так вот, где-то посреди поля тропинка обрывается, теряется в гуще пшеницы. Так вот говорят, что это явилось бессознательным символом художника, потому что через год после написания картины Ван Гог покончил с собой.

– Ну почему, – вырвалось у Марьяны, – почему у них все так печально и трагично?

– Да уж, – согласился Рустам, – веселого мало.

– Легенда, – вдруг вспомнила Марьяна. – Ты говорил прошлый раз насчет легенды. Можно ли в таком случае считать, что жизнь и смерть самого Ван Гога есть смысловое дополнение к его произведениям?

– Совершенно верно, – похвалил Рустам. – Конечно, и без того картина является шедевром, но легенда, да, сами его жизнь и смерть явились дополнением, а в данном конкретном случае картина и личная жизнь

художника стали единым целым. И это наблюдается очень часто, но, как я думаю, только у по-настоящему одаренных людей... Фу, что-то я сам путаться начинаю... Знаешь, иные произведения живописи, музыки и, особенно, поэзии сами по себе менее значительны, чем они же в сочетании с творческой биографией авторов. Вот мы и сравниваем Хемингуэя и Фолкнера, или вот, всем примерам пример, – жизнь и творчество Артура Рэмбо и Поля Верлена...

Марьяна всегда не любила подвыпивших мужчин, помня про отца, но с Рустамом она почему-то не испытывала никаких неудобств. Он, хоть и был выпивший, причем, выпил он немало, но угадать по внешнему виду это было трудно, к тому же он вел себя корректно и воспитанно и даже комплименты его не были засалены, в данном случае, не заправлены спиртным. Ей нравилось слушать его, а знал он много, и еще ей imponировало то, что он был абсолютно лишен знаменитого нальчикского «понта» – той модели поведения, которую она с некоторых пор не выносила в молодых людях и девушках. Она и не заметила, как подошли к автовокзалу, даже почувствовала легкое сожаление, что так скоро. Они обменялись телефонами и договорились о новой встрече, с условием, что она возьмет с собой картину. «А не увлеклась ли ты, подруга?» – спросила она себя, когда маршрутка тронулась в сторону половецких степей.

* * *

Добравшись до дома, Марьяна, все еще под впечатлением от встреч, вдруг поняла, как тяготит ее теперь их родной старый дом, в котором она осталась теперь одна против злобной ворчливой матери, спившегося отца и измученной заботами о ребенке сестры. А брат, не слушая ничьих уговоров и советов, давно уже укатил в Москву, где непонятно чем занимался и откуда изредка звонил, в том числе отдельно Марьяне, предлагая продать картину там, в столице, и «раскрутиться» на эти деньги.

Просьбу Рустама она исполнила, дала на время картину, а спустя пару дней столкнулась с ним у дверей колледжа, где он ждал ее. Рустам был очень серьезен и тут же предложил пойти куда-нибудь. Он знал тут неподалеку одно уютное кафе с кабинками, где им никто не помешает, потому что разговор у него к ней очень серьезный. Ей было все равно, что он был уже слегка под градусом и что в кафе вновь заказал себе водки.

Она даже пошутила, увидит ли она его когда-нибудь трезвым, и сама немного пригубила. Он взял ее руку в свои ладони и она не противилась этому, ей стало приятно.

– Бедная, милая Марьяна, – сказал он, – что же они все делают с тобой!

– Кто? – тихо спросила она.

– Все, кто тебя окружают, ты так одинока...

– Мне это уже говорили, – ответила она и, решившись, добавила,

– теперь уже не так одинока.

Он вдруг позволил себе большее, медленно поднес ладонь и погладил ее по волосам, а она прижалась щекой к его ладони.

– Ты должна избавиться от картины, – сказал он. – Хочешь, продай ее, хочешь – сожги, но ты должна выбросить ее из головы, вырвать ее из своей души, потому что картина принесла в твою юную, чистую душу болезнь. А излечиться пока не поздно.

– Ты узнал все? – спросила она.

– Да.

– И ты...

– А я заболел и мне теперь долго не оправиться. Но я слишком крепок для них, так крепок, что устою не только сам, но укурю и тебя.

Слезинки потекли по ее щекам. Впервые за долгие месяцы и даже годы одиночества и непонимания она, бывшая безразличной к любой чужой боли, бывшая легкой и вульгарной, почувствовала, насколько она стала ранимой и трепетно беззащитной. Они сели рядом, голова ее опустилась ему на плечо, ей стало хорошо и спокойно.

– Никогда не подумал бы, – сказал Рустам, – что история из книги, вымысел, пусть и гениальный, достанет меня наяву, в реальности. Вот почему случившееся заставило и меня усомниться в реальности реального.

– Ты о чем? – ласково спросила она его.

– Я имею в виду монету, которая называется Заир. Ее описал Борхес. Эта монета как бы несущая в себе проклятие. Каждый, кто хоть однажды увидит Заир, подпадает под ее губительные чары, и монета больше никогда не покидает его мыслей. Это наваждение, вещь, сводящая с ума. Человеку не под силу создать такое, это дело рук демонов.

– Значит, картина...

– Тс-с, – он приложил палец к ее губам. – Ты уже знаешь, и этого достаточно, – сказал он. – Сила гениев в их всецелой подчиненности чужой высшей воле.

– Я знаю, – произнесла Марьяна, – он не бредил, когда говорил о казачиках.

– Тс-с, – повторил он.

– Нет, рядом с тобой мне не страшно, – сказала она. – Картина не завершена, и эта незавершенность тоже является воронкой, затягивающей мысли. А представляешь, что было бы, закончи он ее.

– Да, и в таком варианте картина вызывает спутанность сознания. Аскер был очень сильным, но борьба с собственными демонами полностью выкачала его силы.

– В тот день ему было очень плохо, и он понял, что если они использовали его до сих пор, то он вправе потребовать у них сделку и они...

– Пошли на это, – подхватил Рустам. – Пошли на уступку и согласись с его выбором, как он завершит ее...

Она вдруг крепко обняла его, лишь на мгновение ей стало страшно, но его живая плоть, запах его волос, все было такое реальное и теплое.

- Рустам, – шепотом позвала она.
- Что? – так же шепотом отозвался он.
- А ведь послушать нас со стороны, точно – шизики!
Они засмеялись.

* * *

Спустя несколько дней Рустам позвонил и попросил о встрече.

– Я не могу, – ответила она.

– А что случилось?

– Я... замуж выхожу.

Установилось молчание, потом Рустам сказал:

– Послушай, Марьяна, перестань мучить себя, ты ни в чем не виновата.

– Значит, ты понял, что это я?

– Да, догадался. Последняя доза, «золотая пуля».

– И после этого ты все-равно хочешь встречаться со мной?

Он невольно выдержал паузу, и эта пауза все расставила по своим местам.

– Да, – ответил он, – я хочу встречаться с тобой, хочу помочь тебе, защитить.

– Перестань, Рустам, я защищена более, чем ты думаешь.

– Как это?

– Прости, Рустам. Ты очень мне помог, и я за все тебе благодарна. Прощай.

Больше он не звонил и не появлялся. Насчет замужества она, конечно же, солгала, хотя преподаватель политологии Асланбек в надежде все еще ждал ответа.

«Да, я защищена, – повторила про себя Марьяна, – и картина теперь по праву принадлежит мне, ведь я явилась его секундантом, когда он сделал харакири. Недаром ведь об этом мне сказал сам Юкио Мисима».

ВАРИАНТ № 9
Поэма-дуэт*

Часть первая. Тамара и Демон

1

Который год в себе пытаюсь
я разобраться хоть немного:
как белка в колесе мотаюсь –
такая выпала дорога.

Шестое чувство – это кара,
когда для мира пять – избыток.
Я не царица, но Тамара,
мне узколобость – хуже пыток.

К чему мне этакая милость –
поклонников убогих малость?
Взяла да в Демона влюбилась...
Но в том себе не сознавалась.

2

**Чего лишь в милые головки
не забредет! такие мысли...
Увы, слова мои неловки –
перебрадили все да скисли.**

**Но все же ты, дитя, послушай:
ты и цены себе не знаешь –
счастливейший на свете случай,
богатств нетронутая залежь!**

---

* Не знаем, случались ли прецеденты. Идея возникла после того, как мы решили поддерживать друг друга в стихотворческой форме путем обмена sms-ками – экспромтами в четыре, восемь или двенадцать строк. В итоге и получилаась эта поэма-диалог, поэма-дуэт (дуэты сейчас в большой моде, правда? Пугачева и Галкин, Распутина и Киркоров... Чаниева и Яропольский!), в общем, мобильно-телефонная поэма, в которой мы постарались быть серьезными и ироничными, язвительными и открытыми – иначе говоря, такими же, как в жизни.

Насчет названия: как известно, М.Ю. Лермонтов создал восемь редакций поэмы «Демон». Нам захотелось написать девятый вариант: это отнюдь не пародия, но дань уважения к нашему обоюдно любимому поэту. Присутствуют здесь также и темы «Кармен», «Пигмалиона» (как древнегреческого, так и в воплощении Б. Шоу), «Барышни и хулигана», «Красавицы и чудовища» – плюс ко всему наша собственная.

Если кто-то осудит нас за это экспериментальное произведение, то мы в этом деле станем соответчиками, а в роли адвокатов пускай выступают Nokia, Samsung и, разумеется, MegaFon.

**Все, что он сделал, этот Демон,
у ног твоих предстало б горсткой –
да и прославлен только тем он,
что поклонялся деве горской!**

3

Чей это голос? Как все странно!
Откуда он? Кругом все пусто,
но, вкрадчив, как волна тумана,
он душу мне оплел искусно.

И вдруг я словно укололась:
ведь я таким и представляла
его проникновенный голос –
внушенья ласковое жало.

Он мне твердит, что дело к маю,
а сад мой так и не возделан...
Я ничего не понимаю!
Кто говорит со мною? Демон?

4

**Тамара ты, но я не Демон:
я Богом проклинаям не был,
не славил адскую я темень,
не ссорился с могучим небом.**

**Откуда что, и сам не знаю:
я лишь подслушиваю звуки,
но приведут ли они к раю?
сулят ли в преисподней муки?**

**Я, плюнув на дихотомию,
всегда держался посредине:
внимал и Господу, и змию,
свет солнца различая в льдине.**

5

Но как всю жизнь скитаться между –
то буйствовать, то быть прилежным,
то верить, то терять надежду...
Как можно быть святым – и грешным?!

Ты хочешь плыть в дырявой лодке,
тонуть и раздражаться смехом,

блудить, перебирая четки,
небес и дна достичь с успехом?

Но – преждевременно об этом...
Скажи, как ты сюда пробрался?
Блуждающий меж тьмой и светом,
как невидимкой ты остался?

6

**Да уж не как во время оно!
В твоей руке – Samsung, не так ли?
Мы – абоненты MegaFon'а,
ведь ты живешь огнюдь не в сакле.**

**Так кто ж из нас, скажи, блуждает?
Сама ты заплутала где-то:
душа смеется и рыдает,
во тьму вперяясь в жажде света!**

**А вспомни-ка стихотворенье
«Молитва грешницы»: не ты ли
вымаливала в нем прощенье
за то, чего уста просили?**

7

Пожалуй, так... Закроем тему:
дебаты не найдут дороги
ни к преисподней, ни к Эдему.
Не стану с Демоном – о Боге.

Порою, да, я, взор вперяя
во тьму, картиной странной грежу,
но не приемлю я злонравья –
и не ищи во мне невежу!

Всегда порядочность бронеею
служила мне – так вечно будет;
а коль люблю быть не одною
и той же, кто меня осудит?

8

**Помилуй, что за осужденье!
Ты чистоты полна такою,
что смытой быть суда идее
как бы разлившейся рекою!**

**А роли – это только роли,
ведь ты писала: ты – актриса
и героинь все чувствуешь боли,
хотя сама – что та Кларисса.**

**Но что-то Демон мне не в жилу.
Давай попробуем другое:
справляюсь с ролью через силу,
себе и зрителям на горе!**

Хор со стороны

*Мертворожденными словами,
что кое-как зарифмовали,
вы объясняете едва ли,
что происходит между вами.*

*А впрочем, дело нам какое?
Мы вас читать вовек не будем.
Почто пристали к честным людям?
Оставьте лучше нас в покое!*

9

Ты слышал? В линии помехи...
Никак подслушивает кто-то:
наш диалог чужой потехе
предоставлять мне неохота!

Все, отключаем аппараты –
я роль играть уже не смею:
вдруг да решат дегенераты,
что я и впрямь тобой болею!

Шпион нас выследит заклятый –
как скрыться нам с таким накалом?
Ох, как бы вариант девятый
не стал нам и девятым валом...

10

**Я тоже больше не играю!
А коль играю – ставлю душу.
Ты видишь, как я близок к краю?
Вот-вот все правила нарушу.**

**Наружу некто дикий рвется,
и это самому мне внове,**

**однако помни, что притворства
нет ни в едином моем слове.**

**Не вздумай корчить здесь слепую –
взаправду я, сдирая шкуру,
с тобой пушусь хоть на любую
аварию и авантюру!**

11

Что ж, если так... Тогда послушай:
мне все Кармен сыграть хотелось.
Представится ль подобный случай?
Давай-давай, включай всю смелость!

Хозе со мной сыграй, попробуй.
Трудны, согласна, роли эти,
но я стремлюсь предстать особой,
какую не заманишь в сети!

Ты что примолк? Куда-то сгинул?
Пришли еще хотя бы слово –
твои слова мне дарят стимул
для воплощения иного!

12

**Ты просишь? Значит, я согласен!
И страшно, но рискну, пожалуй, –
пускай исход отнюдь не ясен,
опасен спор с оторвой шалой.**

**Но не склонюсь к безмолвной брани,
не уподоблюсь скрытным гнидам –
ведь не подписывался я ни
твоею смертью, ни шахидом.**

**Мы будем действовать открыто,
без экивоков и опаски.
Скажи, готова, Карменсита?
Итак, играем по-испански!**

Часть вторая. Кармен и Хозе

1

**О Кармен, расскажи всю правду –
хоть костром пусть та правда станет:
почему за твою ограду
очень многих проникнуть тянет?**

**Не могу укротить я ревность,
но и ревность сладка, покуда
о тебя своей мыслью греюсь
и молюсь на тебя, паскуда!**

2

Расскажу! Знай, что ты не первый:
не один о мой нрав кололся
и сбегал, обзывая стервой,
проклиная сам день знакомства.

Да, сбегал от недоуменья –
приспевала пора разрыва...
Как смешно мне словцо: измена!
Я себе верна неизбывно.

3

**Никакого здесь оправданья!
Кровопийца ты, род вампира,
и плевать тебе на рыданья:
тебе боль моя – слаще пира.**

**Ты – пиранья в обличье женском,
все обманны твои одежды:
чуть поманишь кого блаженством,
как сейчас же лишишь надежды!**

4

Ладно-ладно! Когда любила
я тебя, ты меня помучил:
да, скучала, прийти молила,
но с тех пор ты мне сам наскучил!

Ты же верить не хочешь в это,
извлекая любовь из сажи...
Но такого, как ждешь, ответа
я не дам, пусть погибну даже!

5

**Ты – любила? Довольно сказок!
Ты ни разу любви не знала:
сумасбродным сияньем глазок
чаровала – тебе все мало!**

**Ты подобна магнитной буре –
той, что сводит с ума все стрелки.
Побывала б в моей ты шкуре –
позабыла б свои проделки.**

6

Ты мой путь обсуждать оставь-ка:
каждый делает так, как может.
Не потребна твоя мне правка,
ведь мой век мной и будет прожит.

Даже коль допущу оплошку,
навлеку на себя проклятье,
то вину свою, словно брошку,
нацеплю я себе на платье!

7

**Нацепляй, только будь со мною –
не нужна мне стезя иная.
Любовался б твоей виною –
почему? Объясни, родная!**

**Я б другие твои обновы
все стерпел, пусть и были б адом...
Почему все на всё готовы,
лишь бы вновь обласкала взглядом?**

8

Может быть, потому что стана
и агатовых глаз подобных
вновь не встретите... Я желанна,
но понять меня – нет способных!

До чего ж вы, мужчины, мелки!
Почему ты меня неволишь?!
В колесо свое, вроде белки?
Эскамильо – такой же, сволочь!..

Хор со стороны

*Подчиняйтесь постановленьям:
что за ор в полвторого ночи!
Не подумать ли нам о скотче –
том, которым вам рты заклеим!*

*Превратили вы жизнь в отраву,
мы теперь и заснем едва ли...
Как вы двое уже достали!
Ничего, мы найдем управу!*

9

**Говори, я прошу, потише –
вдруг да в суд подадут, собаки.
Мне б забиться в нору, как мыши, –
мы ж едва не дошли до драки.**

**Дезертир я – тебя лишь ради!
Что нашла ты в тореадоре?
Я с душою своей в разладе,
с целым миром, поверь, в раздоре...**

10

Ну а мне наплевать! «Достали!»
Коль достану, уже не вякнут –
мне ль бояться плешивой швали?!
«Здесь Кармен воспарила! Ахтунг!»

Я свободна как ветер – ясно?
Не ведет принужденье к раю!
Будет смерть, как и жизнь, прекрасна,
потому что преград не знаю!

11

**Полно, хватит! Вновь стань Тamarой
или кем там тебе угодно –
лишь не этой Господней карой:
чересчур уж она свободна.**

**Кстати, вспомни: Хозе словарный
исчерпал свой запас – и к стали
обратился, как враг коварный!
На такое пушусь едва ли...**

12

Да не делай ты ротик гузкой!
Я ни чьею не стану цацкой,
потому что в крови ингушской
есть немало и от испанской.

Коль смущен ты подобным тоном,
о Кармен я пока забуду...
Ладно, будешь Пигмалионом,
ну а я Галатеей буду.

Часть третья. Пигмалион и Галатhea

1

Я в мраморной сокрыта глыбе:
ни форм, ни имени не зная,
на вечной вздернутая дыбе,
в небытии заточена я.

За что так мучает Создатель –
ведь он зовется милосердным?
Когда же явится вяатель –
извлечь меня трудом усердным?

2

**Мне слышен зов. О чем, откуда?
От напряженья стонет воздух...
Мой сон, неслыханное чудо,
прообраз, значившийся в звездах!**

**Я вижу деву, что томится
среди камня, – как постыл ей холод!
Небытие ей – что темница!
Сюда, резец! На помощь, молот!**

3

Освобождаясь понемножку
от нескончаемой печали,
я вижу мраморную крошку...
Вот я – на воле! Только – я ли?

Святой резец меня коснулся,
и чуждый груз уже не давит,
но, как и прежде, нет ни пульса,
ни чувств – и немота снедает.

4

**Я – воплотил – ее! Свершилось!
Из тьмы, неведомо откуда,
как Богом явленная милость,
на свет явилось это чудо...**

**Ни сна, ни роздыху не зная,
годами вкалывал, потея,
чтоб ты, душе моей родная,
в наш мир пришла, о Галатея!**

5

Итак, я имя обретаю!
Под вдохновенными руками
живую плотью обрастаю,
хоть и века томилась в камне.

Твое ли мною восхищенье
или моя тебе отдача
живое вызвали движенье?
О чудо! я – жива и зряча!

Хор со стороны

*Ох, слава Богу, смолкли вопли,
теперь – со статуею шашни...
Но нам плевать с высокой башни
на все лирические сопли!*

*Да ладно, только б не орали,
игрались тихо бы, без звона,
а остальное все законно
и с точки зрения морали...*

6

**Утихомирились, не так ли?
Мирлобивой вышла сцена...
Быть может, нас в ином спектакле
сыграть попросит Мельпомена?**

7

Давай покинем время оно,
хоть и близки к нему душою.
Попробуем «Пигмалиона»
иного – по Бернарду Шоу.

Порой *свершаю я оплошку,*
цепляю брошку *на фигуру...*
Давай учиться понемножку –
хочу освоить всю культуру.

Культуру слога, рифмы, стиля,
уменья к месту выбрать слово.
«Нет достижения без усилья», –
и я внимать тебе готова.

8

**Ты что же, Дулитл? Поверь мне:
тебя порадовать мне нечем –
сегодня ведь на каждой ферме
к культуре доступ обеспечен.**

**А я не Хиггинс, не профессор –
куда мне выучить Элизу!
Мой тоже слог едва прорезан:
коль увлеку, то только книзу.**

9

Не скромничай, а помоги мне,
не огорчай меня отказом:
хочу аккордом стать я в гимне,
давно слагаемом Кавказом.

А как возможно без сноровки
не дать пути фальшивым нотам?
Как без серьезной тренировки
к высоким приступить полетам?

10

**Да мы ж с тобой не год едва ли
шагаем вместе в эту гору;
ролей достаточно сыграли –
и Голливуду будет впору.**

**Давай, конечно же, общаться,
но без игры, не понарошку.
Я не лишу тебя участия –
и ты путем нацепишь брошку.**

11

Ты думаешь, с шероховатой
вот так я распрощаюсь речью?
Но как же быть с Шехерезадой?
А где же я Джульетту встречу?

Боюсь, твоя мне будет парта
без игр скучна и безотраднa.
Изольда, Гретхен, Клеопатра...
Давай играть порою, ладно?

12

Какой же ты еще ребенок!
Страсть к играм – ах, неукротима!
С тобой и я, седой подонок,
готов сыграть... хоть Буратино!

Но, чтобы не было угара,
обдумать надо все и взвесить...
Ну а пока – отбой, Тамара!
До варианта номер десять.

Губжоков Лиуан Мухамедович (23.11.1937-03.09.1988)

Губжоков Л.М. родился в сел. Жемтала Советского района КБР – кабардинский поэт, прозаик. В 1954 г. окончил Жемталинскую школу, в 1959 г. – историко-филологический факультет КБГУ. Работал корректором в типографии им. Революции 1905 г. (1959-1960), методистом Республиканской научной библиотеки им. Н.К. Крупской (1960-1970), директором Бюро пропаганды художественной литературы при СП КБАССР, заведующим отделом критики журнала «Ошхамахо» (1977-1988). Член Союза журналистов (1963), Союза писателей СССР (1969), КПСС (1981). За заслуги в развитии литературы и искусства Губжокову присвоено звание «Заслуженный работник культуры КБАССР» (1988). Губжоков – лауреат литературной премии им. дважды Героя Социалистического Труда Ф.А. Желюка (Винницкая обл., 1984).

Начало творчества Губжокова относится ко второй половине 50-х гг., когда на страницах республиканских газет и журнала «Ошхамахо» стали появляться его первые публикации. Большую роль в совершенствовании писательского мастерства Губжокова сыграла учеба на литературных курсах СП СССР (1971-1973).

Творчество поэта органически связано с его жизнью, вытекает из его бытия. Самостоятельность мышления, стремление сказать о родной земле что-то новое, еще не сказанное другими, отличают его стихи. Каждое слово поэта исполнено глубокой мысли, одухотворено теплом его души.

Большой вклад внес Губжоков в развитие детской литературы. Его сборники рассказов «Ди къуажэ щІалэ цыкІухэр» (Мальчишки нашего села. 1960), «Пионерам и лыгъэ» (Подвиг пионера. 1964) вошли в золотой фонд кабардинской детской литературы.

Губжоков внес вклад в развитие песенной культуры республики. Визитной карточкой поэта в этой области можно считать широко известную песню «Кто ты: Мадина или Марина?» Песни на стихи Губжокова звучат не только в КБР, но и в Абхазии, Адыгее, Карачаево-Черкесии.

Олег ШВАРЦ

В конце 2001 года вооруженные силы США вторглись на территорию Афганистана, как бы в ответ на разрушение террористами башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.

Предлагаемые вашему вниманию стихи были написаны мной накануне предполагаемого штурма.

Иногда художественное осмысление реальности дает более точный прогноз будущих событий, чем сухой анализ массива разнородных действующих факторов.

Дорога на Кабул

Ветер пустыни жесток,
Дым заслонил небосвод,
Взрывы взметают песок
Брызгами огненных вод.

Черный грохочущий ад,
Мрак подступает к глазам,
Верных Аллаху солдат
Вновь собирает имам.

– Гяуров несметная тьма
Идет из полуночных стран,
Джихад – моджахеда судьба,
И долг – защищать наш Афган.

Дорогу закрыть на Кабул
Мы, братья, сегодня должны,
Пусть бьются за каждый аул
Все те, кто Пророку верны.

– Да ты обезумел, имам! –
Крикнул Ахмед-командир, –
Как удержаться здесь нам
Против полчища вражеских сил?

Ракеты неверных сожгут
Все живое, расплавят металл,
Жители в горы бегут
Чтоб укрыться от них среди скал.

Надо и нам отходить,
Людей увести от беды,
Неделю в пустыне прожить
Может воин-пуштун без воды.

Не думай, что смерть нас страшит,
Мы верим, нас примет Аллах,
За веру погибший шахид,
В райских пребудет садах.

Нахмурился грозно имам.
– Не то говоришь, шейх-Ахмед,
Отдал Мазари-Шариф
Неверным ты, моджахед.

Но до срока зачем уходить
На радость неверным, имам?
Не сможем Кабул защитить –
Будем с тыла мы бить по врагам.

И дальше нельзя отступить,
Бежать, как презренный шакал!
Мы здесь будем насмерть стоять
У этих гранитных скал.

Помни Пророка завет
И к бою готовь солдат.
Кому нет пятнадцати лет –
Отпусти по домам их, брат...

В средневековой Японии смыслом жизни война-самурая, согласно кодекса чести Бусидо, считалось безаветное служение своему феодальному властителю. Самурай, чей господин ушел из жизни, назывался ронинем. Сохраняя воинскую доблесть и честь, он, в известной степени, утрачивал цель существования...

Ронин

Взгляд в мир – как через прорезь шлема:
Непроницаем и невозмутим,
Катана¹ за плечом, вторая слева –
Единственные спутники в пути.

Путь долог и бесцелен, даже слава
Ронину не нужна, лишь на день риса горсть.
Нет господина, нет родных, нет храма –
Он запоздалый, равнодушный гость.

Не ведает он скуки, не страдает,
И путь земной пройдет свой до конца.
Нетленна только гордость самурая –
Перед людьми ни разу не терял лица.

Безбрежная свобода, время и пространство –
Иллюзия, он здесь и он нигде.
Случайный вызов, свист меча, дворцов убранство –
Все призрачно, как отражение луны в воде.

Он мастер и в кэндо² не знает равных,
Смерть не страшна, к ней он и держит путь.
Не побежден, но в срок, в благоуханных травах
У леса он приляжет – в сладостной нирване отдохнуть.

---

¹ Катана – самурайский меч.

² Кэндо – искусство боя на мечях.

Хыйса ОСМАНОВ

Жизнь идет не спеша

Сегодня, как и всегда, аксакал встал на рассвете, вышел во двор, посмотрел на розовеющий восток, протянул руки к солнцу, и на сердце у него стало теплее. Затем его взгляд устремился в далёкое бесконечное небо. Он поклонился создателю вселенной, который долгие годы дарил ему белый свет, – Всевышнему Аллаху, поблагодарил его и вознес хвалу: «Слава Аллаху – создателю всего, что есть на земле!»

А тем временем солнце поднималось все выше и выше, лучи погладили голову своего старого друга, поцеловали его глаза. Но почему-то сегодня солнце смотрело на аксакала не так, как раньше, а с какой-то грустью, с затаенной печалью. Немного погодя, оставив свой зайчик на лице у друга, оно продолжило свой вечный путь, туда, где его все ждут.

Старик, махая рукой, долго провожал дневное светило, потом вернулся в дом и прилег на свою кровать... «Мне кажется, твое тепло уже закончилось для меня, мой верный друг», – подумал он печально и на какое-то время закрыл глаза. Когда он открыл их вновь, взгляд его был устремлен в потолок – он и белый потолок, и больше ничего. Даже если что-то и было, кроме белого потолка, он больше ничего не видел, только чистый, белоснежный потолок. И солнечного зайчика, который прыгал и скакал, делая белую поверхность ослепительно яркой.

Вот там далекое горное село. Высокие каменные заборы. На завалинке сидят седобородые старики. Они поют о нартах-героях. Перед ними дети играют в альчики. А один из мальчишек, сев на своего коня из лозы и поднимая пыль, скачет по улице. «Эй-хей, кто быстрее меня проскачет, кто меня догонит! Я самый быстрый!» А вслед за ним, в длинном платье, быстрыми шагами идет женщина. «Сынок, остановись, упадешь, поранишь себя. Чтобы я никогда не видела твое горе. Чтобы я раньше умерла!»

Мать, моя дорогая мать! Солнце мое, свет очей моих. Как я по тебе соскучился. Как мне тебя не хватает. Если бы ты сегодня была рядом со мной. Если бы я мог увидеть тебя ещё раз, взглянуть в твои глаза, хотя бы на один миг, на одно мгновенье. Я не забыл тебя. Помню тепло твоих рук. По вечерам ты пела мне колыбельную –

Спи, мой маленький, усни,
Котенок тоже уснул,
И медвежонок тоже уснул,

Волчонок спит тоже.
Мой маленький ласковый
Сынок тоже хочет спать.

Глаза старика, вспоминающего свое далекое прошлое, еще раз на какое-то время закрылись. Он несколько раз глубоко вздохнул и снова посмотрел в потолок. Опять солнечный зайчик, промелькнув в глазах, открывает давнюю страницу из жизни старика.

Держась за руки и качаясь из стороны в сторону, по широкой дороге идут женщина и мужчина. Впереди идет их сын. Он то срывается в бег, то останавливается и ждет идущих за ним, а когда они подходят ближе, он весело смеётся. Старшие смотрят на него и смеются, и счастье светится в их глазах.

Эх, время, время, почему бы на этом месте не остановиться? Куда спешишь, торопишься? Все бежишь и бежишь, словно ветер тебя подгоняет. Куда ты? Остановись, подожди...

А непоседливый зайчик уже открывает перед взором старика другую страницу его жизни. В широком дворе идет веселая свадьба. Играет гармонистка, звучат, сменяясь, мелодии. Стройные, как молодая чинара, парни кружатся в танце джигитов, как волчок Османа. Все слушают певца, заворожены красотой слов его песни...

«Эй, невесту привезли, встаньте, пойте, смейтесь! Пусть радостью наполнится этот дом!» Вот седобородый подняв чашу с бузой говорит тост: «Пусть она будет любящей женой и доброй матерью, родит много сыновей!»

Я его где-то видел, помню слова, которые он говорит, они мне известны, и этот двор тоже. Когда и где это было – сейчас уж не припомню...

Но времени осталось совсем мало. Дыхание старика стало частым, неровным. Закончились в этом мире для него воздух и вода. Теперь он понял, что отправляется в далекий, безвозвратный путь.

...Ушла одна картина, появилась новая. Прислонившись спиной к стене дома, на длинной скамейке сидят аксакал и его спутница жизни – старая седая женщина. Как тысячи соловьев они поют молитвы, благословляя Создателя нашего. А маленький Магомедик тоже хочет петь.

– Я тоже хочу, дед.

– Ты бы лучше пошел на улицу, поиграл с друзьями.

– Нет, если я туда пойду, кто за вами будет смотреть! Лучше я расскажу вам сказку. Меня бабушка научила. Знаешь, как маленький мальчик обманул плохого великана?..

Старики переглянулись и с такой добротой улыбнулись, что сразу посветлело вокруг. Они долго смотрели друг на друга, затем старик нарушил молчание: «Пойдем домой – уже поздно...»

Это тоже было как будто бы совсем недавно. Нет уже той седоволосой женщины, которая всегда была рядом с ним. Она ушла туда, откуда не возвращаются, туда он и сам скоро отправится. А пока молча смотрит

на старика и сидящую рядом с ним женщину. Она посмотрела лежавшему в глаза и заговорила:

– Друг мой, вставай, время пришло, пора идти.

– Уже? Так скоро? Я даже порадоваться не успел. Еще один миг. Как печально устроен этот мир – не успеешь распознаешь его, уже и уходить надо.

А золотоволосое солнце, в последний раз окрашивая вершины скалистых гор в багрово-красный цвет, склоняется за край небосклона. Глаза, которые долгие смотрели на него, узрев его в последний раз, медленно закрылись.

Я иду туда, где ждут меня отец и мать, братья и сестры. И та, что долгие годы была рядом со мной. Они ждут меня там, в мире без времени.

Со страшным, пронизывающим сердце воем, подняв голову к потемневшему небу, завывала во дворе собака.

А ночью сорвалась с небосклона звезда, оставив на короткое время яркий след, и упала вдали. Ушел в небытие человек – ушел целый мир, заключенный в нем, – навсегда.

Отец мой, если когда-то, невзначай, сам того не понимая, я тебя обидел, прости меня, пожалуйста!

Эльбрус – царь гор

Испокон веков вблизи Эльбруса – высочайшей горы Европы – живет карачаево-балкарский народ. Высота западной его вершины составляет 5642 метра над уровнем моря, восточной – 5621, высота седловины между ними – 5322 метра.

Такая высокая гора, разумеется, видна издалека, особенно в яркий, солнечный день. Народы, живущие за сотни километров от горы, очарованные её красотой, величием, дали ей названия на своих языках. Многие из этих названий и до сих пор бытуют в балкарском и карачаевском народах. Их более сорока!

Разве найдется в мире другая гора, имеющая столько названий! О чем это говорит? Об изменениях, связанных как непосредственно с ней, так и с жизнью, бытом, мировоззрением и верованиями народов, живущих здесь в течение многих веков. Исходя из этого они и дали ей названия: Тейри Тау, (Гора Тейри); От Тау (Огненная гора); Жаннган Тау (Сгоревшая гора); Къусхан Тау (Изрыгающая гора), Кюл Тау (Золистая гора); Тейриле Тау (гора многих Тейри); Уллу Тау (Большая гора); Эм бийик (Самая высокая); Минги Тау (Тысячная гора); Мёнгю Тау (Гора вечного льда); Шат Тау (Весёлая гора); Жин патчах (Царь джиннов); Къарт Тау (Старая Гора); Жел Ёгюз Тау (Гора бычьего ветра); Эки Баш Тау (Двухголовая гора); Эгиз Тау (Гора-близнецы); Чат Тау (Гора-ложбина); Миннген Тау (Покоренная гора); Иер Тау (Гора Седло); Багъана Тау (Столп мира); Эмчек Тау (Женская грудь); Айры Тау (Развоенная гора); Эки

Сын (Два памятника); Дукъуш Тау (Горбатая Гора); Алтын Тау (Золотая гора); Нюр Тау (Светоизлучающая гора); Насып Тау (Гора счастья); Мингажашар тау (Тысячелетняя гора); Элбурун Тау (Гора древней страны); Ёмюрлюк тау (Вечная гора); Монг Тау (Богатая гора); Кукурушлу Тау (Серная гора); Тушурукълу Тау (Надежная гора); Боранлы Тау (Вихревая гора); Къушлу Тау (Орлиная Гора); Жатчи Чыкъгъан Тау (Жатчи покорившаяся гора).

Теперь поговорим о смысле этих названий. Когда-то в очень далекие времена балкарцы и карачаевцы поклонялись единому богу ТеЙри. А он должен был знать и видеть – кто, где и чем занимается. Для этого он избрал себе место на самой высокой горе – на Эльбрусе. Поэтому она и названа ТеЙри Тау, то есть Гора ТеЙри. А в языческие времена, когда у рек, лесов, гор были свои боги, люди переименовали ее в Гору Многих ТеЙри. Подобно тому, как в древнегреческой мифологии Олимп – гора, где размещался пантеон, то есть все языческие боги, гора Эльбрус – место обитания многих богов.

Алтын Тау (Золотая гора) – это тоже очень древнее название. Золото – драгоценный металл, оно и по сей день в цене. Но залежей золота в Приэльбрусье нет, просто народы, обитающие здесь, сравнивали свою вечную гору с сияющим металлом – олицетворением самого дорогого и ценного.

Жанган Тау (Огненная гора) – название лишний раз напоминает, что Эльбрус – это кратер спящего вулкана, и наши далекие предки могли воочию видеть его извержения.

Элбурун Тау (Древняя страна) – говоря об этом названии, надо сказать, что балкарцы и карачаевцы строили селения очень высоко в горах. Например, Терскол, Безенги, Булунгу и т.д. На фотографиях второй половины двадцатого века хорошо видны жилища балкарцев из камня и дерева, построенные на склонах гор.

Элбуз (Ледяная страна) – с балкарского и карачаевского языков это переводится как «Разрушитель сел». А разве мало сел разрушили снегопады, сели и камнепады? Но раньше уровень ледяного покрытия был намного ниже, чем сейчас, а Эльбрус такой огромный – как целая страна. Может, поэтому гору и называли ледяной страной.

Мингжашар Тау – это слово состоит из двух частей, «минг» – балкарски – тысяча, а «жашар» – живет. Живя многие столетия возле Эльбруса, балкарцы и карачаевцы, не сомневаясь, полагали, что гора простоит еще очень долгое время, а слово «тысяча» у многих народов – синоним некоего очень большого множества.

Дугъум Тау (Горбатая гора) – это, очевидно, оттого, что когда смотришь издали, все горы кажутся одинаковой высоты, а Эльбрус возвышается над ними, как горб.

Минги Тау (Тысячная гора) – среди многочисленных вершин Кавказских гор нет второй такой, потому-то она и Тысячная.

Мёнгю Тау (Покрытая вечным льдом) – из года в год, летом и зимой,

уже многие века эта гора покрыта льдом, и мы с вами тоже тому очевидцы.

Эгиз Тау (Близнецы) – когда-то и так называли эту гору. Это название связано с его вершинами. Они почти одинаковой высоты, размеров, – словом, похожи как братья.

Эки Баи (Двухголовый); **Эки сын** (Два памятника) – эти два названия тоже связаны с его вершинами. Две головы одной горы. Свидетели старины двух братских народов – балкарцев и карачаевцев, как два памятника стоят и будут стоять вечно.

Эльбрус – это сложное слово. Состоит из трех частей. Первая часть – «эл» на балкарском языке означает «государство», «село». Вторая часть «бур» – «крушить», «разбрасывать», «передвигать». Последняя часть слова – «ус» – показывает его характер. А полностью это слово означает – разрушающая поселение, капризная гора.

Шат Тау – одно из часто употребляющихся названий горы. На балкарском и карачаевском языках означает – «яркая, радостная гора». В яркий солнечный день она видна издалека. А в древних языках этих народов шат означает – падишах, т. е. есть царь – царь гор.

Чат Тау – горные ложбины балкарцы называют «чат», а между двумя вершинами Эльбруса есть ложбина.

Насып Тау (Гора счастья) – она наделена многими богатствами. Есть у него вечный лед, снег, нарзаны, леса, звери, птицы. У подножья живут люди, боготворящие гору. Она самая большая и самая высокая.

Монг Тау – с балкарского это переводится так: прочная, добротная гора.

Мининген Тау (Покоренная гора) – то есть покоренная людьми. С давних пор люди поднимались на эту гору. Существует много легенд о смельчаках, покоривших Эльбрус. В одной из них говорится о том, что в конце XIV века на вершину Эльбруса поднимался великий завоеватель Тамерлан. Живя здесь многие сотни лет, предки балкарцев и карачаевцев не раз поднимались на Минги Тау. Есть в народе притча: когда у балкарца пропадал скот, то он поднимался на Эльбрус и оттуда, с самой высокой вершины, смотрел, где искать, и находил.

Иер Тау – буквально переводится как Седло-Гора – то есть две вершины, а посередине седловина.

Багыана Тау – «багыана» – это толстый столб. Он ставится посередине дома, на него опираются балки, то есть несущая основа – вся тяжесть кровли дома лежит на нем.

Эмчек Тау (Грудь-Гора) – две белоснежные красивые вершины похожи на грудь лежащей целомудренной женщины.

Жел Ёгюз Тау (Гора бычьего ветра) – в горах самым сильным животным считается бык. На нем возят самые тяжелые грузы, впрягают в арбу, с его помощью пашут землю. У ветров тоже есть свой самый сильный, то есть ветер-бык. Он живет на вершине Эльбруса. И если облака хотят скрыть вершину горы, то он в мгновение ока разбросает их в стороны

и прогонит. А когда кто-нибудь хочет подняться к вершине, этот ветер собирает густые тучи и закрывают дорогу идущим.

Тутурукълу Тау (Опорная, надежная гора) – в трудную минуту слабые ищут сильного, чтобы опереться на него. Эльбрус такой – он в середине, а другие горы с ним связаны. В тяжелую минуту он им поможет.

Кукуруушлу Тау (Серная гора) – известно, что для изготовления пороха необходима сера, в древности балкарцы добывали ее здесь, потому и название такое – серная.

Къусхан Тау (Изрыгающая гора) – это название связано с тем, что тех, кто добывал серу и задерживался здесь дольше обычного, начинало мутить из-за ядовитого запаха. Возможно, это память о более древних временах, когда бывали извержения, ведь Эльбрус – спящий вулкан.

Айры Тау (Раздвоенная гора) – существует несколько легенд, связанных с этим названием. В одной из них говорится о соперничестве отца и сына за красавицу Машук, которое закончилось сражением. Сын ударом меча раздвоил голову отца. У балкарцев и карачаевцев есть еще и такая легенда. Во время всемирного потопа ковчег Ноя задел торчавшую из воды вершину Эльбруса и раздвоил ее. Ной попросил прибежища у горы. Но она отказала, обидевшись. Тогда пророк проклял гору и сказал: «Если даже у твоих ног будет весна и будут цвести цветы, середина пусть останется осенью, а вершины вечной зимой». Так и есть: раздвоенная ковчегом вершина Эльбруса покрыта вечным льдом и снегом.

Ёмюрлюк Тау (Вечная гора) – многие века здесь живут балкарцы и карачаевцы, каждое утро, просыпаясь, горец смотрит на Эльбрус и благословляет Всевышнего за то, что свидетель седой старины и сегодня стоит без изменения, такой же красивый и большой – он страж ущелий, он памятник Земли.

Къушлу Тау (Орлиная гора) – 150 лет назад здесь ещё летали, отбрасывая на скалы тени огромных крыльев – как называли их балкарцы – табунные орлы. В размахе крылья достигали 3-х метров и более. Они могли без труда поднять в воздух, вцепившись когтями, жеребенка. С появлением огнестрельного оружия эти птицы были полностью истреблены.

Во второй половине XIX века житель Верхнего Баксана Жумарук Ачабаев, будучи подростком наткнулся в горах на кладбище этих гигантских орлов. Собрав большие перья, с помощью тонких кожаных веревок он соорудил подобие птицы – летательный аппарат – прообраз нынешних дельтапланов – и, как рассказывали очевидцы, летал на нем.

Уллу Тау (Большая гора) – название говорит само за себя – Эльбрус действительно самая высокая гора в Европе.

Джин патчах (Царь джинов) – это тоже одно из древних названий горы. Возможно, оно появилось после принятия горцами Ислама.

Къарт Тау (Старая гора) – если она самая высокая, большая, ещё и седоголовая, конечно, и самая старая. Она поседела очень давно. В самые жаркие летние дни, когда с вершин других гор сходят снега и льды,

---

на Эльбрусе они остаются.

Нюр Тау (Светозлучающая гора) – свет её виден издалека, за сотни километров от белоснежных вершин.

Жаччи чыкъгъан Тау (Жаччи покорившаяся гора) – это название она носит с начала XIX века. Кто такой Жаччи, и почему Эльбрус носит его имя?

Да выселения балкарского народа в Среднюю Азию и Казахстан между нынешним Эльбрусом и верхним Баксаном было село Жапыр Тала, в котором жил Тутар Жаппуев. У него было два сына: Жаччи и Маччи. Жаччи был известным охотником и скалолазом. Не было вершины в Баксанском ущелье, на которую бы он не поднялся. Однажды он говорит матери: «Приготовь пищу на один день, я пойду на Эльбрус, к вечеру могу не вернуться». Утром он взял с собой приготовленный припас и мужуру¹. Его провожали всем селом.

А до этого было несколько случаев, когда в горах пропадали охотники. Тела одних находили с раздробленными костями, а других и вовсе не находили. Желających поохотиться на диких животных стало меньше. Редко кто отваживался ходить на охоту в одиночку – в основном по несколько человек.

Вернулся Жаччи на следующий день ближе к вечеру. Кроме мужуры он держал в руках еще один кусок дерева, красноватого цвета, гладкий, как будто долго лежавший в воде. Сельчане ожидали его с нетерпением, а история, поведанная им Жаччи, передается в народе из поколения в поколение. Мне её рассказали потомки Жаччи в четвертом поколении Жагъабан Жаппуев и Пажагъан Тилова.

Когда Жаччи поднимался на Эльбрус, он встретил стадо диких туров. Впереди всех вдруг появился вожак – громадный тур. Он стал медленно приближаться к человеку, между ними оставалось всего несколько шагов. Тур остановился. Они долго смотрели друга на друга – зверь и человек. Никто не хотел отступать. Если человек сделал бы шаг назад, тур напал бы на него, и кто знает, чем бы эта битва закончилась.

Жаччи понял, что перед ним тур – убийца охотников. Он взял свое оружие, сделал левой ногой шаг вперед и приготовился к отражению. Тур, наверное, понял, что перед ним не простой охотник. Как бы то ни было, он отвернул и пошел прочь, стадо потянулось за ним.

К вечеру Жаччи поднялся на обе вершины Эльбруса. На одной из них он соорудил бугорок. В народе его называли «Бугорок Жаччи». К заходу солнца охотник начал искать место, где можно было бы укрыться от ветра. Нашел что-то вроде пещеры. Там он обнаружил следы от костра и скелет огромного человека, намного больше, чем сам Жаччи.

Переночевав в пещере, утром он вырыл могилу и похоронил кости. А что касается доски, то он нашел ее ниже седловины горы – торчавшую

---

¹ Мужура – боевое оружие балкарца. С одной стороны – острое как копьё, на другом конце древка – широкий нож в виде шпателя.

из-подо льда. Она как реликвия находилось в доме Жаччи и после его смерти, вплоть до 8 марта 1944 года. После этого случая жители Баксанского ущелья дали Эльбрусу очередное название – Жаччи чыкъгъан тау – Жаччи покорившаяся гора.

Хотя у этой горы четыре десятка названий, весь мир знает ее как Эльбрус. А некоторые народы, которые живут подальше и видят ее издалека, тоже дали горе свои названия.

Грузины называют ее – Ялбузи. Возможно, это от балкарского «элбуз», что означает – снежная страна, или – разрушающая селения. Об этом уже сказано выше. Кабардинцы назвали гору Ошхамахо – Гора счастья. Чеченцы и ингуши называют её – Башлам. Это тоже двусоставное слово. Оно имеет значение и в балкарском языке, и означает – Главная гора.

В старинных песнях ногайцев и калмыков говорится об Асхартау. Это слово переводится на русский язык как «Снежная гора народа Асов». Асы, как известно, это предки балкарцев.

Арабские путешественники и завоеватели тоже видели Эльбрус. Они были в восторге от его величины и величия и дали ему свое имя – Эбул Жебал, это в переводе означает – Отец Гор.

*Перевела с балкарского
Асият Османова*

– Национальный проект “Образование” –

Наша цель – вывести в ближайшей перспективе молодое поколение Кабардино-Балкарии по уровню образованности на передовые позиции.

Президент КБР Арсен Каноков

Уважаемые коллеги!

Дорогие наши женщины!

Примите искренние поздравления со светлым праздником, Международным Женским Днем 8 марта!

Так получилось, что педагогическое сообщество республики составляют в большинстве женщины-педагоги. Это значит, что на ваших хрупких плечах кроме тяжелых семейных хлопот лежит и очень нелегкий груз – формирование сознания и души нового поколения. Все самое лучшее, что закладывается и остается в молодых людях, – от вас.

Желаю всем вам в кругу семьи тепла и доброты, среди учеников – любви и уважения! Терпения и мужества, новых творческих идей и больших профессиональных успехов в вашем нелегком, но благородном труде! Пусть этот весенний праздник, как и сама весна, принесет в ваши сердца обновление!

*Сафарби Шхагапсоев,
министр образования и науки КБР*

Подведены итоги нацпроекта

Завершился первый год реализации приоритетного национального проекта «Образование». Все направления проекта были нацелены на поддержание, развитие и стимулирование всей системы образования в целом. В Кабардино-Балкарской Республике в рамках нацпроекта реализованы следующие направления:

- повышение уровня воспитательной работы в школе;
- поддержка и развитие лучших образцов отечественного образования;
- внедрение современных образовательных технологий;
- проект «Сельский школьный автобус».

На состоявшемся 19 декабря 2006 года заседании Совета при президенте КБР подведены итоги проделанной работы по реализации национального проекта.

По направлению «Поддержка и развитие общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы»

25 общеобразовательных учреждений республики получили в качестве помощи по одному миллиону рублей. Эти средства уже израсходованы по целевому назначению.

Президентскими премиями награждены 86 лучших учителей и 33 одаренных ребенка республики.

Одним из существенных направлений проекта стало оснащение общеобразовательных учреждений учебным и учебно-наглядным оборудованием. Из федерального бюджета республиканские образовательные учреждения получили 79 комплектов оборудования (в том числе 17 интерактивных досок) для кабинетов физики (16), химии (17), биологии (16), географии (13). Кроме этого из республиканского бюджета выделены средства на приобретение еще 22 комплектов.

К сети Интернет подключено 247 образовательных учреждений.

В рамках направления «Сельский школьный автобус» сельские общеобразовательные учреждения получили 37 автобусов, 11 из которых приобретены на средства из республиканского бюджета.

Наступил новый, 2007 год, а это значит, что приоритетный национальный проект «Образование» будет продолжать реализовываться, привнеся в систему образования ощутимые позитивные изменения.

Педагог особого направления

Вот уже более 40 лет деятельность Отличника народного образования Татьяны Науянис связана с работой детских лагерей и научно-оздоровительных профильных школ. Ее опыт деятельности в области развертывания шефства предприятий над школами и руководства детскими, педагогическими коллективами был обобщен в 1972 г. Министерством образования СССР и ЦК ВЛКСМ.

За многолетнюю работу с подрастающим поколением и творческую педагогическую деятельность Науянис награждена Почетными грамотами МО РФ, Благодарностью МО РФ, Почетной грамотой Министерства Образования и науки КБР, Почетным Знаком ЦК ВЛКСМ и почетным дипломом ВЦ СПС, ВАКО «Союз», дипломами оргкомитета Всероссийской олимпиады-конкурса «Созвездие», медалями Ю.А. Гагарина, С.П. Королева.

Т.В. Науянис работает в Республиканском Центре научно-технического творчества учащихся заведующей отделом научно-исследовательской и конструкторской работы, с 1998 года является исполнительным директором Кабардино-Балкарского отделения Всероссийского аэрокосмического общества «Союз». Татьяна Владимировна имеет значи-

тельные успехи в организации, совершенствовании образовательного и воспитательного процесса в свете современных достижений науки и культуры, обеспечении единства обучения и воспитания, формирования интеллектуального, культурного и нравственного развития личности.

Воспитанники отдела являются неоднократными призерами Всероссийских конкурсов «Космос», «Космонавтика», «Юниор (Intel ISEF)», Всероссийских выставок технического творчества под эгидой Центра технического творчества учащихся Министерства образования Российской Федерации, Всероссийского аэрокосмического общества «Союз» и других видов состоятельной интеллектуально-творческой деятельности. Бывшие выпускники, ныне студенты различных вузов страны, поддерживают контакты с отделом, помогая в работе с младшими школьникам. Большую работу Татьяна Владимировна проводит с общественностью, семьей, вузами, научно-творческими коллективами, организациями, предприятиями и коммерческими структурами.

За последний период с 2000 по 2006 г. приняла участие со своими воспитанниками в юбилейных Гагаринских чтениях в г. Гагарин, Всероссийском конкурсе «Космос», Всероссийской конференции школьников «Космонавтика», Конгрессе молодых исследователей Кавказа, межрегиональной конференции в г. Ставрополе, научно-оздоровительных школах в Приэльбрусье, «Жемчужине Дона» Ростовской области, Всероссийском детском центре «Орленок». Команда РЦНТТУ – КБО ВАКО «Союз» ежегодно подтверждает свой высокий потенциал, показывает научный и технический уровень проработки и выполнения проектов, корректное поведение и дисциплину участников.

Большое внимание Татьяна Науянис придает вопросу ранней профориентации школьников, привитию устойчивого интереса к различным отраслям знаний, развитию межпредметных связей, применению в образовательном процессе новых информационных технологий. Способствует изготовлению натуральных образцов техники на базе теоретических проектов учащихся с использованием новейших технологий и материалов. Татьяна Владимировна систематически выступает с проблемными вопросами на страницах газет, радио и телевидения, с обобщением опыта работы на республиканских и Всероссийских семинарах по аэрокосмическому образованию, научно-техническому творчеству, развитию творческих способностей учащихся.

У Т. Науянис накоплен большой опыт учебно-воспитательной работы с учащимися. Воспитанники Центра вовлекаются в реальные научно-технические программы и проекты, получают навыки и опыт успешной самореализации через организационно-интеллектуальный труд, освоение навыков инженерной и конструкторской деятельности, соединение культуры гуманитарной с культурой технической. Многие из них успешно учатся в лучших вузах России и КБР.

Среди воспитанников Татьяны Владимировны есть лауреаты премии приоритетного национального проекта «Образование»:

Александров Ислам Александрович

*1991 года рождения,
учащийся 10 класса «Гимназии № 14» г. Нальчика,
обучающийся ГОУ ДОД «РЦ НТТУ»*

Ислам Александрович Александров обучается в Республиканском Центре научно-технического творчества учащихся 8 лет, с самого раннего возраста. В школе учится на «отлично».

Ислам является участником второго Всероссийского фестиваля молодёжных организаций «Инициатива молодых – будущее России», членом президиума КБО ВАКО

«Союз», участником профильной смены ВАКО «Союз» во Всероссийском детском центре «Орленок» (2001 г.), лауреатом Всероссийского конкурса «Космос» (2004 г.), 2-кратным победителем Всероссийской конференции школьников и студентов «Космонавтика и ракетная техника» (2005, 2006 гг.), 4-кратным победителем Всероссийской олимпиады «Созвездие» (2000, 2003, 2004, 2006 гг.), призером Международной научно-образовательной конференции-выставки «Научно-техническое творчество и моделизм в XXI веке».

Область интересов: композитное материаловедение, физика твердых и особо твердых тел, баллистика и аэродинамика, нетрадиционные транспортные средства.

В настоящее время занимается научно-исследовательской работой на базе ГОУ ДОД «РЦНТТУ» и КБГУ им. Х.М. Бербекова под руководством кандидата технических наук, доцента КБГУ В.М. Хатухова, С.О. Юрченко, студента IV курса МГТУ им Н.Э. Баумана в области композиционного материаловедения.

Плетенко Александр Владимирович

*1991 года рождения,
учащийся 9 класса МОУ «Лицей № 2» г. Нальчика,
обучающийся ГОУ ДОД «РЦ НТТУ»*

Плетенко Александр Владимирович обучается в Республиканском центре научно-технического творчества учащихся 6 лет, с пятого класса. В школе учится на «отлично».

Александр является членом президиума КБО ВАКО «Союз», лауреатом Всероссийского конкурса «Космос» (2004 г.), победителем Всероссийской конференции школьников и студентов «Космонавтика и ракетная техника» (2006 г.), лауреатом Всероссийской олимпиады-конкурса «Созвездие» (2005 г.) в секции «Сверхлегкие летательные аппараты», участ-

ником Международной научно-образовательной конференции-выставки «Научно-техническое творчество и моделизм в XXI веке».

Неоднократно участвовал и становился победителем Республиканских конференций научно-технического творчества. В 2002 г. принял участие в профильной научно-технической смене в ВДЦ «Орленок».

Область интересов: воздухопостроение и танкостроение. В настоящее время занимается учебно-исследовательской работой на базе Государственного учреждения дополнительного образования детей «Республиканский центр научно-технического творчества учащихся» и КБГУ им. Х.М. Бербекова под руководством кандидата технических наук, доцента КБГУ В.М. Хатухова, педагогов дополнительного образования А.М. Лутай, В.Р. Муфтиева в области воздухопостроения.

Скиба Никита Сергеевич

1990 года рождения,

учащийся 11 класса МОУ СОШ № 18 г. Нальчика,

обучающийся ГОУ ДОД «РЦ НТТУ»

Никита Сергеевич Скиба обучается в Республиканском Центре научно-технического творчества учащихся в течение 3 лет. В школе учится на «отлично».

Имеет разносторонние интересы в области философии, культурологии, истории, программирования вычислительной техники, виртуального дизайна, физики и астрономии.

Никита является неоднократным победителем городских и Республиканских олимпиад в области физики, истории, технологии, географии, Республиканских научно-практических конференций «Космос, Космонавтика, Созвездие».

В 2006 году стал обладателем 1 места на VII Всероссийской олимпиаде-конференции «Созвездие» в номинации «Компьютерные технологии и дизайн».

Под руководством заведующего отделом научно-исследовательской и конструкторской работы ГОУ ДОД РЦ НТТУ Г.З. Науянис разработан и готов к размещению в сети Интернет сайт «Астрономия, астрофизика, космонавтика в КБР».

Летом 2006 года стал студентом КБГУ им. Х.М. Бербекова по специальности «Информатика и управление».

* * *

РОДНОЙ ЯЗЫК – ДУША МОЯ, МОЙ МИР

(«*Си бзэ-си псэ, си дуней*»-2006)

(«*Ана тилим – жаным тиним*»-2006)

Завершился 7-ой фестиваль-конкурс «Родной язык – душа моя, мой мир». В этом году в сценарий проведения конкурса привнесены некоторые изменения. Он прошел в форме фестиваля, а также впервые в нем принимали участие учителя балкарского языка и литературы. Новшеством фестиваля стали и конкурсы учащихся – победителей районных конкурсов.

Конкурс «Родной язык – душа моя, мой мир» начат был по инициативе газеты «Адыгэ псалъэ» (главный редактор – М.М. Хафицэ) в январе 1999 года. Координаторами конкурса были Министерство образования и науки КБР, газета «Адыгэ псалъэ». В 2000 году в группу координаторов включилась общественная организация «Къэбэрдей Адыгэ Хасэ», в 2001 году изъявили желание стать координаторами данного конкурса Международная Черкесская Ассоциация и Дом радио. Ежегодно число координаторов увеличивалось – в 2002 году – магазин «Адыгэ унэ», а в 2003 году – ИПКиПРО КБГУ стали координаторами конкурса, а в 2006 году координаторами уже фестиваля «Родной язык – душа моя, мой мир» (с элементами конкурса) заявили себя Министерство образования и науки КБР (министр образования и науки КБР – С.Х. Шахагпсоев) совместно с республиканскими газетами «Адыгэ псалъэ» (главный редактор – М.М. Хафицэ), «Заман» (главный редактор – Ж.Ж. Агтаев), «Кабардино-Балкарская правда» (главный редактор – С.Н. Жемухов), с общественными организациями «Къэбэрдей Адыгэ Хасэ» (глава – М.М. Хафицэ), Международная Черкесская Ассоциация (президент – К.Ф. Дзамихов), «Алан» (тамада – С.У. Беппаев), ИПК и ПРО КБГУ (директор – Н.Г. Емузова), филиал ГУП ВГТРК «ГТРК «Кабардино-Балкария» (директор – Р.М. Жанимов), ИГИ КБНЦ РАН (директор – Х.М. Думанов), ГП КБР «Издательство «Эльбрус» (директор – Р. Х. Ацканов), ГУП «Центр «Книга»» (директор – А.Х. Шаваева), магазин «Адыгэ унэ» (директор – Утиж М.)

В целях совершенствования изучения родного языка и литературы, приобщения подрастающего поколения к материальной и духовной культуре народа, к его истории, традициям и обычаям, определения образовательных учреждений и учителей, успешно справляющихся с этой важной задачей, Министерство образования и науки КБР совместно с вышеперечисленными координаторами проводят ежегодный республи-

канский конкурс «Язык мой – душа моя, мой мир».

Фестиваль направлен на формирование нравственных качеств личности и интернационально-патриотических чувств в условиях многонациональной республики, сохранение и поощрение развития языков народов КБР, содействие взаимному ознакомлению подрастающего поколения с традициями, обычаями, искусством и культурой народов, проживающих в Кабардино-Балкарии, на развитие творческой деятельности педагогических коллективов по совершенствованию содержания образования по родным языкам, рост профессионального мастерства учителей родных языков, распространение опыта работы лучших образовательных учреждений КБР, содействующих сохранению и развитию родного языка, приобщению детей к духовной культуре, литературе, искусству, истории народа, утверждение приоритетов воспитания в обществе на национальных традициях и обычаях.

Фестиваль-конкурс «Родной язык – душа моя, мой мир» позволяет выявить творчески работающие педагогические коллективы и отдельных учителей по сохранению и развитию родного языка, по воспитанию подрастающего поколения на лучших традициях народа, раскрывает эффективные методы воспитания, приобщения к национальной культуре, народным обычаям. Участие в фестивале-конкурсе способствует развитию творческого потенциала и повышению профессиональной квалификации педагогов, выявлению и поддержке талантливых (одаренных) детей, повышению интереса учащихся к изучению родного языка, приобщению детей к духовной культуре, литературе, искусству, истории народа.

Сохранение и развитие родного языка было, есть и будет одной из приоритетных задач образования.

Фестиваль-конкурс представляет собой массовый, развернутый уникальный педагогический эксперимент по совершенствованию содержания образования и методов обучения родному языку и литературе.

В конкурсе только в этом году приняло участие свыше 250 человек.

На конкурсные мероприятия были приглашены более 30 человек – известных в республике ученых, поэтов, писателей, актеров, ветеранов войны и труда. Проведено более 180 мероприятий (уроков кабардинского, балкарского языков и литератур, внеклассных и внешкольных мероприятий, уроков по разным предметам, отражающих реализацию национально-регионального компонента образования (страноведение, народоведение), кружковой работы).

Председатели жюри Л.Ф. Балова и Л.Р. Ахаева отметили, что конкурс имел определенный накал, конкурсанты отнеслись к своему представлению так серьезно, что было трудно определить победителей. Все школы показали содержательную работу. В конкурсе участвовало немало учителей – мастеров своего дела. Уроки были проведены на высоком методическом уровне и соответствовали требованиям современного, развивающего урока.

Были отмечены муниципальные органы управления образованием

Баксанского, Зольского, Лескенского, Урванского, Терского, Чегемского, Черекского, Эльбрусского районов, Департамента образования и науки г. Нальчика, образовательные учреждения которых приняли активное участие в мероприятиях фестиваля-конкурса «Родной язык – душа моя, мой мир», где представили богатый материал, отражающий большую плодотворную работу по воспитанию подрастающего поколения, сохранению и развитию родного языка, приобщению детей к духовной культуре народа, его истории, обычаям и традициям.

Все руководители образовательных учреждений, методисты районных и городских отделов управления образованием, учителя – участники смотра-конкурса получили консультацию о порядке проведения мероприятий по конкурсу. Каждый участник смотра-конкурса представлял свою программу проведения мероприятий.

Конкурс завершен, и члены жюри уже дали объективную оценку каждому образовательному учреждению и педагогу-участнику. На основании результатов обсуждения и голосования жюри республиканского конкурса «Родной язык – душа моя, мой мир» единогласно присудило:

(по средним общеобразовательным школам)

Гран-При – МОУ «Лицей №1» с. Атажукино Баксанского района (директор – Молова Хацаца Биевна) – Приз Международной Черкесской Ассоциации.

Гран-При – МОУ СОШ с. Яникой Чегемского района, (директор – Хаджиев Хасан Сулейманович) – Приз газеты «Заман».

1-е место – МОУ «СОШ №1» с. Каменноостокское Зольского района, (директор – Мурзаканов Салим Ахмедович).

МОУ «СОШ №2» г. Тырныауз Эльбрусского района, (директор – Гулиев Х.О.) – Призы МОН КБР.

2-е место – МОУ «СОШ №2» с. Лечинкай Чегемского района, (директор – Ташев Хасан Забиевич) – Приз МОН КБР.

МОУ СОШ №28 г. Нальчика, (директор – Жеттиева Раиса Мустафиевна) – Приз МОН КБР.

3-е место – МОУ «Лицей №2» г. Нальчика, (директор – Мальбахов Борис Касбулатович).

МОУ «СОШ» с. Терекское Терского района, (директор – Жилиев Борис Сафарович) – Призы Къэбэрдей Адыгэ Хасэ.

МОУ СОШ с. Верхний Баксан, Эльбрусский район, (директор – Узденова Балкызы Жарахматовна) – Приз Республиканской общественной организации «Алан».

МОУ СОШ с. Бабугент Черекского района, (директор – Мокаев Даниял Халимович) – Приз Республиканской общественной организации «Алан».

(по дошкольным образовательным учреждениям и НШДС)

1 место – НШДС с. Арик Терского района (директор – Георгиева Феодосия Мулидовна) – Приз МОН КБР.

МОУ НШДС №74, (директор – Хочуева Зайнаф Таукановна) – Приз МОН КБР.

2 место – НШДС с. Баксаненок Баксанского района (директор – Абрегова Хабляца Башировна) – Приз газеты «КБП».

3 место – ДО МОУ «Лицей №1» с. Атажукино Баксанского райо-

на, (директор – Молова Хацаца Биевна) – Приз ГП КБР «Издательство «Эльбрус».

Лучшее внеклассное мероприятие – МОУ СОШ с. Камлюково Зольского района.

МОУ СОШ с. Жанхотеко Баксанского района, учитель Хаджиева Людмила Юсуповна – Приз Дома радио

Лучший кабинет кабардинского языка и литературы:

МОУ СОШ № 17 г. Нальчика – учитель Тхашугоева Арина Аскербиевна.

МОУ СОШ с. Тамбовское Терского района – учитель Шомахова Дуся Михайловна.

Лучший кабинет балкарского языка и литературы: МОУ СОШ с. Янкой Чегемского района – Тохаева Тамара.

«Лучшим учителем кабардинского языка и литературы» признана Гурижева Зарема Шафиговна, – учитель кабардинского языка и литературы МОУ СОШ № 3 с. Каменноостекское Зольского района.

«Лучшими учителями балкарского языка и литературы» признаны:

Этезова Ф.И. – МОУ «Гимназия» г. Тырныауз,

Джангуразова Л.Х. – МОУ СОШ с. Бабугент,

Гелястанова Л.О. – МОУ СОШ № 27 г. Нальчика.

«Лучшим учителем начальных классов» (преподавание на кабардинском языке) – Шорова С. И. – учитель начальных классов МОУ СОШ № 1 с. Атажукино Баксанского района.

(преподавание на балкарском языке) – Шунгарова А.Д. – МОУ НШДС № 74 г. Нальчик.

«Лучшим учителем кабардинского языка в дошкольных группах» – Балкарова Н. М. – воспитатель ДО МОУ СОШ с. Терекское Терского района.

«Лучшим учителем балкарского языка в дошкольных группах» – Каркаева З.А. – НШДС № 74.

Лучшими (доклады на тему «Совершенствование содержания и методики преподавания родного языка и литературы) признаны:

– учитель кабардинского языка и литературы МОУ СОШ № 1 с. Шалущка Чегемского района Багова Марьям;

– учитель балкарского языка и литературы МОУ СОШ № 3 с. Кенделен Газаева Аслижан.

Специальными призами награждены самый старейший педагог-участник конкурса – Карданова Хуамей (СОШ № 2 г. Нарткала) и самые юные участники фестиваля Гупсешева Залина – учитель кабардинского языка и литературы МОУ СОШ с. Ст. Урух и Гучакова Мадина – учитель кабардинского языка и литературы МОУ СОШ с. Ст. Урух.

Многие учителя и образовательные учреждения стали лауреатами в различных направлениях фестиваля.

Координаторы конкурса ИГИ КБНЦ РАН, филиал ГУП ВГТРК «ГТРК «Кабардино-Балкария», газеты «Адыгэ псалъэ» и «Кабардино-Балкарская правда» наградили дипломами и призами победителей конкурсов учащихся.

Ветераны педагогического труда

Путешествие длиной в 60 лет

Ровно 60 лет трудится в Аушигерской общеобразовательной средней школе Махмуд Амбияевич Шхагапсоев. Мы попросили его рассказать о своем педагогическом пути. А у читателя есть возможность сравнить прошлое в системе образования с настоящим.

Лето 1941 года не предвещало ничего необычного. Вся страна жила в ритме созидания. Если были политические проблемы – население об этом не информировалось. Традиционный выпускной вечер проводился в единый день – 22 июня. И именно в этот день первые вражеские бомбы разорвались на нашей земле.

Весть о начале войны дошла до жителей селения Аушигер позже. Под громкий плач женщин и детей один за другим уходили на фронт мужчины. На полях оставался урожай, засеянный отцами, мужьями и братьями. Все оставшиеся на селе жители понимали, что необходимо убрать все до последнего колоска, что их труд вливается в общий труд по борьбе с ненавистным врагом. Школьники продолжали учиться, но практически время учебы было непродолжительным. Большею частью школьники наравне со взрослыми пахали, капали, сеяли, пололи и убирали урожай. Особенно много работы доставалось юношам.

К тому времени, когда немцы дошли до Кабардино-Балкарии, в селе не оставалось ни одного парня, достигшего 17-18-летнего возраста. Юноши-старшеклассники летом проходили двухмесячные сборы в военных лагерях. Здесь практически не кормили, а 300 граммов хлеба лишь не давали умереть с голоду. С этих сборов они возвращались исхудалые, обессиленные, и тут же наступала уборочная страда, где эти юноши выполняли самые трудоемкие работы.

Учеба в школе то прерывалась, то возобновлялась. Это зависело не только от предстоящих работ, но и от наличия учителей. Учителями возвращались только что окончившие школу выпускники или же вернувшиеся с войны раненные односельчане, а также инвалиды, не отправленные на войну.

Махмуд Шхагапсоев окончил школу в 1946 году. Вопрос о выборе профессии был уже решен. Престиж учителя в те времена был ни с чем не сравним. Шхагапсоев поступил в педагогический институт, но, проучившись всего один месяц, он со своим лучшим другом Балатоко Хажмуратовичем Черкесовым (ныне кандидат химических наук) сбежал в село. Весть об отмене стипендии вспугнула их. Махмуд Амбияевич вернулся в родную школу старшим пионервожатым. Это было 12 января

1947 года. Так начался трудовой педагогический путь М.А. Шахапсоева. Но недолго пришлось ему трудиться в этой должности. Случился инцидент, который сегодня кажется безумным. За только что вернувшегося с войны парня вышла замуж без предварительного уведомления власти учительница начальных классов. За этот «проступок» она была приговорена к двум годам лишения свободы. Шахапсоев тут же был направлен на краткосрочные педагогические курсы. По их окончании класс осужденной учительницы был передан ему.

Труд учителя на селе был самым почетным. Это обязывало педагогических работников работать на высшем уровне. Все свои силы, время и мастерство направляли на воспитание и обучение подрастающего поколения. Время было сложное, послевоенное. Во многие семьи не вернулись отцы и мужья. Овдовели жены и осиротели дети. Голод и послевоенная разруха еще больше осложняла жизнь. Если и приходилось школьникам уклоняться от учебы, то причиной тому было отсутствие одежды, обуви. Люди, пережившие войну, разруху, голод жаждали получить знания. Желание учиться преодолевало все трудности.

Учебу продолжали не только школьники, но и их учителя. Вынужденные в трудные военное и послевоенное времена прийти в школу с незначительной подготовкой, они осознавали, что им необходимо пополнить свои знания. Так и Шахапсоев первоначально восстановился в педвузе, а затем поступил и окончил географический факультет Орджоникидзевского педагогического института имени Коста Хетагурова.

Преподавала в Аушигерской школе и супруга Махмуда Шахапсоева Жанцук Аслановна.

Вспоминает Махмуд Амбияевич такой эпизод из семейной жизни: «Это сейчас звучит банально, но по тем временам этот случай как никакой другой показывал, как почетен был педагогический труд. На нашу свадьбу мы пригласили и представителей сельского совета. В комнате стояла одна единственная старая деревянная кровать. Гостей, конечно, посадили на почетное место, то есть на эту кровать. Не успели они разместиться и усесться, как она рухнула. Но это помогло нам здорово. Тут же председатель совета пообещал нам две железные кровати. Купить вне очереди, безусловно, за наш счет. Но эти кровати были равносильны приобретению двух автомобилей. И вообще для учителей всегда были привилегии. Им в первую очередь давали возможность приобрести все товары, какие только поступали в сельские магазины».

В глазах этого мудрого человека и сегодня горят искорки, когда он говорит о школе, кажется, о только что начатом любимом деле, в котором не успел ни разочароваться, ни почувствовать усталости. Все 60 лет прошли как на одном дыхании. Были и есть трудности, но они всегда разрешимы, считает он, если только действовать в командном духе: школа – семья. По мнению педагога, современное образование начинает «хромать» именно из-за того, что каждый участник воспитания и образования детей начинает делить свои полномочия. Школа ограничивается так называемым государственным стандартом, а родители уверены, что

их обязанности ограничиваются тем, чтобы одеть и накормить своих чад. А все, что остается между этими чертами или же за их пределами и привело к сегодняшним страшным явлениям – наркомании, беспризорности, детской преступности.

«Для педагогического работника не было ничего важнее своей деятельности, – продолжает рассуждать Шхагапсоев. – У нас был ненормированный рабочий день. Мы даже не следили за тем временем, сколько находились в школе. Особую силу в деле воспитания и обучения имели детские общественные организации. К сожалению, их уничтожение сильно отрицательно повлияло сегодня на всю систему образования. Ученические советы самоуправления могли на таком уровне действовать на сознание школьников, что на современном этапе такое влияние трудно удастся всему педагогическому коллективу. Безусловно, процесс инструктирования учеников-лидеров проводился учителями, но функцию влиятельного воздействия на сверстников выполняли сами члены учкома. Весь учебно-воспитательный процесс в школе проводился совместными усилиями. Здесь не было сторонних наблюдателей. Все были едины в решении любых назревших проблем.

Необычайно тесной была связь с родителями. Эта связь заключалась не в разовых посещениях родительских собраний и внесений родительских взносов на разные мероприятия, как сегодня. Каждый родитель ежедневно получал всю информацию о поступках своего ребенка и принимал активное участие в судьбе ребенка. Надо учесть то, что не было ни телефонов, ни, тем более, интернетов. Были даже ночные обходы. Знали буквально все о своем ученике, за каким столом выполняет домашнее задание, в какой постели спит, каков режим дня. Вместе с родителями обсуждали, почему ребенок стал хуже учиться, что могло на это повлиять, и где эти причины кроются – в домашней или школьной среде. Здесь важно отметить функцию классного руководителя. Именно он обязан был поддерживать эту связь. Не дай Бог, если хотя бы один раз он не успел или забыл проинформировать родителей про какой-либо пусть даже незначительный проступок ученика, ему предстоял отчет перед всем коллективом на педагогическом совете. А старые кадры, безусловно, помнят, что означало выступить на педсовете с «оправдательной» речью. Такой классный руководитель практически не имел права на самозащиту и, тем более, на защиту коллег. Да, это было время строгого контроля, но это позволяло избегать впоследствии «трудных» учеников. Тогда даже понятия такого не было «трудный», «трудновоспитуемый». Были школьники, которым трудно давалась учеба в силу природных, социальных, преетственных и иных причин, но злостных нарушителей, тем более в сельских школах, однозначно не было. Выражение «стоит на учете» у нас появилось сравнительно недавно. И тоже для сравнения скажу, оно раньше появилось в городских школах, а теперь, к огромному сожалению, и в сельских школах ставят на учет, так называемых «трудновоспитуемых».

Немного хочу сказать о главном педагогическом собрании – о пед-

совете. У нас, особенно молодых, накануне педсовета волосы дыбом вставали. Это были не просто традиционные собрания, на которых заслушивались отчеты по результатам четверти или года. Они носили нравственно-воспитательный характер. Без тщательной предварительной подготовки невозможно было выступить перед коллегами. Всегда можно было ожидать вопросы на засыпку, на которые каждый должен был готов отвечать. Директора школ были строгие. Они в основном были бывшие офицеры-политруки, командиры. Сдавали письменные и устные отчеты.

По «двойкам» был особый спрос. Они выставлялись редко, но только самым слабым ученикам, когда учитель перепробовал все возможные методы по усвоению материала. Но и после выставления этой отметки ответственность не снималась с учителя. Здесь подключались классный руководитель и родители и вместе добивались исправления злополучной двойки. Классный руководитель нес ответственность и за вступление в детские общественные организации. При всех его заслугах он не мог получить наград и званий, если его класс полностью не был принят в общественную организацию.

Большое значение имела и наставническая работа. Молодой педагог, придя в школу, сразу же имел возможность получить любую методическую помощь от опытного учителя.

Особо хочу отметить поборы, которые сейчас вошли в моду. Всего один пример, который показывает, что с этим явлением в те времена проблем вообще не было. Вспоминается случай. Двум учительницам на Женский праздник 8 марта подарили духи «Кармэн» и зубной порошок, за что им вынесли выговор. После этого директор школы разрешил брать в подарок... поздравительные открытки».

За время трудовой деятельности Махмуд Шхагапсоев избирался секретарем партийной организации, председателем профсоюзного комитета, председателем исполкома сельского совета. Много теплых воспоминаний о периоде, когда работал заместителем директора по воспитательной работе. «Это очень интересная, но и ответственная должность, – говорит Махмуд Амбияевич, – в твоих руках весь воспитательный процесс в школе. Там, где нет воспитания, не может быть обучения. К сожалению, некоторое время понятие «воспитание» ушло на задний план, и результаты стали налицо. Сейчас как бы спохватились и больше начали говорить о воспитании. Неоценима роль трудового воспитания. За время пребывания в трудовых лагерях сколачивался дружный коллектив, школьники здесь не только трудились, но и отдыхали, велись воспитательные мероприятия. Считаю, необходимо возродить это дело».

А годы работы в должности заместителя директора по учебно-воспитательной работе Шхагапсоев считает самыми трудными: «Здесь несешь ответственность практически за весь учебно-воспитательный процесс. А чтобы соответствовать этой должности, сам должен быть во всем примером. Это и понятно, чтобы прийти к другому учителю с проверкой, необходимо самому во всем быть подкованным. Нельзя указы-

вать на недостатки других, когда сам недостаточно компетентен. Анализ одного урока предусматривает столько вопросов, что здесь невозможно выделить главное и второстепенное».

Каждый человек-труженик имеет право с гордостью говорить о своих заслугах, о регалиях. Наш собеседник лишь отметил, что вся его заслуга в том, что делал и делает все возможное, чтобы выходцы из родного села, воспитанники старейшего учителя, стали настоящими гражданами своей страны, своего народа. Нет для учителя большей славы, чем слава, пришедшая к нему через его воспитанников. А таких воспитанников у Махмуда Амбияевича Шхагапсоева не десятки, а сотни. Достаточно назвать некоторых из них, широко известных как у нас в республике, так и за ее пределами – Журтов Биберд, Гутов Адам, Бицуевы Георгий, Юрий, Анатолий, Слонов Людин, Каров Буденный, Хаховы Сафарби и Заурби, Шхагапсоевы Сафарби, Заурби, Аслан, Кашироков Азрет, Мукожевы Анатолий и Арсен, Жабалиев Борис, Кардановы Руслан и Хасан и многие другие.

И сегодня (!) Махмуд Амбияевич на любимых уроках географии уже очередной раз путешествует по всему миру, знакомя своих учеников со странами и континентами, и при этом всегда старается воспитать в своих подопечных любовь к земле, на которой родились.

* * *

Безопасность образовательных учреждений

Министерством образования и науки КБР разработана и реализуется комплексная многоуровневая система обеспечения безопасности образовательных учреждений КБР при тесном взаимодействии с правоохранительными органами Кабардино-Балкарии и Главным управлением МЧС РФ по КБР, с привлечением материальных и финансовых возможностей органов местного самоуправления, муниципальных органов управлений образованием и образовательных учреждений.

Приоритетность обеспечения безопасности образовательных учреждений республики является одной из важнейших составляющих государственной политики в области образования. Эффективная система мер обеспечения безопасности реализуется с учетом специфики образовательных учреждений и вероятности возникновения тех или иных угроз путем поддержания безопасного состояния объекта в соответствии с нормативными требованиями. В целях реализации Республиканской целевой программы «Безопасность образовательных учреждений на 2005-2008 годы» в Министерстве образования и науки КБР на основании приказа «Об усилении мер безопасности в общеобразовательных учреждениях и учреждениях начального профессионального образования» назначен ответственный за оказание методической и практической помощи муниципальным органам управления образованием по обеспечению безопасности общеобразовательных учреждений, взаимодействию и координации в данной области с правоохранительными органами

республики, Главным управлением МЧС РФ по КБР. Определен ответственный в этом вопросе и в каждом муниципальном органе управления образованием, а также во всех школах республики введены должности заместителя директора по военно-патриотическому воспитанию или же возложены функции обеспечения безопасности на заместителей директоров по учебно-воспитательной работе.

Федеральным агентством по образованию Министерства образования и науки РФ в 2004 и 2005 годах для сельских школ и интернатных учреждений Кабардино-Балкарской республики закуплено и поставлено 36 комплектов противопожарного оборудования на сумму более 16 миллионов рублей. В 2006 году за счет республиканского бюджета установлены 11 комплектов оборудования. С начала 2007 года предусмотрена поставка противопожарного оборудования из республиканского бюджета.

По результатам проведенных совместно с Управлением вневедомственной охраны при МВД КБР инженерно-технического и финансового мониторингов установлено 185 кнопок тревожной сигнализации, из них выведено на пульт отдела вневедомственной охраны 32, предусматривается дополнительная установка кнопок в еще 84 образовательных учреждениях. Часть общеобразовательных учреждений пользуется услугами вневедомственной охраны и частных охранных агентств. Предусматривается также использование постов милиции.

Состояние мер по антитеррористической защищенности объектов образования рассмотрено в августе текущего года на заседании Региональной антитеррористической комиссии КБР, на совещаниях у Президента республики, в Правительстве КБР, в Управлении Федеральной службы безопасности РФ по КБР.

Методическая помощь в разработке и согласовании планов обеспечения антитеррористической защищенности и пожарной безопасности оказывались путем подготовки и направления инструктивного письма по данным вопросам руководителям муниципальных органов управления образованием. С этой же целью в конце сентября проведен семинар с участием специалистов Главного управления МЧС РФ по КБР, Института повышения квалификации и переподготовки работников образования КБГУ, ответственных за работу по линии ГО ЧС и заместителей директоров общеобразовательных учреждений г. Нальчика по военно-патриотическому воспитанию, на которых возложены функции обеспечения безопасности.

Материалы подготовила Гайшат Бейтуганова

Пути АЛОКОВА

О республиканском этапе Всероссийского конкурса методических пособий (методических материалов) на лучшую организацию работы по патриотическому воспитанию среди обучающихся «Растим патриотов России» (среди педагогов)

Общие положения

Республиканский этап Всероссийского конкурса методических пособий (методических материалов) на лучшую организацию работы по патриотическому воспитанию среди обучающихся «Растим патриотов России» (среди педагогов) (далее – Конкурс) проводится в соответствии с мероприятиями Министерства образования и науки КБР, реализуемых в рамках государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы» в целях повышения статуса патриотического воспитания в образовательных учреждениях, обновления содержания, внедрения инновационных технологий на основе отечественных традиций и современного опыта.

Конкурс призван способствовать:

- активизации работы педагогов в образовательных учреждениях общего, начального профессионального, среднего профессионального и дополнительного образования детей, общественных организациях в области патриотического воспитания детей и молодежи;
- выявлению и представлению лучшего опыта работы в данном направлении;
- использованию актуальных и перспективных программ и методик в практике образовательных учреждений, общественных организаций по патриотическому воспитанию детей;
- созданию информационного банка существующих методических разработок по патриотическому воспитанию в образовательных учреждениях;
- отбору и изданию лучших методических пособий

Участники Конкурса

На Конкурс могут быть представлены методические пособия (методические материалы) педагогических работников и педагогических коллективов образовательных учреждений (в том числе кадетских школ (школ-интернатов), центров, военно-патриотических клубов), детских общественных объединений, а также специалистов других министерств, ведомств и организаций Российской Федерации.

Руководство Конкурсом

Учредителем Конкурса является Министерство образования и науки КБР. Подготовку и проведение Конкурса осуществляет Оргкомитет (приложение). Оргкомитет утверждает состав жюри по каждой номинации.

Конкурс проводится по следующим номинациям:

– Методика организации и проведения военно-полевых сборов, проведения военно-тактических игр и соревнований по военно-спортивным и техническим видам спорта.

– Методика организации и проведения: «Уроков Мужества», торжественных мероприятий, посвященных памятным датам.

– Образовательные программы в области патриотического воспитания, по военно-прикладным и техническим видам спорта.

– Методические материалы по организации возрождения всероссийского тимуровского движения по оказанию помощи ветеранам и вдовам погибших и умерших участников Великой Отечественной войны, локальных войн и конфликтов.

Время и порядок проведения Конкурса

Конкурс проводится с августа по октябрь 2006 года.

Для участия в Конкурсе в адрес Оргкомитета (360028, г. Нальчик, пр. Ленина, д. 27, Министерство образования и науки КБР с пометкой «Всероссийский конкурс «Растим патриотов России») до 1 октября 2006 г. необходимо выслать (не более 3 работ) следующие документы:

1. Заявку, подписанную руководителем образовательного учреждения (общественной организации), где работает автор (авторы), с указанием номинации, сведений об авторе (авторах) (фамилия, имя, отчество, год рождения, образование, место работы, должность, стаж работы, адрес и телефон образовательного учреждения и автора, сведения об организации).

2. Тексты материалов в печатном виде, а также на электронных носителях (дискетах, компакт-дисках) в текстовом редакторе «Word for Windows 6.0»

Материалы, представляемые на Конкурс, после подведения итогов и объявления победителей хранятся в МОН КБР в течение 3 месяцев.

**Требования к оформлению документов,
представляемых на Конкурс**

1. Титульный лист.

На титульном листе указываются полностью: название материала, фамилия, имя, отчество, место работы, должность, адрес, телефон автора (авторского коллектива).

2. Пояснительная записка.

Пояснительная записка должна содержать: область применения, возраст обучающихся, цели и задачи; ожидаемые результаты; формы и методы реализации; тематическое содержание; перечень литературы для обучающихся и педагогов; основные знания, умения и навыки, характеризующие результативность усвоения материала; необходимое материально-техническое обеспечение: перечень использованной литературы.

3. Содержательная часть.

Критерии оценки:

1. Новизна и актуальность представляемых материалов.

2. Педагогическая целесообразность отбора содержания, средств, ме-

тодов и форм работы в данном направлении.

3. Учет национально-региональных особенностей.

4. Творческий подход к разрабатываемой теме.

5. Результативность.

6. Возможность использования данных материалов в образовательных учреждениях.

Подведение итогов Конкурса

Победителями Конкурса стали авторы 4-х лучших работ, которые награждаются дипломами МОН КБР, материалы направлены в Москву для участия во Всероссийском Конкурсе «Растим патриотов России»:

– МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 7 г. Баксана» (авторы: директор – С.Б. Пекова, преподаватель ОБЖ – А.М. Абазов);

– МОУ «Гимназия № 29» г. Нальчика (авторы: директор – Т.И. Смирнова, зам.директора по ВР – М.М. Алехина);

– МОУ ДОД «Районный центр детского творчества» Прохладненского района (директор – Т. В. Полухина, авторы: методист – Е.Н. Ахматова, педагог-организатор – Е.Н. Митюнкова);

– МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 3 г. Баксана» (директор – З.И. Анищенко, автор – учитель истории, обществознания Е.Г. Лысенко).

Примечание

Телефон для справок в МОН КБР: 47-23-46 (отдел воспитательной работы и дополнительного образования).

Валерия АЛАФАЕВА

ПЕРЕВОДЫ

WILLIAM SHAKESPEARE

Sonnet 141

In faith, I do not love thee with mine eyes,
For they in thee a thousand errors note;
But 'tis my heart that loves what they despise,
Who, in despite of view, Is pleas'd to dote;
Nor are mine ears with thy tongue's tune delighted,
Nor tender feeling, To base touches prone.
Nor taste, nor smell, desire to be invited
To any sensual feast with thee alone:
But my five wits nor my five senses can
Dissuade one foolish heart from serving thee,
Who leaves unsway'd the likeness of man,
Thy proud heart's slave and vassal wretch to be:
Only my plague thus far I count my gain,
That she that makes me sin, awards me pain.

Клянусь, я не влюблён в тебя глазами:
Для них в тебе видны изъяны все.
Лишь сердце, ничего не замечая,
Рождает песнь хвалебную тебе.
Мой слух своей не усладишь ты речью
И не прильнёшь ты с нежностью ко мне,
И приглашённым быть на тайну встречу
С тобой – всё это не подвластно мне.
И все пять чувств моих не в состоянии
Уверить сердце глупое одно,
Что, если хочет избежать страдания
Оно тебе служить бы не должно.
Я счастьем беду свою считаю:
Ведь от тебя страдание принимаю.

OSCAR WILDE

Impression du Matin
The Thames nocturne of blue and gold
Changed to a Harmony in grey
A barge with ochre-coloured hay
Dropt from the wharf: and chill and cold
The yellow fog came creeping down
The bridges till the houses wall
Seemed changes to shadows and St. Paul's
Loomed like a bubble o'er the town
Then suddenly arose the clang
Of woaking life; the streets were stirred
With country waggons: and a bird
Flew to the glistening roofs and sang.
But one pale woman all alone,
The daylight kissing her wan hair
Loitered beneath the gas lamp's flare
With lips of flame and heart of stone.

Из голубого с золотым
Слагает Темза свой ноктюрн,
Гармонию найдя в спокойно-сером.
От пристани, закованной в гранит,
Вниз по течению скользит,
Подобно капле, баржа с рыжим сеном.
Туман – холодный жёлтый дым –
Накрыл мосты, обнял дома
И в тени их преобразил.
И сквозь туман и город весь –
St. Paul раздулся пузырём,
Навечно закреплённым здесь.
И вот, смешав полутона,
Проснулась жизнь потоком лиц,
Свет солнца озарил дома,
Рассвет встречает пенье птиц...
Но только женщина одна
В неверном свете фонарей
Так неестественно бледна.
Целует волосы рассвет;
Огонь остался на губах,
Но в сердце не проникнул свет.

RUDYARD KIPLING

The love song of Har Dyal
Alone upon the houstops to the North
I turn and watch the lightening in the sky –
The glamour of thy footsteps in the North
Come back to me, Beloved, or I die!

Below my feet the still bazar is laid –
Far, far below the weary camels lie –
The camels and the captives of thy raid
Come back to me, Beloved, or I die!

My father's wife is old and harsh with years,
And drudge of all my father's house am I –
My bread is sorrow and my drink is tears.
Come back to me, Beloved, or I die!

На север с крыши я смотрю. Одна.
На небе – молний жаркая игра...
Твоих шагов я словно чуда жду.
Вернись ко мне, иначе я умру!

У ног моих раскинулся базар...
Издалека привёл ты караван.
И вновь уходишь, сердцу на беду.
Вернись ко мне, иначе я умру!

Стара, сварлива мачеха моя.
В отцовском доме я рабой живу...
Мой хлеб-печаль слезами я запью.
Вернись ко мне, иначе я умру!

Азгор САРБАШЕВ

***

Вдруг отступили холода	Еще лежит повсюду снег,
И солнце нежно улыбнулось.	И солнышко почти не греет,
Душа, как будто ото льда	Но вдруг, забот отринув бег,
Освободившись, встрепенулась.	Душа волнуется и млеет.

А ночью, погружившись в сны,
Она залечивает раны –
Вся в предвкушении Весны
И – в ожидании Татьяны...

***

Полночный свет за окнами струится,
И мотыльки летят на фонари, –
Я у окна сижу и мне не спится,
Так просижу и нынче до зари.

Я в тишине тихонько помечтаю,
Что ты со мною, рядом, где-то здесь.
Твое письмо я наизусть читаю
И в мыслях посылаю эту весть.

Пусть среди сна она тебя разбудит.
Ты улыбнешься сладко в тишине.
И утро для тебя счастливым будет,
И, может быть, ты вспомнишь обо мне.

***

Осенняя сырость на улице,	Деревья стоят озябшие,
Тянется день за днем,	Мокрые от дождя,
Небо тучами хмурится,	Мрачные и уставшие
Сыплет на землю дождем.	Ясного солнца ждатель.

Ветер студеный носится,
Гонит людей в дома.
В гости незвано просится
В наши края зима.

***

Ты мне сказала тост: «За нашу дружбу!»
Я верю, что такая дружба есть,
Но мне она – в безрадостную службу,
И все же я приму ее за честь.

Мне нравится бывать с тобою рядом,
Руки коснуться невзначай, слегка,
Встречать и провожать особым взглядом,
Чтоб чувствовала ты издалека,

Как я тебя к друзьям своим ревную,
Пусть даже это брат по ремеслу.
Смеешься с ними, и тогда бревну я
Уподобляюсь, жду тебя в углу.

Наверно, ты всего не замечаешь,
Я ж твое слово и твой взгляд ловлю.
Не вытерплю я – и тогда узнаешь,
Как старомодно я тебя люблю!

***

Ты в жизни мало видела хорошего –
Все крутишься для дома, для семьи.
Прошу тебя, присядь, моя хорошая,
Чтоб мог я посмотреть в глаза твои.

Хотел тебе найти слова попроще я,
Ты только на меня так не смотри.
Поговори со мной, моя хорошая,
О чем-нибудь со мной поговори.

Уже виски присыпало порошею,
Зато в глазах все тот же блеск зари.
Ты посиди со мной, моя хорошая,
Поговори со мной, поговори...

***

Вот еще одно лето тихонько прошло,
Прозвенело и кануло в Лету.
Наше время с тобою еще не пришло –
Затерялось, наверное, где-то.

Потому мы чужие с тобою пока,
Хоть и видимся изредка, мельком.
Разговоры ведем, словно издалека,
Как при встрече с чужим человеком.

Только чудится что-то в улыбке твоей
И во взгляде веселом, открытом,
Будто манит меня ветер вольных полей,
Будто тянет к тебе магнитом.

Жаухар АППАЕВА

ПРИГОВОРЕН СУДЬБОЙ

Заур Жириков – композитор многожанровый, хотя отдает предпочтение классической эстрадной песне. В Кабардино-Балкарии ему удалось поднять этот жанр на европейский уровень, сохранив в то же время в нем кабардинский колорит.

Песни Жирикова, напоенные светом и теплом, согретые искренним чувством, посвящены жизни и судьбе человека. Определенное место в творчестве композитора отведено жанрам музыкального театра – музыкальной сказке, музыкальной комедии. Он также автор музыки ко многим драматическим спектаклям. Природа наградила его не только композиторским даром, но и умением мыслить глубоко, философски.

Происхождение человека, место его рождения накладывают определенный отпечаток на его жизнь, а если это творческая личность, то и на его искусство. В этом смысле Заур не исключение.

– В детские годы, – рассказывает Жириков о своих корнях, истоках своего творчества, – я воспитывался у бабушки по матери в селении Алтуд. Может, мне казалось, но это было удивительно музыкальное село. В то время там еще витал дух Индриса Кажарова, популярнейшего в довоенное время гармониста, сочинителя незабываемых до сих пор песен. Чего у меня тогда было больше всего, так это впечатлительности. До сих пор в моей памяти вечеринки, свадьбы, религиозные праздники, которые я не пропускал. На них исполнялось столько разнообразных песен, танцев, закиров. И все это, мне кажется, было объединено строго разработанной обрядностью.

Для Жирикова и его сверстников это был театр, где они, не подозревая того, накапливали свою духовность. Они с друзьями играли в игры, которые основывались на фольклоре, и почти каждая из них сопровождалась незатейливыми, но глубоко национальными (это он понял уже в зрелом возрасте) и удивительно мелодичными припевками. Многие из них были связаны с определенными обрядами.

Настоящим праздником был для сельчан приезд Кабардинского театра, танцевального ансамбля песни и пляски, концертных коллективов. Попасть в клуб было просто невозможно. То же самое наблюдалось и при демонстрации кинофильмов, куда Жириков ухитрялся попадать, хотя возраст еще не позволял. За что, кстати, и попадало ему.

– С таким же энтузиазмом, – вспоминает композитор дела давно минувших дней, – принимались и выступления сельской самодеятельности. До сих пор у меня на слуху песни, исполнявшиеся при вечерней заре

возвращавшимися с полей колхозницами.

Отчетливо сохранились у Заура в памяти мелодии, которые его мать наигрывала на популярных в те годы музыкальных инструментах: гармонии, мандолине, гитаре. Игре на балалайке и гитаре она обучила и сына, но, главное, она приобщила его к музыкальной культуре. Еще в начальной школе он стал участником струнного оркестра при школе. Но серьезно начал заниматься музыкой, когда был определен в интернат при нальчикской музыкальной школе № 1. Детские впечатления позже вылились в его песнях.

Затем кривая (а может, прямая) судьбы вывела Жирикова на композиторскую стезю.

– Так получилось, – рассказывает Заур, – что в самом начале творческого пути в круг моих друзей и знакомых входили люди, занимающиеся литературой, живописью, театром. Да и сам я свои первые творческие шаги начинал с пробы пера: еще в раннем детстве писал стихи. Затем судьба свела меня с тогда еще молодыми вокалистами. Случилось так, что я общался только с профессионалами, и это наложило отпечаток на все мои сочинения. В моем творчестве преобладает вокальная музыка, а так как массовому слушателю доступнее термин песенный жанр, меня принято называть композитором-песенником, несмотря на то, что я – автор ряда вокально-сценических произведений.

Я, сочинил лирическую музыкальную комедию «Тайна сердца». Либретто к ней написали Хамиша Шекихачев и Петр Кажаров. Мною созданы мюзикл «Верните нану» и комедия-водевиль «Бунт невесток» на либретто Бориса Утижева, музыка к ряду спектаклей. В моем творческом портфеле находятся музыкальная сказка «Волчий альчик», написанная на материале моей пьесы по мотивам кабардинской сказки «Больной лев», пьеса-сказка «Три газыря».

О том, что Жириков еще и детский композитор, знают далеко не все.

– Меня часто упрекают, что я мало пишу для детей, – говорит Заур. – Этот пробел я восполняю сказками, в которых немало музыки: в каждой из них звучит около двух десятков музыкальных номеров. Кроме того, я считаю, что музыка, адресованная специально детям, способна привить им вкус к музыкально-сценическим жанрам.

На вопрос, можно ли его творчество отнести к тому или иному направлению в музыке или сейчас все смешалось, автор отвечает так: «У меня преобладает классическая эстрадная песня, хотя я не ограничиваю себя этим жанром. Сейчас необходимо нашу национальную песню поднять на несколько порядков выше, но, к сожалению, время неумолимо движется вперед, а техническая оснащенность оставляет желать лучшего. Больно видеть молодых, талантливых исполнителей, которые бьются «как рыба об лед», а я не могу помочь им в подборе репертуара, обеспечении их качественными фонограммами. Аппаратура же, на которой работает весь мир, для нас недоступна. Приходится лишь разводиться руками и писать в стол, чем я и занимаюсь. Здесь без ощутимой меценатской, спонсорской помощи не обойтись».

Не удалось воплотить в реальность еще одну интересную задумку – театр-студия Жирикова. Аппаратура – это не единственная проблема, с которой столкнулся композитор. Самые большие препятствия на пути к открытию театра-студии чинят налоговые инспекции. Его почему-то приравнивают к коммерческим структурам, а это значит, что налоги просто задушат его. А ведь артистов надо одеть. Об оплате их труда и говорить-то не приходится. Между тем театр мог бы стать кузницей исполнителей современной национальной песни. Многие хотели взяться за это дело, но без пишущего, знающего, понимающего руководителя вряд ли выйдет толк. У Жирикова же была договоренность с молодыми исполнителями, лауреатами различных конкурсов Эльдаром Дымовым, Рузаной Боготовой, Илоной Коковой, Фатимой Лиевой. Был и вокальный руководитель – солистка Кабардино-Балкарского музтеатра Марьяна Даова.

Первоначально репертуар должен был состоять из произведений самого Жирикова, а затем предполагалось обогатить его лучшими образцами песен композиторов республики. Вообще, по признанию Заура, ему всегда было легко с исполнителями. Они его понимают, со многими из них у него сложились творческие, да и просто человеческие контакты.

Немало его песен обрело популярность. О судьбе некоторых из них можно судить по отзывам наших земляков, побывавших в чужих краях. Одному из них довелось их услышать в Лаосе, живя в джунглях, другому – в Германии, третьему – на Дальнем Востоке. Звучат они в Центральной России, Сибири, Санкт-Петербурге, Москве и так далее. Правда, здесь нельзя умалять заслуги одного из самых талантливых певцов Кабардино-Балкарии, обладающего поистине волшебным голосом – Заура Тутова.

К большой радости композиторов исполнительский состав республики пополняется очень талантливыми вокалистами. При умелом, правильном подборе репертуара каждый из них может внести неоценимый вклад в развитие искусства Кабардино-Балкарии.

По признанию песенника, сам он исполняет свои произведения лишь как своего рода иллюстрация, изредка позволяя себе петь на концертах, вечерах совершенно новые, никем доселе не исполнявшиеся песни.

– Я из тех композиторов, – размышляет автор, – которые считают, что пение, вокал – привилегия только профессионалов. Лишь они способны донести произведение вокального искусства до слушателя в совершенном виде. Другое дело, что со стороны талантливых исполнителей не всегда увидишь рвение к воплощению в жизнь не только моих сочинений, но и творений других композиторов республики. Здесь, наверное, надо подумать и о доступе исполнителей к нотному материалу.

Зависимость композитора двоякая – от исполнителей и от авторов текстов. Все знают, сколь разборчив Жириков в подборе стихов. Это не означает, что он ограничивает себя сотрудничеством с определенными авторами, хотя есть ряд поэтов, которым он отдает предпочтение. Это Петр Кажаров, Хабас Бештоков, Алим Кешоков, Анатолий Бицуев,

Адам Шогенцуков, Зарина Канукова и другие. Просто их поэтическое мировоззрение отвечает его мелодическому ощущению окружающей действительности. Многое из того, что его волнует, он находит в поэзии и других авторов. Особенно радует появление на поэтическом олимпе целого ряда талантливых молодых поэтов, чьи стихи кажутся ему очень интересными.

Конечно, композитор не конвейер, штампующий одну за другой песни на понравившие ему тексты, тем более что между сочинением одножанровых произведений нужно выдерживать определенное время. В этом плане, по мнению Жирикова, лучше работать одновременно над несколькими вещами, разными по форме и жанру. Так что для него важен не один отдельно взятый поэт, а в целом хорошая поэзия.

На вопрос о том, считает ли он, что его музыкальный язык соответствует духу времени, композитор отвечает так: «По моему убеждению, современен тот язык, в котором заложена извечная мысль (поэтическая, мелодическая), тревожащая, трогающая человека веками, тысячелетиями: о любви (в широком смысле этого понятия), надежде, природе, родине и многом другом. Во все времена, каким бы языком ни говорили обо всем, в чем человек ищет ответа, без чего он не может существовать, главное – мысль, заложенная в произведении, в творчестве любого автора. Никто не может утверждать, что Бах не современен, что не соответствуют духу времени Моцарт, Шуберт, Пушкин, Чайковский, Рахманинов, Шекспир и многие другие. Никто не скажет, что несовременен фольклор, обнажающий, определяющий душу любого народа. Только время способно оценить, насколько современно творчество любого автора. Оно беспощадно просеивает все через свое сито, оставляя только те крупинки, которые могут пополнить золотой запас той культуры, на почве которой оно произросло. Так что насколько актуально и современно то, что делаю я, покажет время».

Без сомнения, в этом смысле судьей будет время. Но есть еще одна сторона современного искусства – это связь с национальной культурой.

– Хочу я или нет, – говорит композитор, – я приговорен судьбой думать по-кабардински, писать по-кабардински, жить по-кабардински.

Приоткрывая завесу над таинством рождения сочинений композиторов, признается в том, что это, наверное, целая наука, и у каждого творца это таинство свершается по-разному.

– Как это происходит у меня? – размышляет З. Жириков. – Попробую объяснить в двух словах. Многое, с чем сталкиваюсь в жизни, я переживаю музыкальными образами. Это может быть музыкальная фраза, которую я называю мыслью, и как всякая мысль, она обрастает логикой, приобретает законченную форму. Причина ее возникновения может быть до бесконечности разнообразной. В общем, это неизведанная наука, в дебри которой никто особенно не углубляется, поэтому почти все говорят о процессе творчества как о чем-то исключительном, данном свыше. Ощущаю ли я исключительность своего творчества? Нет!

О З. Жирикове писали немало. Его отношение к музыкальной крити-

ке весьма своеобразно, а главное, философично.

– Критика в том виде, в каком она должна быть, – это тоже целая наука, – размышляет композитор. – Ее как таковой у нас нет. Если на страницах нашей прессы появляются статьи подобного рода, то, как правило, по поводу крупных сочинений симфонической или вокально-сценической музыки, в связи со значительным, в масштабах города или республики, событием. Между тем песня и вообще вокальный жанр – один из ведущих в музыкальном искусстве. Состояние этого жанра – это зеркало профессиональной культуры.

Создается впечатление, что наши музыковеды несколько игнорируют эту область культуры. Случается, что появляются некие доморощенные критики, которые считают, что в сочинительстве песни «съели собаку» и с высоты своей «колокольни» стараются навязать читателю совершенно непрофессиональную оценку творчества профессионально пишущих в этом жанре композиторов. Другое дело – критика благодарных слушателей. К моему большому счастью, доброжелателей, понимающих меня, не так уж и мало. И я, в свою очередь, благодарен им.

Заур Жириков вынужден думать не только о высоких материях. Приходится, так сказать, спускаться и на грешную землю и думать о том, как прожить на деньги, вырученные за сочинительство песен.

– Конечно, – размышляет он, – на эти деньги можно прожить в нормальной, цивилизованной стране, где интеллектуальный труд охраняется законом. В России же заниматься творчеством – это подвиг. Конечно же, на гонорары, установленные нашим государством за художественные произведения, жить невозможно. Поэтому, чтобы как-то прокормиться, каждому из нас приходится иметь постоянную работу, не связанную непосредственно с творчеством.

ЕЕ СТИХИ – ЭТО ПЕСНИ СЕРДЦА

В третьем номере журнала «Литературная Кабардино-Балкария» были опубликованы стихи известной балкарской поэтессы Сакинат Мусукаевой, чье творчество привлекало и продолжает привлекать читателя своей лиричностью, естественностью звучания и глубиной авторского мироощущения. Соприкасаясь с поэзией этой талантливой женщины, ощущаешь себя частицей ее поэтического мирозерцания, образного великолепия – каждая строка говорит о волнующем тебя, подвигает к осмыслению собственных дум, а главное – наделяет такой неземной силой всеобъемлющей доброты, что изнутри наполняешься чувством трепетного отношения к каждой составляющей нашего духовного и материального мира.

*И в теплых струях доброты,
Пролившейся с небес,
Дышали радостью листья,
Затих умытый лес.*

Или:

*... Чужие несчастья глубокой рекою
Текут, и терзается гром.*

Эти строки сполна характеризуют автора, его поэтический талант и подлинно гуманистическую натуру.

«Новизна и необычность ее поэзии не определяются формальными признаками: они – в особом взгляде на мир, в ощущении его вечности, неповторимости каждого мига, в тревоге за все проявления жизни, в бережном отношении к каждой травинке, к каждой улыбке, ко всем вместе и к каждому в отдельности».* Являясь продолжателем традиций национальной поэзии, С. Мусукаева достойно представила женскую «версию» поэтической реалии, дополнив родную словесность эмоционально насыщенными, образно-ассоциативными рядами авторского мировоззрения. Содержательна и ее творческая биография.

Мусукаева Сакинат Азгоровна родилась в 1957 г. в сел. Сынташ Фрунзенской области Киргизии. В 1975 г. поступила на филологический факультет (отделение балкарского языка и литературы) КБГУ. По завершении учебы стала работать редактором в издательстве «Эльбрус». С 1998 г. она – главный редактор журнала «Нюр». Член союза писателей с 1992 года.

Поэтическая страница биографии открывается сборником стихов «Жаз жауунла («Весенние дожди», 1985 г.). Восприятие и отражение

* Биттирова Т. «Стихи как тревожные сны» // «Кабардино-Балкарская правда», 1998. 22 декабря.

мира посредством образов природы – основной прием реализации авторской мысли – отчетливо просматривается в произведениях с «весенней символикой»: «Сени кёзлерингде кёреме мен жазны.../ «Ол жазда жылына келеме жашауда... («В твоих глазах вижу я весну.../Согреваясь теплом весны, иду я по жизни», стих. «Сени кезлерингде» («В твоих глазах»). *Подстр. пер. здесь и далее – Ф.У.*) Сосредоточенная в самом названии сборника тема дождя, то по-весеннему задорного, то хмуро озадаченного, также имеет у поэтессы свою этимологию, наиболее полно реализуясь в последующих книгах, и в особенности в «Эртден чыкьда» («По утренней росе», 1988), которая тематически идентифицирует предыдущую. Но здесь расширяется смысловое пространство, причем осмысление происходит на разных уровнях рефлексии. К примеру, созвучия «Жаланды,/ жаланды/ жаным»./ «Мудахды,/ мутхузду/ тангым» («Обнажена,/ обнажена/ моя душа;/ Исполнено грусти, /пасмурно/ мое утро») или «Жалан да кюеди жаным,/ Жалан да жарсыйды тангым» («Только душа моя горит, / Только печалится мой рассвет») интроспективны: они отражают психические процессы, основанные на самоощущении и самоанализе индивида. Для более точной передачи состояния автором широко используются изобразительно-языковые средства: сравнительные параллели, экспрессивно окрашенные модели. В элегическом стихотворении «Мени ариу чууакь кёзлюм» («Моя красивая, ясноглазая»), строящемся как диалог с дорогим, ушедшим из жизни человеком, они (модели) выступают с целью привлечения внимания к позитиву жизни, положительным эмоциям (в противовес общему ностальгическому тону стихотворения), вызванным ощущением радости и восторга от очаровательного «действия» привычных, зримых, и в то же время виртуально репрезентированных образов:

*Сен кёрмединг тал терекни
Суугъа ийгенин этегин.
Анда жуууна да, ойнай,
Кюннге, таулагъа да къарай,
Ол аллай ариу ийнарла
Тагъады, жазгъа ийнана.*

*Ты не увидела, как ивушка
Окунула в реку подол свой.
Купаясь, резвясь,
Глядя на солнце и горы,
Она такие красивые песни
Слагает.*

(Подстр. пер.)

Надо заметить, что для раннего творчества поэтессы характерен жанрово-тематический эклектизм. Так, наряду с романтическими стихотворениями, естественным образом присутствующими на ранних стадиях творчества любого автора утонченной медитативной лирикой, имеют место произведения, увлекающие силой внутреннего «я» и свежестью образной инфраструктуры. Таковы «Кечеги суратла» («Ночные зарисов-

ки)), «Агъач-тау къашларын тюе» («Лес и горы брови нахмутивши»), «Ашыкъдыла жылла» («Поторопились годы»), что свидетельствует о широте, многогранности поэтической мысли художника и стремлении к философскому осмыслению явлений жизни.

В 1991 году выходит в свет сборник стихов поэтессы на русском языке – «Лицом к тебе» (переводы В. Логинова). Это первая книга С. Мусукаевой, предназначенная русскоязычному читателю. Размышления о назначении поэзии, ее будущем («...она от века с трудною судьбой. Какой ей быть...») всецело захватывают поэтессу. Облачая в вещественный образ само слово «Поэзия», обожествляя ее – «на землю, по лучу сошедшую в зеленом платье лета» (стих. «Мне кажется, Поэзия с Луны»), осыпая множеством метафорических реминисценций и риторических восклицаний, автор не допускает никаких посягательств на нее. В напористости, с которой поэтесса ищет ей – поэзии – места под солнцем, проглядывается нечто особенно трогательное и чарующее. Изымая «обработка» жизненного материала в совокупности с личными характеристиками – притягательной силой и пронизательностью ума – делают ее лирику необычайно женственной. Со всеми составляющими жизни ведет задушевные беседы поэтесса: это и погожие деньки весны, и «спокойная» земля, и «мудрое» небо; это радость «безмятежная» и «счастьем пахнувший рассвет» (стих. «Радость»).

На иных художественных принципах строятся элегические раздумья о родных и близких. В этом ряду «святой» опорой выступает образ матери. «Синева земная» – так называется цикл стихов, посвященных матери. Сохраняя общее, идеальное начало, каждое стихотворение высвечивает определенную грань облика и характера близкого человека. Одни стихи приближены к канонам традиционных плачей-причитаний с характерологической образностью и приемами. В других же столь большая утрата психологически осмыслена лирическим героем, обнажив весь смысл бытия, переколов в сознании границы собственной жизни и личных взаимоотношений. Смерть матери стала жестоким испытанием для поэтессы: «моя душа осталась без листвы» (цикл стихотворений «Синева земная»). Страдания ее сильны, но и они уступают перед очевидной силой жизненного факта – что «человек, и страдая, в надежде живет». Вера и оптимизм – главные средства постижения гармонии души человеческой:

*...и вера станет лучшей мне опорой,
Коль скажет жизнь: мол, пострадай и ты...
И я ходила в ранах, среди развалин,
но в человечность верила я: есть!*

(стих. «Откровение»)

Жизнеутверждающей пафос сквозной нитью проходит через все творчество поэтессы. Большую популярность и признание приносит автору вышедшая в 1998 году книга с интригующим названием «Юргенкийик» («Пугливая лань»). В ней взору читателя открывается панорама жизни во всех проявлениях – с радостями и волнениями, чаяниями и надеждами. Благодарной дочерью гор предстает поэтесса с первых страниц сборника. Избранная форма благопожелания (стилизация под алгыш) – целесообразна с точки зрения национально-исторического и

свидетельствует о самобытной природе автора. Поклонение всему земному, восхваление, благодарение, граничит с образностью, символической направленностью мысли. Проводя исторические и мифологические аналогии, вовлекая в оборот мотивы старинных сказаний и народные формы (к примеру, плачи-кюу), автор стремится раздвинуть рамки изображаемых событий, стирая тем самым временную грань жизни. Фольклор входит в поэтическую ткань произведений легко и естественно. Стихотворение «Жюрегим ташдан туйюлдю... («Сердце мое не из камня») – гимн любви и женской верности (на тему народных преданий о мудрой княгине Гошаях и ее беззаветной любви к Каншаубию).

Тема любви, несомненно, центральная в творчестве С. Мусукаевой. И это вполне оправданно: трудно представить себе женщину-поэтессу без наличия в ее творческом арсенале любовной лирики. Любовь и женщина – понятия равноценные по силе эмоционального воздействия и структуре, «два разных корня, но с одним значением» (М. Кудяев). Уже по одному названию ее книги («Юркген кийик»/«Пугливая лань») можно ощутить степень трепетного волнения, вызываемого этим чувством. Ответственна поэтесса и в подборе художественных красок для его описания.

*Жаз тартады жашил айылын,
Элия чакъдыра...
Етдюреме жангы жайымы
Мен, сени чакъыра...*

*Весна затягивает зеленую подругу,
Молнию рождая.
Провожу свое новое лето,
Я тебя вспоминая.*

(стих. «Биз туйюлбюз бирге» («Мы не вместе») *Подстр. пер.*)

Именно любовной лирикой полюбилась Сакинат читателю, а маленький томик ее стихов для многих горянок стал настольной книгой.

Умение изобразить внутренний мир человека, его настроение – главная составляющая мастерства художника. Подтверждение тому – творчество С. Мусукаевой. Мягкое, правдивое и выразительное слово – вот то, чем ценна ее поэзия. А еще – редким даром автора сопереживать. «Я скорблю, – говорит Сакинат. – Думаю, скорбит каждый, кто читает эти строки. Чем помочь им, чем утешить их сегодня? Я разделяю с ними боль, выражая запоздалое слово сочувствия» (о шестерых всадниках на белых скакунах, погибших на фронте):

Мой стих, слезой пролейся по щеке!

Я вместе с этой матерью заплачу... –

жест не просто поэтессы, это жест женщины-матери, женщины-горянки. Позже она скажет: «Я верю в материнское пророчество».

Факт из суровой биографии одной горской семьи лег в основу и новой поэмы С. Мусукаевой «Алма-Атада чагдадыла алмала» («Зацвели яблони в Алма-Ате»). Две страшные трагедии вобрала судьба героини Фатимат – войну 1941-1945, унесших жизни ее супруга и четырех сыновей, и выселение. Сквозная мысль произведения – нереализованные мечты, связанные с возвращением на историческую родину.

*Умут да, жулдуз кибик батды,
Алай батды жазны ариу кюнюнде.
Туман болуп босагъа таиха жатды,
Тауну, тешию тынгылата кюйюне.*

*Желание погасло, как звезда
На ясном небосклоне.
Превратившись в туман, распластавшись на камне у порога,
Обратив к своему горю горы и холмы.*

(Подстр. пер.)

На весы положены сердце родной Балкарии, оставшееся там, у подножия великого Эльбруса, и благословенная цветущая Алма-Ата. Радужным мостом (связующее между Минги-Тау и Ала-Тау) объяты эти два составляющих понятия «родина».

*Алма-Атада чагъадыла алмала   В Алма-Ате поспевают яблони
Гюлден толуп, тегюледи тегерек.   Вокруг полно цветов.
Минги тауда эрийдиле туманла,   На Эльбрусе тают туманы,
Ууакъ болуп, таза болуп ариу кек...   И чистым становится небо.*

(Подстр. пер.)

«Ставшая в поэзии выселения хрестоматийной, – справедливо отмечает исследователь Б. Берберов, – оппозиция «родина – чужбина» приобретает в поэме С. Мусукаевой новое звучание. Два края, два мира не противопоставляются, а силой эмоционального притяжения горянки, живущей в Алма-Ате, стягиваются в единую точку, расположенную в «недрах сердца и души».*

Следует заметить, что тема раздвоенности чувства – безграничной любви к своей исторической родине (влекущая сердцем естественная потребность в воссоединении с нею) и степным просторам, не менее любимым за столь длительное сосуществование – находит выражение, в основном, в творчестве поэтов, которых условно, по определению литературоведов, называют «детьми репрессированных родителей». В их числе и автор этой поэмы. Многие из «детей» остались там, прикипев к земле, которая и стала для них родиной, ибо другой они не знали, не успели узнать, или были слишком малы, чтобы помнить. Вернуться в отчий край для них – значит... отправиться в неизвестность.

Поэма вошла в новый сборник поэтессы «Аллыма къара» («Встречай меня», 2001). Сюда же вошли стихотворения, ранее не опубликованные (1998 – 1999 годов). Тематически они объединены в разделы: «Къызаргъан кюн, учхан къанатлы» («Покрасневшее солнце, летающая птица»), «Атынгы айтама да сени...» («Говорю твое имя»), «Акъ чакъгъан болур балли» («Зацвела, наверное, вишня»). Несмотря на на-

* Берберов Б.А. Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии. Автореф. канд. дис. Нальчик, 2002. С. 21.

звания, раскрывающие нацеленность стихов, эта книга, в отличие от предыдущих, более «развернута», концептуально оформлена, и объект ее гораздо шире представленных ранее в творчестве поэтессы, пусть и философски осмысленных, но – «частных» мотивов: в поле внимания – художественно-целостная картина материализованного и дематериализованного мира, символизирующая нерасторжимое единство универсалий природы и бытийного фатума. Абстрагировано-опосредованное отражение реалий действительности имеет место в контексте соответствующих знаковых концептов, озвученных в названиях самих произведений («Эс» («Память»), «Белгисизлик» («Неизвестность»), «Къадар» («Судьба»), «Тергеу» («Подсчет») и др.). Поэтесса не дает детализированных характеристик, не углубляется в автобиографическую атрибутику. Это, скорее, «умозрения», основанные на ассоциативности и наблюдениях. Но они-то как раз и «отшлифовали» мысль (идею) ее творчества, засвидетельствовали многогранность и глубину ее поэтической натуры. А адресат – он в каждой книге поэтессы. (Вспомним стихотворение «Ул-лугъузгъа, гитчегизге да – насып»/ «Счастье – всем: и старшим, и младым», которым открывается поэтический сборник «Юрген кийик»). В новой книге – «Аллыма къара» – слова благодарности звучат в завершающем стихотворении «Китабымы ахырында» («В окончании книги»):

Ариу сезюм – тангны тазалыгъына,
Кюнлюм бетни кюлдоре тургъан кюннге,
Къара ташны сылай тургъан аязгъа,
Жан аурутуп Гошаяхны кюйюне.

Доброе слово мое – чистоте утра,
Солнцу, озарившему южный склон,
Ветру, поглаживающему черный камень,
Сочувствуя горю Гошаях.

(Подстр. пер.)

Сакинат Мусукаева – представитель сравнительно молодого поколения поэтов. Но ее творческие изыскания имеют самую широкую направленность. Она автор переводов на балкарский язык произведений А.С. Пушкина и ряда кабардинских писателей, рецензий и очерков, составитель учебников. На ее стихи написаны песни «Мен кюерча этме» («Не делай, чтобы я горела»), «Жюрегими ийнагъы» («Песня сердца») и др., ставшие популярными. Успешны поиски поэтессы и в жанре детской художественной литературы: сборник сказок «Алтын челекчик» («Золотое ведерко») – заметный вклад в сокровищницу детской национальной литературы.

В целом творчество С. Мусукаевой характеризуется единством и целостностью художественных достижений: в каком бы жанре ни работала поэтесса, она умело проникает в гущу событий, объективно оценивает их и профессионально воспроизводит как на фольклорно-историческом, так и современном материале.

Тазал МАШУКОВ

О ФУТБОЛЕ И ПАТРИОТИЗМЕ

Размышления публициста-болельщика в межсезонье

В течение всего футбольного сезона 2006 года, сидя дома у телевизора, или находясь на трибунах республиканского стадиона «Спартак» и наблюдая за ходом матчей премьер-лиги, меня не покидала одна навязчивая мысль, что проходит не чемпионат Российской Федерации по футболу, а чемпионат среди легионеров. И это обстоятельство наводило меня на любопытные размышления о судьбах российского и, естественно, кабардино-балкарского футбола. Я – ярый болельщик местного «Спартака» в течение более чем сорока лет. Всегда испытывал при его победах высокое чувство патриотизма за свою республику, гордость за своих доморожденных ребят, которые, быть может, заметно уступали признанным мастерам футбола. Эти ребята были в основном из наших селений и городов, воспитанники наших местных футбольных школ и тренеров. А что мы видим сегодня? Нередко в составах двух противоборствующих команд премьер-лиги на одну игру одновременно выходят от 10 до 15 легионеров. А всего-то игроков на поле – 22 футболиста. Вот и зададим себе вопросы: чей чемпионат мы смотрим – свой, российский, или чемпионат легионеров; за кого болеем и вообще какое чувство испытываем при этом? Чувство патриотизма за клубную команду, где половину ее или больше составляют легионеры? Этот вопрос однозначно относится и к сборной команде Российской Федерации, где главным тренером выступает также легионер.

Оппоненты найдут и приведут свои аргументы: мол, во всем мире такая же картина, во всех странах выступают легионеры. Да, все это так. Но как же быть с чувством патриотизма за свою Родину, за свою республику, за свой город, за свою команду? Ведь честь их защищают не местные патриоты, а легионеры-гастролеры, на уме у которых в первую очередь евро, доллары, фунты стерлингов, франки, кроны... Легионерам совершенно все равно, за какую страну и команду им выступать, лишь бы платили больше. Они напрочь лишены патриотических чувств: сегодня – здесь, завтра – там...

В минувшем году в основных составах команд премьер-лиги России выступали 129 россиян и 155 легионеров. Больше всего легионеров было у «Рубина» (16 футболистов), у московского «Спартака» и «Сатурна» – по 13, у «Москвы» – 11, у «Локомотива», «Томи», «Шинника» – по 10... Всего за команды премьер-лиги с учетом резервных составов выступали 211 легионеров. Меньше всего легионеров (3 футболиста) выступало за «Луч-Энергию». Любопытный факт, заслуживающий изучения и анализа. Этот феномен не помешал команде в первом же своем сезоне занять седьмое место в итоговой турнирной таблице чемпионата, оставив позади себя ряд именитых футбольных клубов. Сам собой напрашивается вывод: не легионеры делают футбольную погоду. Зачем тогда наводнять ими российский футбол, ведь обходились без них раньше и достигали неплохих высот в мировых и европейских первенствах.

Легионеры-гастролеры далеко не звездного сияния мешают отечественным игрокам пробиться в основной состав, из-за чего им приходится

всю футбольную жизнь просиживать в дублерах.

В нальчикском «Спартаке» в минувшем сезоне были заявлены 11 легионеров: девять в основной состав, 2 – в дублирующий. Не думаю, что они определяли лицо нашей любимой команды.

Хочется пометчать. А главное – увидеть такую картину, скажем, через три-пять лет: за наш «Спартак» выступают только и исключительно местные парни и российские легионеры, пожелавшие играть у нас. А в недалекой перспективе хочется поболеть за футболистов-мастеров из Кабардино-Балкарии, которые защищали бы честь нашей республики. Без посторонней помощи, без приглашений откуда бы то ни было гостролеров. Это неосуществимая мечта, скажете, фантазия? Нисколько! По утрам вижу на полях вокруг нашего главного стадиона сотни фанатично преданных футболу ребят самых разных возрастов. Это наше будущее. С ними серьезно работают тренеры, которые посвятили всю свою жизнь футболу. Улучшаются условия и тренеров, и юных футболистов. Над футболом лично шефствует Президент республики – истинный патриот Кабардино-Балкарии. Он хочет, чтобы и все мы были ее настоящими патриотами. Верю: вырастим мы из сегодняшних юных футболистов патриотов. И это реально. Нужно только время.

И несколько слов об итогах выступления «Спартака» в дебютном для него сезоне в премьер-лиге.

Завершил он его, как известно, на девятом месте. Хорошо это или плохо, удача или провал? Это, без всякого сомнения, хорошо, это удача, успех. Могла бы занять команда более высокую ступень в турнирной таблице? Бесспорно.

Выиграй на своем стадионе только последнюю игру у новичка премьер-лиги «Луча-Энергии», команда закончила бы сезон на шестом месте. Имей лучшую разницу забитых и пропущенных мячей, мы могли бы оказаться на седьмом месте. Но сожалательное наклонение, как известно, не дает прошедшим событиям обратного хода. Таков во все времена футбол, всегда дороги каждое очко, каждый забитый гол. Как и не пропущенный. Кстати, по пропущенным мячам «Спартак» занял довольно престижное четвертое место, чего не скажешь о забитых. Здесь мы оказались на одиннадцатом.

Недавно в газете прочитал письмо болельщика из Нальчика Азнаура Отарова «Давайте купим вратаря» («КБП», 13 декабря). Исходя из фактов, изложенных мной выше, не логичнее ли будет руководству команды искать – в первую очередь для сезона 2007 года классных бомбардиров, а не вратаря – он совсем неплохо стоял в воротах... Руководству клуба видней слабые звенья и «болезни» команды.

Будем болеть за «Спартака», будем патриотами!

P.S. Когда этот материал был подготовлен к печати, я с удовольствием прочитал на страницах главной газеты страны – «Российской газеты» – следующие строки: «Почему можно тратить миллионы евро на приобретение иностранных легионеров вместо того, чтобы вложить эти деньги в детский и юношеский спорт? Тут Вячеслав Фетисов (министр спорта) как-то в сердцах сказал, что такой национальный чемпионат нам не нужен». (Евгений Гонтмахер. Горячие точки 2007 года». «РГ», 11 января 2007 г.)

Как же не согласиться с такими мнениями автора статьи и В. Фетисова?!

Мадина АХМАТОВА

О творческой концепции Адама Шогенцукова в лирических посланиях и посвящениях

Адам Огурлиевич Шогенцуков (1916-1995) – один из талантливых поэтов, продолживший в жанре лирических посланий и посвящений славные традиции своих многочисленных предшественников.

Он воспел своих коллег по профессии, известных поэтов разных поколений и национальной принадлежности, к тому же друзей и учителей – мастеров художественного слова – Кайсына Кулиева («Радость», «Творя свет и тепло»), Александра Твардовского («След звезды»), Расула Гамзатова («Земная радость»), Марию Петровых («Береза»), Сергея Есенина («Сергею Есенину»), Николая Тихонова («Музыка души»), Лермонтова («Лермонтов»), Али Шогенцукова («Али Шогенцукову»), Давида Кугультинова («Орешки»), Бетала Куашева («Памяти Бетала Куашева»).

Предметом его пристального внимания и восхищения были люди различных профессий, высокой квалификации, мужественные и волевые в достижении цели, знаний, умений и мастерства. Это написанные в различные периоды его жизни послания и посвящения, такие, как «Водитель» – передовому шоферу Кабарды Шибзухову; «Горняки» – горнякам Тырныауза; «Высокий накал» – прославленному механизатору З. Абитову; «Медсестра» – работнице лечебного учреждения А. Тоховой; «Пальцы прозрения» – доктору-окулисту Фузе Блаевой; «Ах, как цветут они вешнего порою...» – А.Х. Авсарагову, ученому-садоводу; «Завидная судьба» – Хачиму Бгажнокову, председателю колхоза, Герою Социалистического Труда; «Одаривает удача» – Х. Архестову, знатному горняку-шахтёру Тырнаузовского комбината, Герою Социалистического Труда; «Гармонистка» – первой гармонистке села Ц. Ашноковой; «Мой друг» – капитану 1-го ранга Г. Ворокову; «Вот ты поёшь – и стало мне казаться...» – Зауру Тутову известному певцу, министру культуры КБР (с 2006 г.); «Мадинат» – первой трактористке села; «Человек» – И. Горбулинскому, близкому другу поэта; «Замок Хагенштайн» – Соне К; «Учителю» – своей первой учительнице; «Тепло, уютно в комнате моей...» – своей жене Лиозе; «Моей учительнице» – Марине Петровне; «Фрида» – зарубежной крестьянке; «Дорога к вершине» – Отто Готше, зарубежному другу; «Двойная радуга» – Н. Атарову.

Лирическое послание «Творя свет и тепло...» адресовано Кайсыну Кулиеву. Начинается оно с пейзажного описания недавно прошедшей весны в горах, «и воздух горный по замшелым скалам струился с легким звоном, как хрусталь». В этом стихотворном послании к Кайсыну Кулиеву, в основном пейзажном, есть свои поэтические находки, неповторимые и не сравнимые ни с каким поэтом.

Своеобразие этого жанра позволяло А. Шогенцукову выразить свою главную мысль в финале произведения. Она и заключена в последнем четверостишии о Кайсыне и его поэзии: «Что горцам осень или вьюга злая, когда предела их дерзаньям нет, когда в труде горя и не стгорая, они живут, творя тепло и свет!» Главный критерий в оценке поэзии друга – это творить тепло и свет, отдавая его людям. Восклицание в конце поэтической строки служило резкому выделению основного, о чём и хотел сказать Адам Шогенцуков.

У А. Шогенцукова было много хороших и преданных друзей. Одним из них был аварский поэт Расул Гамзатов (1923 – 2003), к которому также обращено одно из лирических посланий. «Весенние» стихи Адама Шогенцукова, адресованные Р. Гамзатову, несли задушевность и сплав психологии и этики. В них нравственный максимализм проявлен многогранно, как и во многих других обращениях к своим друзьям и добрым знакомым.

Одно из таких лирических посланий – «Пальцы прозрения» – доктору-окулисту Фузе Блаевой.

Как звезды в полночь, бережные пальцы
Отодвигают темень слепоты...
Свет начинает трудно разгораться,
Как белой розы хрупкие цветы.

Перевод И. Озеровой

Развёрнутые сравнения в содержания стиха несли эмоционально-выразительную функцию. Лирический герой бесконечно благодарен доктору, который подарил «прозренью человеку»: «...ты вместе с ним как будто создаёшь дорогу, поле, дерево и реку, погожий день и благодатный дождь». Видеть всё это – великое благо для слепого. По его словам, «...бессильна бесконечность вечной ночи, когда рассвет забрезжил в первый раз, когда лучи коснулись почек, чтоб цвёл цветок для удивленных глаз». Двукратное повторение слова «когда» усиливало напряженность ожидания увидеть свет, драматизм определенного чувства больного, который перенес операцию глаз («Когда рассвет забрезжил в первый раз», когда человек увидел и лучи солнца, и набухшие почки дерева, и цветущий цветок).

Традиционные художественные образы «весны», «цветущего сада», «белизны» (белого цвета) – постоянные спутники лирической поэзии Адама Шогенцукова. Тяготение к ним позволяло поэту показывать явление в разных ракурсах, изображать неповторимое явление в природе или в судьбе, жизни человека, о котором писал поэт. Так, в сборнике стихов «Земная радость» (М., 1977), есть лирическое послание «Завидная судьба». Оно о Герое Социалистического Труда Хачиме Бгажнокове. Родом Хачим Бгажноков был из Баксанского района, возможно, поэтому автор воспел Баксанское ущелье, бурливую Баксан-реку, что шлёт ток по проводам в шахты города Тырнауза, Шхельду с Ушбой, горы Азау, Донгуз, ветер с которых, «словно пьяный, шатается и гонит облака» и т.д.

По верному замечанию Н.А. Шогенцуковой, Баксан – это частица его родины и «самая большая любовь поэта, его кровная, его первая песня, музыка его сердца».

Посвящение «Высокий накал» адресовано, как указывалось в подзаголовке, светлой памяти знатного горняка Кабарды З. Абитову.

Стихотворение «Берёза» посвящено Марии Петровых. В подзаголовке нет пояснения, как это обычно делал Адам Шогенцуков, нет уточнения – кто же такая Мария Петровых. Её имя известно всем, кто знаком с художественной литературой. Еще в годы Великой Отечественной войны она переводила на русский язык стихи многих национальных поэтов, в частности, Кайсына Кулиева («Слово сердца»), Алима Кешокова («Перед атакой») и др., а в послевоенные годы занялась переводом поэтических произведений и кабардинского поэта Адама Шогенцукова (например, цикл стихов «Добрая страна», в частности, такие стихи, как «Народная Чехословакия», «Я стал сильней, богаче и счастливей», «Здесь насмерть стояли...», «Станция в людной Острове...», «Вечный огонь»). Художественный перевод всегда был, есть и будет. С.М. Алхасова, исследовательница художественного перевода в кабардинской поэзии, твердо убеждена, что «труд переводчика был и остается одним из важнейших и достойнейших дел, связующих Вселенную. Более того, потребность в переводах растет с каждым днём».

Адама Шогенцукова и Марию Петровых связывали долгое время творческие связи. Он сам делал подстрочники к своим стихам, а Мария Петровых делала художественный перевод, строго следуя его указаниям, если поэт с чем-то не был согласен. Их связывала большая кропотливая работа, и она нашла отражение в личном архиве поэта. Адам Шогенцуков назвал Марию, «умницу и обаятельную женщину», как отзывались о ней многие национальные поэты, нуждавшиеся в её переводах на русский язык, «берёзой – символом красоты российских просторов»:

Ах, как светится зыбка
Платья белый атлас!
Дарит людям улыбку
Красота без прикрас.

«Это ей пропел свои лучшие песни Сергей Есенин, назвав её «березкой-белолицушкой», зеленоокой красавицей» – писала Т.Е. Эфендиева в своей книге «Поэзия жизни» (Нальчик, 1977). Белоствольной берёзе посвящено много песен и стихов, в которых выражается искренняя любовь к этому дереву, олицетворяющему собой Родину – Россию».

Поэт искренне, с восхищением писал:

И, в Россию влюблённый,
Я далёкой сестры
Полушалок зеленый
Вижу с ближней горы.

Перевод А. Неймана

Посвящение «Сергею Есенину» состоит из двух частей, каждая из которых наполнена особыми мыслями и чувствами автора, благоговейно относившегося к поэзии великого лирика России («Сердцем, как строчку звенящую, слышу мудрость напутствия, ласку твою») и верившего в бессмертие его стихов:

Думал в горах я о маленьком клёне,
Мне над зелёною скатертью мхов
Стали казаться летящие кони
Строчками в вечность летящих стихов.

Перевод Б. Дубровина

Повышение эмоциональной выразительности следующего четверостишия связано с авторским признанием восхищения и преклонения, причем без всяких особых выразительных средств языка, а очень просто: «Ныне стою наяву пред тобою, благоговенье молчанья храня. Солнечной лаской, весенним прибоем строки твои омывают меня». Строки этого посвящения выделялись реалистичностью, красочностью и вместе с тем верностью подмеченных особенностей лирики Есенина, главного в его поэзии, того, чем он запомнился народу, который до сих пор распевает его стихи про клён и берёзу («Клён, ты мой опавший, клён зайдевелый...»):

Для Адама Шогенцукова С. Есенин – это вершина, к которой он всегда стремился, потому что его «напевы не роняют, не теряют аромата слов, майское цветенье сохраняют лепестки раскрывшихся цветов».

Обращаясь к Есенину с вопросом, Адам Шогенцуков не предполагал ответа, ибо знал, что такая поэзия живет вечно в сердце народа.

В 1973 году Адам Шогенцуков написал стихотворение «А мы тебя видим – здесь время не властно!..», посвященное М.Ю. Лермонтову, любимому поэту, чьи поэтические традиции продолжают многие поколения поэтов («Мы голос твой слышим – любви и забот...»). В этом произведении Адам Шогенцуков концентрирует своё внимание, казалось бы, на одном моменте, имеющем важное значение для понимания всего посвящения – на трагедии, которая разыгралась у подножья горы Машук:

...но вот из-за гор подступает ненасть,

И ливень трагедии в лица нам бьёт...

Мартынов напротив... Буштау за тучей...

И рядом, у сердца, плечо Машука...

И молния – вспышкой короткой, летучей –

Как месть самодержца, как отблеск штыка (7, 84).

Перевод В. Торопыгина

В третьем четверостишии говорится о том, что даже природа оплакивает гибель Лермонтова, и её быстрая реакция на случившиеся – немаловажная особенность посвящения. Она только подчеркнула, что случи-

лось большое горе для всего народа и это является настолько важным, что даже трудно представить размеры этого несчастья:

И гром – это горы смириться не в силах –
Как гнев, как протест. И, виски опала,
От горя потери любимого сына
Всё плачет, и плачет, и плачет земля...

Особой формой раскрытия авторского отношения к происшедшим драматическим событиям у горы Машук явился обрыв (недосказанность говорящим предложений), который служил для воспроизведения глубокого внутреннего потрясения. Именно поэтому речь Адама Шогенцукова лишена обычной свойственной ему связности, законченности изъяснения мыслей, его чувств и переживаний («Все плачет, плачет, и плачет земля...»), «Мартынов напротив... Бештау за тучей... И рядом, у сердца плечо Машука...»).

В шести четверостишиях Адам Шогенцуков показал, как велико значение творчества Михаила Лермонтова, как нового звена в цепи исторического развития литературы, как художника слова, традиции которого будут влиять всегда на многие поколения поэтов («Покуда Россия под солнцем жива»):

И вот уже наше вручает столетье
Правдивому слову на вечность права.
И жить ему столько на этой планете –
Покуда Россия под солнцем жива (там же).

Перевод В. Торопыгина

Своим землякам из Кабардино-Балкарии, которых Адам Шогенцуков много лет знал, с кем дружил, чьим необыкновенным даром в области искусства восхищался, поэт адресовал произведения «Изваяние». Скульптору М. Тхакумашеву (1974) и «Живописец» (1974) – А. Сундукову.

Мастерство М. Тхакумашева, по мнению поэта, сродни большому искусству, когда его таланту подчиняется «скала в рубцах от пуль. Угрюмый камень, застывший в отметинах минувших лет», и «вот зари неистребимый пламень ваятелю высокий дарит свет». Огонь живой ищущей мысли, умелые руки мастера превращают обломок скалы в предмет искусства и восхищения:

Шумит листва, развеивая чары,
И отступает ледяная мгла,
И раздаются мерные удары,
И оживает мёртвая скала!..

Перевод Ю. Александрова

Обостренный интерес искусства к прошлому, новые художественные интерпретации истории и современной культуры видны на картинах по-

лотен известного художника А. Сундукова, которому Адам Шогенцуков посвятил стихотворение «Живописец». Они жили в городе Нальчике, часто встречались по различным случаям, поэт лично знал его, был с ним в дружеских отношениях много лет. Работы художника всегда вызвали восторг у поэта, который эмоционально воспринимал каждое новое полотно:

О, как много видит сердце живописца!
Ну, а видит сердце – значит, видит глаз...
По холсту умело, точно водит кистью –
Он живою жизнью одаряет нас.

Перевод В. Торопыгина

О творчестве А. Шогенцукова высоко отзывались известные писатели нашей страны. Александр Фадеев писал в 1955 году поэту: «Замечательную Вашу повесть «Весна Софиат» прочитал с большим удовольствием. Она полна поэзии и трогательной сердечности. Вы в ней спели чудесную песню о труде и его величии». Николай Тихонов отметил, что в основе стихов Адама Шогенцукова «лежат достоверность жизненных явлений, профессиональное знание предмета, о котором он пишет.

Высокая человечность, доброта, проникновенное осмысление жизни – неперменная черта стихов Адама Шогенцукова».

Литература

1. *Шогенцуков А. О.* Избранное: Стихи/ Составитель и автор предисловия Н.А. Шогенцукова. Нальчик: Эльбрус, 1999.
2. *Алхасова С. М.* Становление и развитие художественного перевода в кабардинской литературе. Нальчик, 2005.
3. Писатели Кабардино-Балкарии. Библиографический словарь. Нальчик: Эльбрус, 2003.
4. *Эфендиева Т. Е.* Поэзия жизни. Нальчик, 1977.
5. *Шогенцуков А. О.* От сердца к сердцу. Стихи. М., 1962.
6. *Шогенцуков А. О.* Земная радость. Стихи и поэмы. М., 1977.
7. *Шогенцуков А. О.* Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М., 1981.

Жиляби КАЛМЫКОВ**ИСЛАМ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Наша республика по-прежнему находится в сложном положении. Еще нет значительных сдвигов в экономике и социальной сфере, велик уровень безработицы, порождающей кризис и в духовной жизни. Межэтнические и межконфессиональные отношения оставляют желать лучшего как в стране в целом, так и в северокавказском регионе. На рост национального самосознания народов и возрождения традиционных религиозных конфессий накладывают свой отпечаток социальные неурядицы, порождающие протестные настроения у части молодежи в форме религиозного экстремизма.

В связи с этим имеется насущная необходимость в обмене мнениями и знаниями, чтобы впредь в нашей республике предотвращать религиозный экстремизм. Думаю, что в случае успешного осуществления Послания президента КБР А.Б. Каноква парламенту республики социальные-экономические условия возникновения религиозного экстремизма могут быть значительно минимизированы. Но этого будет недостаточно, если мы не на словах, а на деле не будем всемерно развивать гражданские начала общественно-политической жизни республики. В этом плане особенно актуальным является положение президентского Послания о том, что «...необходимо предпринять все меры к тому, чтобы в республике все значимые социально-культурные, экономические, профессиональные интересы были представлены структурами гражданского общества – от товарищества собственников жилья до активных союзов и ассоциаций ученых, преподавателей, деятелей литературы и искусства, фермеров и арендаторов». Такая установка нового руководства республики дает нам возможность открыто и честно поговорить о том, что и как надо делать, чтобы в нашей республике сохранить мир и согласие, обеспечить свободу совести и вероисповедания, воспитывать молодое поколение в духе традиционных этикетных норм и принципов этнопедагогики, естественно, с обязательным учетом сегодняшних реалий.

Прежде всего хочу сказать читателям и представителям мусульманского духовенства банальную истину о том, что мы живем в светском обществе, где Конституции РФ и КБР гарантируют всем гражданам страны и республики свободу совести и вероисповедания. Это значит, что независимо от национальной принадлежности наши граждане имеют право быть атеистами или примыкать к какой-либо религиозной конфессии (даже течению внутри конфессии), если она не представляет опасности для общества. Поэтому мусульманское духовенство республики не может требовать от всех кабардинцев и балкарцев, чтобы они поголовно были мусульманами суннитского толка, как это было до 1917 года. В этом заключается некоторая сложность положения духовенства на современном этапе.

Но, с другой стороны, сегодня служителям духовенства не запрещает-

ется ненавязчиво, но настойчиво и цивилизованно бороться, как говорится, за душу каждого, тем более что в целом современное общество да и власти заинтересованы в возрождении мусульманства в его традиционном виде.

Для того чтобы мусульманское духовенство соответствовало своему назначению, и приверженцев религии было как можно больше, необходимо, с моей точки зрения, учесть следующие соображения.

Традиционно все кабардинцы и балкарцы в силу своей национальной принадлежности считают себя мусульманами. Они как бы отождествляют свою этническую и религиозную принадлежность. Кабардинец – значит обязательно мусульманин, хотя известно, что большая часть так называемых моздокских кабардинцев являются православными. Но – в смысле отношения к традиционной мусульманской вере – кабардинцев, думаю, и балкарцев тоже, можно разделить на следующие категории: *первая* – это ортодоксальные мусульмане, принявшие догматы ислама и исправно выполняющие его обрядовые заповеди. Они, как правило, не видят разницы между нормами адата и шариата. Все духовные ценности, которыми располагают адыги и балкарцы, они приписывают исламу.

Ко второй категории относятся люди, приверженные мусульманской идеологии и живущие, как они считают, по принципам исламской этики, но по разным причинам (по возрасту, роду занятий, болезни и т.д.) не выполняющие обрядовых заповедей. Они также считают себя традиционалистами в смысле воспитания и образа жизни. То есть их мировоззрение носит синкретический характер, смешение норм адата с принципами религиозной морали.

К третьей категории населения относятся индифферентные к религии люди. Думаю, что они не так малочисленны, как может показаться. Они относят себя к мусульманам, но не хотят обременять себя никакими религиозными обрядовыми обязательствами. Большинство из них в сфере поведенческих отношений отдает предпочтение этикетным нормам (адыгэ хабзэ, тау адет), а религии отводят место лишь по вопросам семейно-брачных отношений и похоронным обрядам. Их смело можно назвать традиционалистами. Разумеется, все вышеназванные группы населения осознают, что живут в светском государстве, конституционные нормы которого обязательны для всех.

Разговор о ваххабизме я считаю особым, так как он является новым и чуждым явлением на Северном Кавказе, тем более у нас в Кабардино-Балкарии. С моей точки зрения, в наших условиях ваххабизм – явление не столько религиозного характера, сколько социального. Он является следствием глобального кризиса в нашем обществе. Нищета, безработица, невостребованность и кризис в общественном сознании породили в среде верующей молодежи протестный потенциал. В условиях отсутствия развитых гражданских общественных институтов внутри мусульманства получило развитие течение, ратующее за «чистоту» ислама. Возможно, что эта идея была привнесена извне, своими же новопеченными богословами, но ее зерна оказались в благодатной почве социально-экономических неурядиц. Служители традиционного ислама оказались неготовыми вести с ними эффективную идеологическую борьбу, а власти своими грубыми действиями умножили ряды недовольных социальной несправедливостью в обществе. И в результате всего этого мы получили то, что было 13-14 октября 2005 года. Отсутствие в

этих событиях политического мотива очевидно.

Думаю, что главное лекарство от ваххабизма – это создание благоприятного социально-экономического климата и эффективная воспитательная работа среди детей и молодежи. В первую очередь семья должна нести ответственность за нравственно-этический облик молодого человека.

Духовное возрождение народа, в том числе и религиозное, берет свое начало с середины 80-х годов, и оно получает мощный толчок в первой половине 90-х. В это время наблюдается небывалый рост национального самосознания, когда с активным участием широкого круга людей осуществляется анализ и переоценка прежних духовных ценностей. Отвергаются присущие коммунистической идеологии штампы и стереотипы, утверждаются цивилизационные подходы и парадигмы, основанные на общечеловеческих ценностях. Пересматриваются прежние постулаты в истории, литературе, искусстве и других сферах духовной культуры народов. На первых порах акцент делается на возрождение исторической памяти, национальных традиций, этнопедагогике, религиозных праздников и обрядов. В этих условиях тогда еще ректор КБГУ профессор В.К. Тлостанов принимает решение об открытии кафедры истории и этнологии народов КБР. В учебный процесс всех факультетов вводятся новые дисциплины: история народов КБР, традиционная культура народов КБР, различные спецкурсы по этим дисциплинам, родные языки. Позже, при нынешнем ректоре Б.С. Карамурзове, в университете открыли еще две кафедры: география и декоративно-прикладное искусство народов КБР. Все они вместе были, несомненно, смелыми шагами, адекватно отвечавшими изменениям в общественном сознании, нацеленными на дальнейшее развитие науки и культуры КБР. Этот, несомненно, позитивный опыт позже стал достоянием всех учебных заведений и средних общеобразовательных школ республики.

Благодаря всему этому в нашей республике создались условия для преодоления комплекса неполноценности, который на протяжении многих десятилетий внедрялся в сознание кабардинцев и балкарцев (многие годы в общественных местах не принято было говорить на родном языке, рассказывать правдиво свою историю, изучать традиционную культуру и т.д., так как подобные явления официальная идеология трактовала как проявление патриархальщины и национализма).

Таким образом, у нас в республике появилась возможность говорить с молодежью об адыгэ хабзэ, адыгэ-балккэр намыс, использовать в воспитательных целях этнопедагогика, полнее изучать фольклорное, хореографическое, музыкальное и песенное наследие наших народов.

Сегодня наша задача не только в том, чтобы добиваться знания, но и сознательного соблюдения каждым из членов нашего общества, независимо от возраста и социальной принадлежности, традиционных этикетных норм, особенно что касается почтительного отношения к родителям и старшим по возрасту вообще, учтвого отношения к женщине, толерантного поведения по отношению к другим народам, другой культуре и к другим религиозным конфессиям, разумеется, с учетом нынешних обстоятельств. Это должно быть делом всего общества: семьи, детских учреждений, школ, вузов, средств массовой информации и общественных организаций. Бережное отношение к своей традиционной культуре и религии не помешало многим странам Запада и Востока достигать

высокого уровня развития производства, науки и социальной сферы. Но это возможно и у нас, только в том случае, если сумеем построить правовое общество, где все структуры власти не на словах, а на деле будут демонстрировать открытость, честность и заботу в первую очередь о простых людях. В 90-х годах общественность также активно обсуждала вопросы религиозного возрождения в нашей республике. Но здесь, с нашей точки зрения, успех был менее значительным, хотя все религиозные конфессии, в том числе и мусульманское духовенство, получили значительно больше прав и возможностей, чем это было раньше. Возможно, что здесь сказались причины ментального характера нашего населения, ведь кабардинцы и балкарцы, как мы знаем, по своей натуре слабо внушаемые, они больше доверяют собственному опыту и интуиции, нежели религиозным постулатам. Имело место и настороженное отношение к религии со стороны прежнего руководства, сплошь и рядом состоявшего из бывшей партноменклатуры, воспитанной в духе воинствующего атеизма (в этом их вины нет, так как они были в плену, правда, добровольном, прежней коммунистической идеологии).

Но, по большому счету, в части религиозного возрождения жизнь не стояла на месте. Это проявилось, в первую очередь, в проведении различных встреч и конференций, в строительстве мечетей, в возвращении в жизнь религиозных праздников и обрядов, в почти массовых посещениях мероприятий, посвященных трагическим страницам истории кабардинцев и балкарцев (к примеру, геноциду адыгов и насильственной депортации балкарцев). Нетрудно вспомнить, какой небывалый и массовый энтузиазм был, когда организовали телемарафон по сбору средств на строительство главной мечети в столице республики. Но Духовное управление мусульман (ДУМ) не оправдало тогда надежд не только верующих, но и сочувствовавших религии людей. Оно не смогло распорядиться собранными для того времени немалыми средствами, своевременно и по своему назначению. Хорошо, что позже, благодаря усилиям городских властей и бизнесмену Арсену Канокову в столице республики построили красивую соборную мечеть, за что им население бесконечно благодарно. Учитывая, что авторитет и успех религии в обществе в основном зависит от служителей культуры, Духовное управление мусульман республики постоянно должно заботиться о подготовке достаточно квалифицированных кадров. Необходимо окончательно (быстро не получится) отходить от практики назначения (избрания) имамами пенсионеров и других случайных людей к практике целенаправленной подготовки имеющих призвание к этому роду деятельности молодых людей. Желательно, чтобы будущие служители культа профессиональную подготовку, за редким исключением, проходили в нашей стране (республике) в рамках традиционного ислама, чтобы полученные ими знания позволяли им нести службу с учетом ментальности наших народов. Иначе попытки тотальной подмены наших традиционных ценностей (адыгэ хабзэ, тау адет) религиозными приведут к противодействию со стороны наиболее активной и радикально мыслящей части населения и это, в свою очередь, подорвет авторитет самого духовенства. Поэтому они должны проявлять гибкость и не противопоставлять свое учение ни адатам, ни конституционным положениям, тем более что нравственно-этические нормы адыгэ хабзэ (тау адет) и религиозные моральные ценности не противоречат друг другу, а наоборот, в большинстве слу-

чаев совпадают или дополняют, так как и в том и в другом случаях в их основе лежат общечеловеческие нравственные ценности.

Центрами религиозного возрождения и религиозного просветительства должны стать в первую очередь само Духовное управление, мечети, при которых служат имамы, Исламский институт, Исламский центр, мусульманские сельские школы и т.д. Не хочу быть категоричным, но я полагаю, что светские школы могут давать учащимся лишь достоверные и объективные сведения по истории религиозных конфессий и их внешней атрибутики, как важнейшей части духовной культуры народов нашей страны. Что же касается содержания Корана и других священных писаний, то это сфера исключительно самих религиозных деятелей и духовных заведений, которых в республике достаточно много.

Духовное управление мусульман республики сможет успешно осуществить свои функции только в том случае, если у него будет возможность издавать свою газету, иметь эфирное время на постоянной основе на радио и телевидении. Газетные материалы и теле- и радиопередачи должны носить просветительский характер, чтобы основные положения догматики и обрядности ислама имели одинаковое толкование и исполнение. Это особенно касается религиозных праздников, похоронных обрядов. В этих вопросах не должно быть ни отсебятины, ни мифотворчества. С моей точки зрения для правильного религиозного воспитания большое значение имеет язык, на котором это воспитание осуществляется. Я ни в коем случае не умаляю значения русского языка. Он как средство общения между всеми народами нашей страны, и не только нашей, носит универсальный характер. Но все же исповедовать религию более целесообразно на родном языке. Лишь только в этом случае возможно достучаться до сердца каждого верующего. Чиновники, ученые и другие, имеющие к религии лишь косвенное отношение, могут сколько угодно рассуждать на русском языке о месте и значении религии, и это будет восприниматься только как информация об этом предмете. Можно с уверенностью сказать, что если священнослужитель будет говорить со своим приходом на русском языке, то это уж никак не будет восприниматься как религия. Проповеди, которые ведутся среди населения на арабском языке, тоже не дают желаемого эффекта, хотя некоторые считают, что делать это более целесообразно именно на языке пророка Мухаммеда. Но так думают в основном более ортодоксальные мусульмане, которых не так много среди кабардинцев и балкарцев.

Итак, я за то, чтобы религиозному воспитанию уделялось серьезное внимание, но за каждым человеком должно оставаться право выбора, какую веру избрать для себя и в какой степени быть верующим. А духовенство делом и словом должно доказывать, что только традиционный ислам (а не вахабизм) является настоящим храмом религии, что отступление от него ведет к конфликту с обществом, в котором живет каждый из нас. Успех в этом деле будет зависеть от того, как традиционный ислам сможет адаптироваться к современным условиям жизни и овладеет новыми формами и средствами борьбы за душу каждого кабардинца и балкарца.

Считаю еще очень важным понять, что адыгэ хабзэ, тау адет и дин хабзэ должны функционировать в нашей повседневной жизни синхронно, взаимодействуя и дополняя друг друга в зависимости от обстоятельств.

Хусен ГЕДГАФОВ

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ АДЫГОВ

Пословицы и поговорки являются важнейшими атрибутами языковой культуры людей, а отношение к ним – ярким показателем степени цивилизованности народа в целом. Они рождаются на историческом пути общества и живут в нем, сохраняя самобытность и культуру народа. Многие цивилизованные народы мира уже давно имеют довольно-таки объемистые сборники, включающие в себя 6-10 и более тысяч пословиц и поговорок. У адыгов тоже много подобных образцов народного творчества. Они отличаются оригинальностью, актуальностью и остротой сюжетов, и бьют, как говорится, не в бровь, а в глаз. Это и естественно, так как они менее подвержены влиянию всеобщей цивилизации. К нам, адыгам, как и к другим малым народам окраин России, просвещение пришло совсем недавно, с приходом Советской власти. Собрать пословицы и поговорки, систематизировать их, издать отдельным сборником – задача трудная, кропотливая, но благородная и необходимая. Эта задача должна быть решена силами фольклористов научно-исследовательских институтов всех республик и краев, где проживают адыгские народы.

Здесь следует отметить и то, что многие наши фольклористы и просто любители старины уже давно собирают, публикуют в газетах и журналах пословицы и поговорки адыгов. Среди них заметное место занимает и мой троюродный брат Хусен Гедгафов – талантливый педагог с более чем сорокалетним стажем, известный в республике поэт-песенник и писатель. У него уже собрано и подготовлено к печати более трех тысяч адыгских пословиц и поговорок. Сказанное дает основание думать, что недалек тот день, когда и адыги тоже получат добротный сборник своих уникальных пословиц и поговорок.

Недавно я был в гостях у брата. Он, оказывается, не только собирает, он и сам пишет афоризмы в стихах. Некоторые из них я постарался перевести на русский язык, и надеюсь, что читатели журнала «Литературная Кабардино-Балкария» примут их благосклонно.

В заключение своего короткого представления хочу сказать несколько слов об авторе. Хусен Зарамукович Гедгафов родился в 1932 году в селении Атажукино Баксанского района. После школы отслужил в Советской Армии, затем окончил филологический факультет КБГУ.

До ухода на пенсию работал преподавателем кабардинского языка и литературы в средней школе родного села. Наряду с этим он – писатель, журналист, поэт, песенник, драматург, этнограф, активный общественник. Его называют мастером на все руки. Он и газосварщик, и слесарь-моторист, и жестяник, и плотник, и шофер, и шапочник, и сапожник, и строитель, и агроном – словом, он умеет делать все, что нужно для нормальной жизни в селе. Хусен активно сотрудничает с республиканскими газетами и журналами. Его песни поют по радио и телевидению. У него много книг, особенно для детей. Я надеюсь что

скоро на экраны выйдет его полнометражный художественный фильм «Последний выстрел абрека», посвященный жизни и судьбе дореволюционной адыгской девушки.

Многие стихи, песни и книги Хусена переведены на русский язык. Вдобавок ко всему он прекрасный отец и дедушка, да и уважаемый сельчанин.

Пожелаем же ему крепкого здоровья и больших творческих успехов.

Асламурза Гедгафов

***

На круг выходят на цыпочках,
А уходят на крыльях ума.

***

Корявый камень в стену не клади,
Не меткое слово на круг не выноси.

***

Кто постоянно не занят делами,
Всего лишь чешется руками.

***

Что для людей сотворил – в копилку чести положил.
Что от людей утаил – в гроб с собою уложил.

***

Человек без любви – тело стылое,
А без юмора – существо унылое.

***

Вору кажется, что мало взял,
Спекулянту – что дешево продал.

***

Курящий – здоровье сжигает,
Пьющий – ум пропивает.

***

И бессовестный краснеет,
Получив пощечину.

***

И бородавка красива,
Если любим тот, на ком она.

***

Сомнительный друг порой –
Что кол, занесенный над головой.

***

Лучше нужда в своей ложбине,
Чем тоска не чужбине.

***

Труд вола стоит целого дома,
Ум старца – целого села.

***

Умей уважать старших –
Будешь кумиром младших.

***

Не скававшему коню раздолье неведомо,
Лицо, с кем не бывал в пути, тебе не знакомо.

***

У правды дорога славная,
У лжи она печальная.

***

Недруг глух к твоим успехам,
Навострен к твоим промахам.

***

Кто в речах умерен да умен,
Тот чаще бывает на трон возведен.

***

Грубая свирель сердце теребит,
А камышовая – танцевать велит.

***

Если друг другу не готовы уступать,
Не торопитесь в союз вступать.

***

Голова ценна умом,
Руки – мастерством.

***

Что тебе не делает чести,
Не делай и ради лести.

***

Мы мечтаем долго жить,
Не зная, что смерть сторожит.

***

Молодой орел несется в неведомый мир,
Старый – в обжитое гнездо.

***

Радость, как мед в бокале, сладка,
Беда, как вода морская, горька.

***

Прошлые трудности не забывай,
Но живи с надеждами, не унывай.

***

Страх нет умереть когда-то,
А умирать сегодня – страшновато.

***

Кто сам с собою ладит,
В беде и других не оставит.

***

Потерявший нюх – уже не пес,
Потерявший честь – не человек.

***

Глупцу не завидуют,
Усопшего не осуждают.

***

Паук рождается в паутине
И умирает, лежа в паутине.

***

О грядущем менее всего знают люди,
И больше всего грызутся люди.

***

Голос доброго человека слышит и глухой,
А благородство его души видит и слепой.

***

Сегодня за Коран и старые партийцы берутся,
Даже и волки на хадж отправляются.

***

С песочком, бывает, течет и самый чистый родничок.

***

Благородного и могильный холмик усыпан цветами.

***

Тайну в долг не дают, да и продают недешево.

***

Душевная близость дороже, чем кровное родство.

***

Сегодня – твое дитя, завтра – твой судья.

***

Ложь унесет далеко, а вернуть не сможет.

***

Яд подают и в чаше золотой.

***

Кто не движется вперед, топчется на месте.

***

Чтобы выжить, дерево и за камень корнями цепляется.

***

Самый дешевый тот, кто подкуплен взяткой.

***

Пусть у парня будет больше вещей для работы,
чем для забавы.

***

Глупый ученый похож на богатого едой, но без желудка.

***

От красивой мечты – хоть путь далек – не отступай!

Самитдин ТЕММОЕВ**Ошибки и просчеты национальной
и федеративной политики в 90-е годы XX века:
историко-политологический анализ проблемы**

Многовековая история России знает немало примеров, когда её верховные правители и видные политические деятели, в руках которых находилось кормило власти, принимали важные, а иногда и судьбоносные решения с подачи или под влиянием людей, играющих роль фаворитов.

С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова в «Толковом словаре русского языка» слово *фаворит* поясняют: это любимец высокопоставленного лица, получающий выгоды и преимущества от его покровительства.¹

Безусловно, таковыми были и сын придворного конюха Меньшиков Александр Данилович, в одночасье ставший одним из самых близких молодому царю людей, а затем – русский государственный и военный деятель, светлейший князь, генералиссимус, адмирал, действительный тайный советник, фаворит и сподвижник Петра I. В правление Екатерины II фаворитов была целая плеяда, но самыми заметными из них по сей день считаются Г. Г. Орлов, Г. А. Потемкин, П. В. Завадовский. Были фавориты и у вождей Советского Союза. К ним, без сомнения, можно отнести зятя Л. И. Брежнева – генерала Чурбанова, в свое время быстро поднявшегося на Олимп власти и так же быстро скатившегося с него. Об остальных трудно что-либо сказать, так как коммунистическая партия могла надежно охранять секреты своих лидеров. И если попытаться определить соответствие названных на выбор кандидатур словарному определению, то, на наш взгляд, более всего ему соответствует Чурбанов. Он известен именно как человек, получавший выгоды и преимущества от покровительства высокопоставленного лица, и не оставил заметного следа в жизни государства в *хорошем смысле слова*². Эпоха же расцвета фаворитизма при Екатерине II на деле доказала, что это явление может быть весьма полезным для государства при условии, что фавориты являются не только носителями личных симпатий государственного деятеля, но и наделены способностями вовремя поделить мудрыми мыслями с высокопоставленным лицом, а когда необходимо – проявлять разумную инициативу.

В России под управлением Б. Ельцина, накануне ввода войск в Чеченскую Республику для восстановления конституционного порядка, в ближайшем окружении лидера государства находились люди, претендующие на роль фаворитов. Отсутствие цензуры позволило журналистам относительно свободно высказывать свои мнения по поводу этого явления в политической жизни страны. Приглашаю читателей провести небольшое исследование на основе анализа прессы: кто же из них мог

оказать значительное влияние на принятие ответственного решения, приведшего к развязыванию войны.

Корреспондент еженедельника «Аргументы и факты» А. Барни (№ 29, 1994) за шесть месяцев до известных событий в статье под названием «Фавориты Б. Ельцина»³ определяет несколько категорий влияния, оказываемого на лидера. К ним относятся: профессиональное, которое включает в себя подготовку докладов, решений, и т. д., что является прерогативой администрации президента, его помощников, правительства. Также влияние может быть идеологическим, подчиняющим лидера обаянию какой-нибудь идеи, программы, концепции. К ним А. Барни относит идеи раннего Г. Бурбулиса. Далее следуют влияния личного характера, исходящие от членов семьи и преданных сторонников, которым он полностью доверяет. На наш взгляд, к ним можно добавить людей из окружения высокопоставленного лица, возможно, лично не симпатичных лидеру, но наделенных сильной внутренней энергетикой и способных внушить лидеру правоту своей точки зрения. Такому утверждению в отечественной истории более всего соответствует одиозная историческая личность – Григорий Распутин при царствовании Николая II. Аналогичную роль при Б. Ельцине мог бы играть начальник службы безопасности президента Александр Коржаков.

Так кого же можно отнести к числу тех, кто оказывал на президента РФ наибольшее влияние во второй половине 1994 года? По мнению того же А. Барни, прежде всего, это его ближайшие помощники, сильной стороной которых является их профессиональная компетентность. Это – Виктор Илюшин, Лев Суханов, прошедшие с Ельциным через все трудности его политической карьеры. Далее следуют его исполнительные и надежные помощники Дмитрий Рюриков и Людмила Пихоя. Но наиболее близок, по утверждению знающих людей, был начальник службы безопасности президента А. Коржаков, которому были отданы немалые властные прерогативы, едва ли уступающие грачевским и степашиным, вместе взятым.⁴ Одно из ключевых мест в кремлёвской иерархии занимал в то время управляющий делами президента П. Бородин, к которому ближайшее окружение Ельцина относилось более чем уважительно.

Учитывая все эти тонкости, предлагаем разложить все перечисленные фамилии по группам и выделить из них наиболее подходящие на роль лица, повлиявшего на принятие президентом решения о начале боевых действий против Чечни:

1. Люди, постоянно находящиеся рядом с президентом, имеющие возможность говорить с ним в любое время, работающие длительное время в его команде.

2. Люди, постоянно находящиеся рядом, имеющие возможность говорить с президентом в любое время, работающие с ним недавно.

3. Генералы, руководящие силовыми структурами или имеющие к ним непосредственное отношение.

4. Лидеры других государственных структур и организаций.

5. Другие лица, к мнению которых, в силу определенных причин, он должен прислушиваться.

6. Неизвестные.

А теперь методом исключения из всех возможных кандидатур попытаемся оставить наиболее влиятельных, способных реально оказать давление на принятие силового решения чеченской проблемы.

Итак, сотрудники аппарата, постоянно находящиеся рядом, имеющие возможность говорить с президентом в любое время и работающие с ним как длительные, так и короткие сроки, могли в советах касаться больше экономической и политической сторон взаимоотношений с Чеченской Республикой. Тенденция, ведущая к расколу государства к этому времени уже четко обозначилась на Северном Кавказе и находила своих сторонников в Татарстане и в Башкортостане. Советовать или давать прогнозы относительно силового решения вопроса в этой ситуации мог бы только чересчур самоуверенный человек. Вероятно, в случае обсуждения этой проблемы, все перечисленные помощники и советники ссылались на мнение специалистов в военном деле.

Лидеры других государственных структур и организаций не компетентные в военном деле, дорожа своим местом, не стали бы влезать в обсуждение такой скользкой проблемы, как подавление неугодного Кремлю режима силовыми мерами. А в это время все средства массовой информации в один голос трубили о неспособности президента проводить твердую государственную политику и прочили в лидеры государства кого-нибудь из генералов. Так, выступая на страницах еженедельника «АиФ», лидер организации «Русский национальный собор» А. Стерлигов заявил, что следующим президентом России будет генерал, а о правительстве выразился вовсе бескомпромиссно: «Сейчас в политику пришло много шпаны. Они только компрометируют здравые идеи...»⁵ Конечно же, от внимания политиков не могла укрыться такая интересная особенность этого периода, как временное затишье в конфликтах на территориях Нагорного Карабаха, в Южной Осетии, в Абхазии. В то время, когда независимость закавказских республик еще окончательно не была осознана и границы государств региона не были очерчены, а реально обозначались только административными границами на картах бывшего СССР, эта передышка давала возможность российскому правительству организовать противодействие сепаратистской политике, проводимой Чечней. А идея создания великой Ичкерии настолько сильно владела умами ближайшего окружения Дж. Дудаева, что они не замечали, или не хотели замечать, разгула преступности в самой республике и в приграничных с ней территориях. В этой ситуации ответить на вопрос: как укротить мятежную республику силовыми методами, могли только люди в погонах.

Наиболее дальновидным из них, вероятнее всего, был генерал-полковник Д.А. Волкогонов⁶, который мог с большой долей вероятности спрогнозировать ход военного противостояния в этой кавказской республике, опираясь на знание истории. А если взять роль С. Степашина и

А. Коржакова, как представителей наиболее компетентного в вопросах безопасности государства ведомства, вполне допустимо, что Коржаков мог в частной беседе заверить главу государства в несокрушимой мощи спецслужб и армии в деле подавления мятежной республики. Это утверждение строится на том простом основании, что лично сам генерал, будучи в должности начальника службы безопасности президента, не отвечал бы за ход событий в Чечне.

Роль С. Степашина⁷ не проявляется активными действиями по проведению масштабных акций против Чечни. С одной стороны это – генерал, имеющий за плечами опыт действий в горячих точках, и не где-нибудь, а на Кавказе. Он хорошо знал нравы и обычаи местного населения. С другой стороны – неуклюжая попытка спецслужб 15 октября 1994 года «посадить на царствие» в Грозном оппозицию У. Автурханова, закончившаяся громким провалом. Этот провал придал дополнительную уверенность режиму Дж. Дудаева, и, по словам очевидцев: «Если раньше на митинги приходили 30-40 человек, то после разгрома танковой колонны стали приходиться до 1000 и более»⁸. Это оказалось более серьезным, чем могли предположить, кто-то помнил, а кто-то и забыл предупреждение генерала А. Деникина (из хроник 1918 года), что «Чечня, раздираемая внутренними междоусобиями, разделенная на 50-60 враждующих партий по числу влиятельных шейхов, склоняясь то к турецкой, то к большевистской ориентации, проявила, однако, полное единение в исторической тяжбе с русскими колонизаторами»⁹.

К этому не лишним будет добавить выдержку из статьи С. Шахрая: «На территории Чечни сложилась и активно функционирует криминальная «свободная экономическая зона»... В республике нет федерального таможенного и налогового контроля за импортом-экспортом сырья и другой продукции. Фактически легально функционирует рынок оружия и наркотиков»¹⁰.

Перечисляя все это, уместно предположить, что С. Степашин не мог бы советовать президенту применить к Чечне самые радикальные меры, отводя в этом главную роль своему ведомству, поскольку бороться с ней возглавляемой им ФСК было уже не под силу.¹¹

Если же взять П. Грачева¹², то, конечно же, он мог советовать больше всех и настойчивее всех, потому что был уверен, что «Грозный можно взять одним десантным полком», желая доказать президенту, что мы не хуже американцев, имея в виду успешную высадку 19 сентября 1994 года на Гаити их 15-ти тысячного десанта. Его не заставил задуматься даже провал оппозиции У. Автурханова.

К числу лидеров других государственных структур и организаций, других лиц, к мнению которых, в силу определенных причин, мог прислушиваться президент, следует отнести Сергея Шахрая, активно участвовавшего в нормализации отношений в осетино-ингушском конфликте и нормализации отношений с Чечней на предшествующем войне этапе; Руслана Хасбулатова, хоть и опального, но не сидевшего сложа руки политика и, возможно, сыгравшего некую роль в тех событиях.

Так как же случилось, что в нашем громадном государстве вопросы управления опирались не на хорошо продуманную и тщательно просчитанную специалистами стратегию и тактику, а на советы и мнения временно симпатичных людей, то есть фаворитов? Ответ на этот вопрос кроется в том, что в нашей тогдашней политической системе это, скорее всего, была единственно возможная модель политической карьеры независимого лидера. «Он сам создал Конституцию, делающую его всевластным, а парламент – бессильным. И КПСС он тоже сам разрушил, освободившись от пут партийных традиций и ритуалов. Этим он сделал для себя не только возможным, но и единственно возможным правление через фаворитов».¹³

То, что такое положение дел не отвечает интересам государства и каких усилий стоит нынешнему президенту В. Путину вывести это самое государство из кризиса, видно невооруженным глазом. Хочется надеяться, что направить Россию на путь единства и процветания получится у ныне действующего президента в кратчайшие сроки не исторического, а реального времени.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., Толковый словарь русского языка, М., 1990. С. 845.

² В плохом смысле слова имеется в виду – отбывание наказания за совершенные преступления (*прим. автора*).

³ Барни А. Фавориты Б. Ельцина. «АиФ», 1994, № 29.

⁴ Речь идет о стоявших в то время во главе силовых структур министре Обороны П. Грачеве и директоре Федеральной Службы Контрразведки С. Степашине (*прим. автора*).

⁵ Макаров Д. А. Стерлигов А. Следующим Президентом в России будет генерал. «АиФ», 1994, № 37.

⁶ Волкогинов Дмитрий Антонович (1928-1995), российский историк, доктор исторических и философских наук, профессор, генерал-полковник (1986). С 1984 г. – заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и ВМФ. В 1988-91 гг. – начальник Института военной истории Министерства обороны СССР. С 1991 г. – председатель ряда комиссий правительства РФ. Разработал и опубликовал труды по истории, философии, проблемам политики.

⁷ Степашин Сергей Владимирович (2.03.1952), в 1987-1990 гг. неоднократно выполнял задачи в горячих точках – Баку, Фергане, Нагорном Карабахе, Сухуми. В 1991 г. – начальник управления Агентства федеральной безопасности по С.-Петербургу и Ленинградской области. В 1992 г. – зам. министра обороны РФ, в 1991-93 гг. – председатель Комитета ВС РФ по вопросам обороны и безопасности, с марта 1994 г. – директор ФСК РФ, доктор исторических наук.

⁸ Хасбулатов Р.И. Почему не удалась моя миссия. «АиФ», 1994, № 49.

⁹ Цитата номера, «АиФ», № 49, 1994.

¹⁰ Шахрай С. Что там в Чечне? «АиФ», 1994, № 28.

¹¹ ФСК – Федеральная Служба Контрразведки (*прим. автора*).

¹² Грачев Павел Сергеевич (р. в 1948 г.), министр обороны РФ (1992-96 гг.), генерал армии (1992 г.), Герой Советского Союза (1988 г.). В Советской Армии с 1965 г. В 1982-83 гг. – командир парашютно-десантного полка, в 1985-88 гг. – командир воздушно-десантной дивизии в Афганистане. С июня 1990 г. – 1-й заместитель, с декабря – командующий воздушно-десантными войсками. В августе-декабре 1991 г. – 1-й заместитель министра обороны СССР – председатель Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам. В январе-апреле 1992 г. – 1-й заместитель главнокомандующего объединенными Вооруженными Силами СНГ.

¹³ Фурман Д.Е. «Наши десять лет. Политический процесс в России с 1992 по 2001 г.». М-С-Пб., 2001. С 185.

Мухтар БОТТАЕВ

Первый среди переселенцев

Большой жизнелюб и тонкий юморист Эрменби Ахматович Ксанаев (1913-1981) остался в памяти людей доброжелательным, открытым, задушевным человеком. Когда началась война, он в родном Кашхатау работал председателем колхоза. Во время всеобщей мобилизации вместе со сверстниками попал в Орджоникидзевское пехотное училище, по окончании которого, в апреле 1942 года, оказался на передовой Южного фронта. За время ожесточенных боев командиру минометной роты Ксанаеву пришлось испытать и горечь отступления, и окружение, и радость Великой победы. Война оставила Эрменби память о себе: на левом бицепсе долго красовался шрам, похожий на большую гусеницу. В Кыргызстане по сей день ходят легенды об этих бицепсах. А в родном его Черекском районе Кабардино-Балкарии часто можно услышать в разговоре выражение «как сказал Эрменби...»

После войны в 1946 году Эрменби нашел свою мать в Ошской области. А в 1947 году он впервые участвовал в соревнованиях по борьбе и стал чемпионом Ошской области Киргизской ССР в тяжелом весе (свыше 87 кг).

Сам Ксанаев часто говорил, что никогда не мечтал стать спортсменом. Помог случай. Тренер команды Ошской области по борьбе Павел Игуменов стал случайным свидетелем огромной физической силы Эрменби. На берегу речки – недалеко от станции Карасу – трое мужчин грузили камни в кузов полуторки. Минут 10-15 безуспешно пытались закинуть в машину неподъемный валун весом до 150 кг. Мимо проходил Эрменби с другом. Увидев «муки» грузчиков, Ксанаев снял пиджак и один, на глазах изумленных мужчин, поднял камень на грудь и затолкал в кузов.

Павел Артамонович поразился природной силе молодого мужчины. Он познакомился с нашим земляком и решил привлечь силача к занятиям борьбой. А тому, как говорится, не до борьбы было, да и возраст уже не молодой – 34-й год. Но опытный тренер, предугадав потенциальные возможности Ксанаева, приезжал к нему не раз, пока не уговорил. Эрменби несколько раз съездил на тренировки в спортзал областного центра. Игуменов во время тренировочных схваток с ним самолично убедился в исключительной мощи захватов Эрменби. Новичок соединял не кисти рук, а зацеплял правой рукой левую ладонь, и никакая сила не могла разжать такой железный захват.

– Ну что ж, дорогой Эрмен, тебе на ковре равных не будет, эти мощные руки справятся даже с медведем, – довольно потирал руки тренер. Кстати, он был недалек от истины: Эрменби действительно в едино-

борстве победил специально обученного медведя заезжего цирка. Правда, директору цирка пришлось потратиться: на приз победителю и ветврачу за лечение медведя, которому Эрменби во время броска раздробил сустав.

В 1947 году Эрменби стал чемпионом Ошской области, но потом забросил тренировки и продолжал работать разнорабочим на станции Карасу. На недоуменный вопрос тренера ответил: «Я на ковре никого не боюсь. Аллах не обидел силой. Но я же спецпереселенец... Вот в чем моя беда и трагедия. Я знаю, на большие соревнования меня не пустят. Возраст-то солидный у меня».

Вскоре ему помогли переехать в город Кант Фрунзенской области и работу предоставили более достойную. Он стал начальником снабжения в артели «Красный пимокат». Через некоторое время переехал в Ворошиловский район той же области. Здесь тренером по вольной борьбе работал друг Игуменова Георгий Корнилов, который привлек Ксанаева к тренировкам прямо накануне чемпионата области 1950 года. Эрменби легко расправился с противниками на ковре. К тому времени слух о «балкарском медведе», добродушном силаче, прошел по всем областям Киргизии. Многие тренеры обратили внимание на атлетически сложного Ксанаева. Больше всего поражала сила его рук. Даже сильным борцам не удавалось уйти от неминуемого поражения. Соперники, испытывавшие на себе силу рук Ксанаева и знавшие его манеру ведения борьбы, не давали себя захватить. Вот тут-то и помог Корнилов: «Надо работать над техникой, чтобы избавить себя от необходимости вести борьбу в одной манере». И Ксанаев стал вдумчиво, по разумно составленной схеме, изучать проходы в ноги, «мельницы», броски через грудь, «ножницы» и «накаты». Все это отрабатывалось на каждой тренировке десятки и сотни раз. Неимоверная сила и приобретенная техника стали поражать все большее количество спортсменов. Уже в начале 50-х годов Эрменби был признан одним из сильнейших не только в Киргизии, но и во всей Средней Азии. Авторитетные газеты характеризовали его «грозным» и «непобедимым». В семейном архиве хранятся пожелтевшие от времени газеты «Ленинский путь», «Комсомолец Киргизии», «Ленинская молодежь», «Советская Киргизия», а также газеты Казахстана «Красное знамя» и «Павлодарская правда», в которых писали о победах Э. Ксанаева на ковре. Газета «Советская Киргизия» в 1952 году писала: «Среди тяжеловесов нет пока равных Э. Ксанаеву, борцу сильному и агрессивному на ковре. Он, в отличие от многих соперников, уже не обладает запасом молодости. Но в каждом его выходе на очередную схватку чувствуется недюжинная сила, уверенность в себе и безошибочные действия». Удачным было выступление Ксанаева на чемпионате Киргизской ССР в 1952 году в столице – городе Фрунзе. Среди 12 претендентов на чемпионский титул в тяжелом весе были опытные и именитые борцы: чемпион Киргизии Яков Жуков и два его сына – Сергей и Николай, Сергей Баранов, впоследствии чемпион СССР. Ксанаеву шел сороковой год! В первой схватке он победил Баранова, во втором туре

«сложил оружие» Палванов. Все ждали поединка Ксанаева с Жуковым. Стрелка секундомера едва начала свой путь, а Жуков был уже прижат лопатками к ковру. Старший сын Жукова обещал отцу взять реванш, но и его постигла участь отца.

Так Эрменби Ксанаев завоевал титул чемпиона Киргизии. Зрители полюбили уже немолодого балкарского силача. Всякий раз, когда на ковре выходил Эрменби, трибуны восхищенно ревели.

1953 год. Он тоже был счастливым для Ксанаева. Сорокалетний богатырь решил тряхнуть стариной. Это был очередной чемпионат Киргизии. Все девять соперников были повержены. Это была поразительная, феерическая серия побед, достойная самых высших похвал, которая принесла огромный авторитет победителю. В том же году Эрменби женился, забот прибавилось. Но он мечтал попасть на всесоюзные соревнования. Но тут была бессильна даже его богатырская сила. Обстоятельства были сильнее и выше чемпионов. С клеймом спецпереселенца рассчитывать на успех не приходилось...

Эрменби Ахматович одним из первых вернулся на родную землю в 1956 году. Правительство Киргизской ССР выделило отдельный железнодорожный вагон «для перевозки на родину вещей чемпиона республики по борьбе Э. Ксанаева». За спортивные заслуги его в том же году наградили ценным подарком – часами.

Его уважали не только за победы на ковре. Он был общительным, честным, добродушным человеком. «Дядя Саша» или «Эрмен» – так, просто и уважительно, называли Ксанаева. Неуклюжий и добродушный Эрменби остался в памяти людей и как большой юморист. Случай с его машиной стал уже практически анекдотом. Эрменби приобрел автомашину «Москвич», но был не очень умелым водителем. Не зная о том, что существует задняя скорость, он приподнимал машину за кузов и разворачивал таким оригинальным способом. В конце концов ему надоело возиться, и он решил продать машину. Новый владелец, уплатив деньги, развернулся на заднем ходу и выехал со двора. Изумленный Эрменби произнес: «Если б знал, что есть задний ход, ни за что бы не продал».

Вообще с этой машиной связано много курьезных случаев. Как-то Ксанаева остановил инспектор ГАИ и проверил исправность автомобиля. Оказалось, не работают тормоза. «Как ты едешь?» – удивился инспектор. «Вот так», – ответил Эрменби и продемонстрировал: разогнал машину и принялся тормозить ногой. Шокированный инспектор только махнул рукой.

Другой случай едва не стоил жизни семье. На крутом спуске Эрменби увидел своего зятя, остановил машину и вышел поговорить с ним. В это время машина покатила под гору, а в салоне находились его супруга Нальжан и двое маленьких детей. Эрменби догнал набирающую скорость машину, приподнял за кузов и крикнул жене: «Чего сидишь, выйди, подложи камень под колесо!»

Здесь, в Черекском районе, Ксанаев заведовал РайПО, был инструктором РК КПСС, управляющим заготконторой. Был очень хлебосольным

человеком. «Он редко садился за стол без друзей, соседей, – вспоминает его сын, – сам любил поесть и радовался, когда другие аппетитно ели». В 1959 году в республику приехал поэт Расул Гамзатов. Гостя повезли на Голубые озера, где делегацию встречал Эрменби. За короткое время они подружились и побратались, даже обменялись рубашками. На фотографии из семейного альбома они запечатлены вместе.

Последний свой рекорд Ксанаев побил, когда ему перевалило за 50. Друзья вызвали его на спор. Он отнекивался сначала, но потом все же продемонстрировал в очередной раз свою недюжинную силу. На двух крепких досках он должен был удержать шесть мешков сахара по 100 кг и четверых участников спора. Эрменби сделал три шага, спор был выигран!

Этому удивительному человеку судьба навязала неравные схватки. И не только на ковре. Он участвовал в рукопашных схватках и дерзких налетах на позиции фашистов, слыл отчаянным минометчиком и храбрейшим воином. В Средней Азии отсидел 15 суток за то, что съездил по физиономии коменданта, назвавшего его предателем. Вернувшись с фронта, он год не мог найти работу и перебивался случайными заработками. Было все – и горечь, и слава, и признание. Но он всегда оставался собой – юмористом, доброжелательным, мужественным человеком и оптимистом.

У Эрменби и Нальжан пятеро детей. Старший из сыновей Батыр пошел по стопам отца, стал известным борцом. Сегодня у Эрменби 15 внуков и 7 правнуков. Как бы он радовался им!

Его не стало в 1981 году. Именем достойного сына Кабардино-Балкарии и Киргизии благодарные земляки назвали улицу в родном поселке Кашхатау. Но нерукотворный памятник себе воздвиг он сам при жизни. В этом убеждаешься, когда слышишь слова: «Как сказал Эрменби...»

**Алексей БОРИСОВ,
Аслан УРУСБАМБЕТОВ**

Значимость нормальной анатомии человека в подготовке работников высшей квалификации

Анатомия человека является одной из фундаментальных наук медицинского образования и врачебного мышления, ибо строение человека в норме – исходная позиция для понимания патогенеза заболеваний, диагностики, профилактики и лечения. Целью и основными задачами изучения анатомии в процессе подготовки врачебных кадров являются:

1. Изучить строение тела человека, составляющих его систем и органов на основе современных достижений анатомии, физиологии и биологии.

2. Рассмотреть индивидуальные, половые и возрастные особенности организма, включая пренатальное развитие, анатоми-топографические взаимоотношения органов, их рентгеноанатомию, показать варианты изменчивости органов, пороки развития.

3. Выработать у студентов научное представление о взаимозависимости и единстве структуры и функций органов человека, их изменчивости в процессе онтогенеза и филогенеза, показать взаимосвязь организма в целом с изменяющимися условиями среды, влияние труда и социальных условий на развитие и строение организма.

4. Одновременно с приобретением знаний о строении органов, систем и организма в целом необходимо привить студентам умение хорошо ориентироваться в сложном строении тела человека, на себе (натурщике), свободно находить, определять положение и проекцию органов, а также разбираться в рентгенограммах. Иными словами, в процессе приобретения анатомических знаний, студент обязан овладеть комплексом практических навыков, которые будут ему необходимы в дальнейшей практической деятельности. Приведем для примера некоторые из них.

При изучении остеологии, артрологии и миологии студент должен овладеть навыками препарирования мышц.

При изучении черепа студент должен показывать на себе и на натурщике лобные и теменные бугры, сосцевидный отросток, наружный затылочный выступ, показывать проекцию родничков, угол и ветви нижней челюсти. На рентгенограммах показывать воздухоносные пазухи, турецкое седло, зубы и т.д.

При изучении костей и соединений туловища и конечностей показывать физиологические изгибы, ось лопатки, надколенник и т.д. Показывать структуры на рентгенограммах.

При изучении мышц студент должен научиться измерять анатомический и физиологический поперечники мышцы, показывать различные топографо-анатомические образования (например, треугольники шеи и

т.д.).

При изучении спланхнологии студент должен научиться показывать на себе (натурщике) области тела (надчревьё, чревьё, подчревьё) и проекцию органов брюшной полости в этих областях.

На рентгенограммах показывать сужения пищевода, формы желудка, тонкую и части толстой кишки, а также варианты положения червеобразного отростка.

При изучении дыхательной системы студент должен показывать выступ гортани, на рентгенограммах – левое и правое легкое, скелетотопию легких, париетальной плевры и т.д.

При изучении мочевой и половой систем уметь определять размеры почек, скелетотопию правой и левой почки, на рентгенограммах показывать контуры экскреторного дерева почек, варианты строения и сужения мочеточника, определять «рожавшую» и «не рожавшую» матку, а также аномалии развития матки (двуродая, двойная).

При изучении сердца и сосудов: студент должен определить скелетотопию сердца, уметь проецировать крупные кровеносные сосуды, а также регионарные лимфатические узлы.

Центральная и периферическая нервные системы. Очень важно знать проекцию спинного мозга на скелет при проведении спинномозговых пункций. Уметь показывать на черепе проекцию долей головного мозга и контуры желудочков. Проекционные линии крупных нервов: срединного, локтевого, лучевого, седалищного, бедренного. Области кожной иннервации верхней и нижней конечности. «Болевые» точки ветвей тройничного нерва. Таким образом, при подготовке студента к будущей врачебной деятельности необходимо сочетание приобретаемых знаний с овладением практическими навыками.

Другим, не менее важным принципом преподавания является профилирование преподавания анатомии на лечебном, санитарно-гигиеническом, педиатрическом и стоматологическом факультетах.

Успех преподавания анатомии в значительной степени зависит от того, насколько преподаватели младших курсов знают, что делается на соседних кафедрах. Поэтому для успеха преподавания анатомии совершенно необходима ее интеграция с биологией, гистологией, физиологией и с клиническими дисциплинами. Согласуются: с кафедрой биологии – на кафедре анатомии излагается развитие органов человека в онтогенезе и делается краткое сопоставление его в сравнительно-анатомическом плане с развитием позвоночных животных. На кафедре биологии детально изучается эволюционная теория. С кафедрой гистологии на кафедре анатомии человека кратко излагаются сведения о развитии органов (органогенез), а на кафедре гистологии детально преподается эмбриональное развитие тканей (гистогенез). С кафедрой физиологии на кафедре анатомии человека при преподавании органов, систем и аппаратов кратко формулируются основные их функции (функциональная анатомия), на кафедре физиологии детально изучаются все аспекты физиологии человека. Исходя из запросов и требований кафедр терапии, хирургии, акушерства и др. в преподавании анатомии человека делается акцент на вопросы, необходимые для этих клинических дисциплин.

Ирина КАРОВА

Нитраты опасны, но победимы

В последнее время все больше внимания уделяется проблеме нитратов, как с точки зрения их избытка в овощных и кормовых культурах, ухудшающего качество, так и в связи с изучением и оценкой различных факторов, влияющих на содержание нитратов в растениях.

Летом, конечно, на нашем столе большое место занимает растительная продукция как открытого, так и закрытого грунта. Большинство овощей, в том числе и листовые, а также бахчевые, плодовые культуры выращиваются арендаторами и огородниками-любителями. Но зачастую многие из них, хотя и слышали о проблеме нитратов, способных нанести вред организму, конкретными познаниями не обладают. Одно дело огородники-любители, которые занимаются выращиванием овощей и плодов на своих небольших приусадебных или дачных участках. Другое же – арендаторы, сельхозпредприятия, производящие растительную продукцию на больших площадях и снабжающих рынок всеми её видами. Нередко и те, и другие совершенно бесконтрольно используют удобрения. И – что вызывает наибольшую тревогу – при этом они не обращаются к специалистам, в частности, в нашу службу, где могут дать конкретную, квалифицированную помощь по этой серьезной проблеме. В эпоху колхозов нельзя было обойтись без агрохимслужбы, теперь же государство как бы стоит в стороне от процесса производства растительной продукции, и дело приняло несколько стихийный характер. Поэтому необходимы профессиональные разъяснения по основным аспектам нитратной проблемы в свете имеющихся научных данных. Качество сельскохозяйственной продукции оценивается по многим показателям, в том числе и по содержанию нитратов. Повышенное их содержание ухудшает качество продукции (уменьшается содержание витамина С и незаменимых аминокислот, изменяется состав микро- и макроэлементов, снижаются органолептические свойства), что оказывает отрицательное действие на организм человека. Избыток нитратов в растениях возникает тогда, когда они усваивают их в большем количестве, чем нужного органического вещества. Причины: высокие дозы азотных удобрений, слабая освещенность, несбалансированность минерального питания, уборка недозревшей продукции, видовые и сортовые особенности растений, а также другие факторы агротехнического и экологического характера, которых ученые насчитывают до двадцати. Причем многие из них неуправляемые. Рассмотрим основные из них. Содержание нитратов в первую очередь зависит от природы самих растений. Больше количество обычно накапливается в листьях и черенках, чем в плодах. Поэтому с зелеными культурами (салат, шпинат, укроп, петрушка, кинза, лук-перо и др.) в организм человека может попасть их больше, чем, например, с помидорами и яблоками. Много нитратов накапливается в корнеплодах (столовая свекла). Это объясняется относительно слабо идущими в них процессами синтеза белковых веществ. Растения с коротким периодом вегетации, как правило, накапливают нитратов больше, нежели позднеспелые. Так, при одинаковом количестве вносимых азотных удобрений, ранняя капуста содержит их в 2-3 раза больше.

Необходимо учитывать, что существенное влияние на содержание нитратов в продукции оказывают свойства самой почвы: чем богаче она гумусом и общим азотом, тем больше накапливается нитратов в корнеплодах. К примеру, корнеплоды, выращенные на дерновой супесчаной почве, имеющей 2, 03 процента гумуса, содержали в 1 кг сырой массы 160 мг нитратов, а на иловато-торфяной почве при террасной пойме 510 мг. На тяжелых почвах овощи накапливают нитратов больше, чем на легких. Это связано с более высокой поглотительной способностью почв с тяжелым механическим составом, которые обеспечивают растения азотом ещё длительное время после внесения удобрений.

Одним из существенных факторов, влияющих на накопление нитратов в продуктах растениеводства, являются количество применяемых азотных удобрений и способы их использования. Под овощи дозы азота не должны превышать 20 г/м². Сказывается и такой фактор, как несбалансированность минерального питания. В первую очередь это касается овощных культур, выращенных в условиях защищенного грунта, вследствие усиленного питания азотом и недостатком солнечной инсоляции в ранневесенний период. Почти все овощи, возделанные в теплицах, по сравнению с открытым грунтом, содержат в 2-12 раз больше нитратного азота. Следует уделить внимание поддержанию правильного соотношения элементов питания в почве, отчего происходит нарушение обмена веществ в растениях. Не надо заниматься односторонним увеличением азотных и фосфорных удобрений. Это приводит к повышенному накоплению нитратов в продукции. Фосфор и калий в составе полного удобрения снижают отрицательное действие азотных. Важны и сроки проведения азотных подкормок. Овощные плодовые и ягодные культуры интенсивно потребляют его до начала образования продуктивных органов. Затем использование азота растениями резко уменьшается. Поэтому более поздние (август-сентябрь) азотные подкормки кочанов, корнеплодов в период полной их спелости, удлиняют вегетацию растений, замедляют биосинтез сахаров и сухого вещества и тем самым способствуют повышенному накоплению нитратов. В этой связи азотные подкормки в открытом грунте прекращают за полтора-два месяца до уборки урожая (после 10-15 июля их лучше не вносить). Некоторое влияние оказывают и формы применяемых азотных удобрений. Установлено, что использование амидных и аммонийных форм (карбамид, сульфат аммония) ведет к несколько меньшему накоплению нитратов, чем при внесении селитр (аммиачная, калийная, натриевая). Исходя из этого, подкармливать растение лучше амидными или аммонийными формами. Амидная форма азота мочевины более безопасна, она разлагается в почве с образованием аммиака. Аммиачный азот поглощается растениями и включается в аминокислоты и белки без накопления нитратов, так как процессы разложения мочевины идут постепенно. В то же время в пасмурную погоду и при ослабленном биосинтезе, особенно в защищенном грунте, аммонийная форма удобрений может привести к отравлению растений аммиаком, поэтому лучше использовать нитратные формы.

Избыток нитратов в продукции можно получить и при чрезмерном удобрении почвы органикой. Поэтому сохранить урожай и снизить содержание нитратов позволяет совместное применение минеральных и органических удобрений. Уменьшение содержания нитратов при этом связано с тем, что органические удобрения обогащают почвы полезной микрофлю-

рой, которая временно поглощает лишний азот, стимулируя тем самым замедление процесса нитрификации в почве в начальный период развития растений. К факторам, влияющим на накопление нитратов овощами, относится густота стояния растений. В полевых опытах установлено, что больше всего это наблюдается в крупных корнеплодах моркови и свеклы. Загущение посевов в этих условиях приводит к преобладанию в урожае корнеплодов небольшого размера с низким содержанием нитратов.

На накопление нитратов в конечном продукте оказывает влияние и режим орошения овощных культур. Поддержание влажности на уровне 80-90% НВ (наименьшей влагоемкости) способствует более умеренному и равномерному азотному питанию растений, и тем самым снижению уровня нитратного азота. Немаловажное значение для профилактики накопления нитратов в растениях имеет применение микроэлементов. Так, недостаток в почве молибдена, железа, меди, ванадия, марганца, магния и серы тормозит утилизацию нитратного азота растениями. В настоящее время известно, что они ускоряют в растениях синтез аминокислот и белков, снижают содержание нитратов. Неблагоприятные для фотосинтеза климатические условия (длительная засуха при высокой температуре или похолодание при пасмурной погоде, заморозки) способствуют наиболее интенсивному накоплению нитратов. Словом, содержание нитратов в растительной продукции изменяется в широких пределах под влиянием различных факторов, порой не зависящих от нас. Чтобы предотвратить загрязнение окружающей среды, необходимо строго регулировать применение минеральных удобрений, иметь четкие технологии, соответствующие данному региону и почвенным условиям. Но рассчитывать на то, что везде будут правильно соблюдать разработанные рекомендации, трудно, поэтому необходим строгий повсеместный контроль за качеством сельскохозяйственной продукции. Проведение данной работы в республике возможно на лабораторию радиологии и химической токсикологии Государственной станции агрохимслужбы «Кабардино-Балкарская». Осуществляемая ею сертификация не позволяет реализацию продукции, содержащей нитраты в количествах, превышающих допустимые нормы.

Ежегодно в республике выборочно исследуется более 1000 растительных образцов, в ассортимент которых входят все овощи открытого и закрытого грунтов, картофель, плодовые и бахчевые культуры, а также корма. Результаты этих определений за последние 5 лет (2000-2004 гг.) показывают, что пока еще значительная часть обследованной продукции содержит повышенное количество азота-нитратов. При этом немалая доля загрязнений приходится на свеклу столовую, кабачки, лук репчатый и травяную муку. К сожалению, некоторые специалисты хозяйств, арендаторы мало обращаются к лаборатории, не используют её возможности. В настоящее время Государственная станция агрохимслужбы «Кабардино-Балкарская» в достаточной степени оснащена современными приборами, где быстро и качественно можно определить не только содержание нитратов, но и остатков других средств химизации и радионуклидов, долго живущих в почве, растительной продукции, кормах и воде. Так что приглашаем всех специалистов сельского хозяйства к сотрудничеству с нами. Государственная станция агрохимслужбы – квалифицированный помощник агрономов, зоотехников, арендаторов и всех остальных специалистов-практиков, занимающихся выращиванием растительной продукции.

Оюс АЙШАЕВ

Словно-поземельные отношения в пореформенной Балкарии XIX века

Со времен Гюльденштедта, известного исследователя Кавказа, посетившего этот край около 1773 г., все позднейшие путешественники по данному региону оставляли новые и новые материалы о языках, происхождении и истории здешних народностей. Имеются в виду труды академиков Клапрота, Розена, Броссе, Шифнера и др., посвященные вопросам этногенеза кавказских племен, их взаимоотношениям, материальной и духовной культуре, жизни и быту. Все это представляет для нас, потомков, особую научную ценность. Этнографическая информация, накопленная в XIX в., послужила источниковой базой настоящей статьи о словно-поземельных отношениях в пореформенной Балкарии. Популярный автор тех времен Ад. Берже в тифлисской типографии в 1858 г. издал «Краткий обзор горских племен на Кавказе». Основными источниками данного труда послужили отчеты, справки и записки офицеров Имперской армии, написанные в разное время и хранившиеся в архиве главного штаба войск на Кавказе, а также разные сочинения русских и иностранных писателей. Ад. Берже представил таблицу всех горских племен с их подразделениями и приблизительным обозначением численного состава каждого из племен, количества населенных пунктов и домов. Судя по его данным, в указанное время урусбиевцев (баксанцев – *О.А.*) насчитывалось 500, балкарцев (малкарцев – *О.А.*), чегемцев, хуламцев и безенгиевцев – 4450 душ. Урусбиевцы составляли одно общество и жили в верховьях реки Баксана, малкарцы или балкарцы делились на 4 общества: а) Балкарское, б) Чегемское, в) Хуламское и г) Безенгийское. Они жили в верховьях рек Чегема и Черека. Балкарцы всех 4-х обществ и урусбиевцы имели своих старшин, которые управляли ими посредством «мирских» сельских сходов. Население в основном занималось скотоводством, земледелием и садоводством.

В июле-августе 1881 г. начальник Межевого управления Терской области Михаил Заалович Кипиани совершил поездку в нагорную полосу Владикавказского и Нальчикского округов. Поездка преследовала цель: специально изучить поступавшие просьбы и жалобы местных жителей, разъяснить некоторые вопросы по спорным поземельным делам, собрать общие сведения о поземельных отношениях горцев, их жизни и быту.

Из 5 горских обществ самым крупным в то время было Балкарское общество. Оно располагалось на 81,809 десятинах земли, состояло из 18 небольших аулов и 537 дворов, включало в себя 5008 душ мужского и женского пола. По данным М.З. Кипиани², в 1881 г. общество выглядело следующим образом:

№	Названия аулов	Кол-во семей	Кол-во душ
1.	Мухол	62	579
2.	Тёбен-эль	16	164
3.	Мукуш	16	171
4.	Коспарты	50	466
5.	Жарашкы	7	72
6.	Зылгы	38	383
7.	Тёбен Чегет	17	163
8.	Огары Чегет	18	209
9.	Курнаят	13	107
10.	Шаурдат	33	337
11.	Сауту	30	280
12.	Фардык	31	295
13.	Чегет-эль	30	216
14.	Огары Шканы	42	336
15.	Тёбен Шканы	30	203
16.	Огары Кюнюм	43	386
17.	Тёбен Кюнюм	27	298
18.	Тура-Хабла	34	343
	ИТОГО:	537	5008

Из данной таблицы следует, что в Балкарском обществе семьи были многочисленными, в среднем состояли из 9,3 душ.

Земельный фонд полезных для хозяйства угодий включал в себя 4665 участков*, в том числе пахотных: первой категории – 1812, второй – 1094, покосных участков – 1649, пастбищных и выгонных – 85, лесных – 25 участков. В этом обществе 19 семей не владели никакими земельными угодьями; 11 семей имели по одному участку; 31 семья – по два; 125 семей – от трех до пяти; 199 семей владели от шести до десяти участками; 161 семья влялись хозяевами свыше десяти участков.

По данным сословно-поземельной комиссии, в пяти горских обществах 458 дворов вообще считались безземельными. Для наделения их земельными участками были образованы новые предгорные селения Кашхатау и Кенделен. Каждый двор в этих селах был наделен 10 десятинами, в Хасауте – 9,6 десятинами. Эти мероприятия царской админист-

* Один участок часто не превышал 0,2-0,5 дес.

рации позволили на время снять остроту проблемы безземелья.

Рассматривая сословно-поземельные отношения в пореформенной Балкарии в пяти ее горских обществах, необходимо отметить, что после отмены крепостного права основная часть земли Балкарского общества продолжала оставаться у Бекбия, Гиргока, Таусултана, Магомета, Казболата Абаевых, их братьев и родственников, а также у Мырзабека и Кучука Мисаковых, Хаджи-Мырзы Шаханова, Шаулуха и Магомета Жанхотовых с братьями, Кайтмырзы, Архота и Азнора Айдаболовых, Магомета Гериева с братьями, кара-киши Атту Мусукова, Элжорка Глашева с братьями.

Среднее состояние в обществе имели: Омар Биканов, Мисост Абаев, Омар и Тенгиз Шахановы, Исмаил Жангоразов, кара-киши: Бекмурза Гузов, Ишу Ногеров, Али Бозиев, Карамырза Темиржанов, Исхак Джабогов, Магомет Жангоразов.

Окруженные кольцом высоких горных хребтов Дых-тау, Кая-башы, Коргашинли-тау, Ак-кая, Безенгийское и Хуламское общества занимали площадь около 52,032 десятин, в том числе около 330 десятин пахотных, 34,745 десятин пастбищных земель. Около 16,957 десятин оставались под скалами, вечными ледниками и снегами.

Безенгийское общество включало в себя два аула: Безенги и Шики, в первом жили 79 семей, 580 человек, средняя семья состояла из 7,3 душ, во втором – 61 семья, 465 человек, на каждую семью приходилось по 7,6 душ.

Это общество имело в своем распоряжении 956 участков земли, в том числе 164 пахотных участка первой, 320 второй категории, 446 сенокосных и 26 лесных угодий.

Здесь 15 семей имели по одному участку, 22 – по 2, 35 – от трех до пяти, 40 – от шести до десяти, 28 семей имели свыше десяти участков. Основными земледержателями являлись: Муса, Даулет-Гери, Мырзакул Сююнчевы с братьями. Среднее состояние имели: Муса Анаев (кара-киши), Келемет Гасв, Каншау Хочуев.

Хуламское общество включало в себя 200 семей, 1828 человек. Средняя семья здесь состояла из 9 душ. Данное общество располагало 1883 участками, в числе которых было пахотных участков первой категории – 451, второй – 488, 936 покосных, 8 лесных и пастбищных угодий.

Здесь 18 семей не имели ни клочка земли, 6 семей имели по одному участку, 8 – по 2, 34 – от трех до пяти, 60 – от шести до десяти, 74 семьи имели свыше десяти участков.

В Хуламском обществе основная часть земли принадлежала Мимбулату и Жарахмату Шакмановым с их братьями, кара-киши Омару Жабову с братьями, вольноотпущеннику Карабашу Атабиеву.

В Безенгийском и Хуламском обществах на каждый двор приходилось по 102 десятины пастбищ, на каждого человека – по 12 десятин земли.

В сравнительно лучших условиях находилось Чегемское общество, которое занимало 82,212 десятин земли с хорошей растительностью. Оно имело больше покосов, пастбищ и пахотных земель на душу населения.

В состав Чегемского общества входили следующие аулы:

№	Название аулов	Кол-во семей	Кол-во душ
1.	Чегем	81	586
2	Кам	19	138
3	Тузлу	5	31
4	Думала	58	418
5	Ачы	17	139
6	Булунгу	80	514
7	Орсундак	25	196
8	Сусузла	11	76
9	Жуунгу	13	88
10	Тизги	3	18
11	Ак-Топрак	7	63
12	Бетирги	9	64
13	Кала	4	39
14	Кёк-Таш	15	121
15	Бикмилги	10	69
16	Гюдюргю	7	58
17	Мора	4	30
18	Биллим	11	91
	ИТОГО	380	2721

Как следует из данной таблицы, средняя семья в этом обществе состояла из 7 человек. Во владении общества находилось 2669 участков, в том числе пахотных первой категории – 1101, второй – 543, сенокосных – 945, лесных и пастбищных участков – 80.

В Чегемском обществе 12 семей были абсолютно безземельными, 53 семьи имели по 1 участку, 53 – по 2, 112 – от трех до пяти, 82 – от пяти до десяти, 66 семей владели более 10 участками. Основной частью земли здесь распоряжались Исхак и Иналук Малкаруковы, Муса и Кубий Баразбиевы с братьями, Сарбий-Хаджи, Баймырза и Аслан Кучуковы, Келемет, Хангерий, Мурзакул, Абу, Клычбий Келеметовы, кара-киши: Таусолтан Мамашев, Пшемахо и Мурзабек Ахметов с братьями. Средне состоятельными считались: Али с братьями, Омар, Саламгерий Малкаруковы, Солтан Кучуков, Омар Баразбиев, Жашау Мирзоев (кара-киши), Темир и Магомет Беккиевы, Беде Аккаев, Иналук Сатаев (чанка), Басиат и Келемет Эбулуевы, Ислам Гудуев (чанка), Корох Толгуев с братьями, Хажу Кулиев, Гиргока Газаев, 7 дворов Кудаевых, Картлык и Кукуй Тудуевы³. Основное население Чегемского общества имело мелкое земле-

владение.

Урусбиевское, или Баксанское общество, располагавшееся в верховьях р. Баксана, занимало ее бассейн с территорией около 112,707 десятин. Его восточную границу составлял хребет Гунхар, западную – снеговой хребет, соединявший Главный Кавказский хребет с горой Эльбрусом, северную – хребет Балык-башы или Ислам-чат, Алмалы-кая, р. Гижгид, южную – Главный Кавказский хребет, отделявший Баксанское ущелье от Сванетии.

Баксанское ущелье было беднейшим в нагорной полосе, малопригодным как для хлебопашества, так и для сенокосения. Это имел в виду М.З. Кипиани, когда писал: «Хлебопахотных мест в этом ущелье до того мало, что нужно удивляться, как пропитывается местное население».

Следует заметить, что в прошлом баксанцы занимались весьма выгодным ремеслом. Они добывали лучину, доставляли ее на равнину и обменивали там на просо и хлеб. Но со временем ввели лесничество, лес оказался под охраной, на добычу лучины был наложен запрет. Заниматься ее сбытом тоже стало невыгодно, так как появился фатаген (керосин), который пользовался большим спросом у равнинных жителей и вытеснил лучину с рынка. Таким образом горцы лишились своего занятия и одного из источников существования. Безработные, они вынуждены были оставлять свой горный край, уходить батрачить на равнину. Тут возникает вопрос: а как же с традиционным их занятием, скотоводством? В Урусбиевском обществе не все могли держать скотину, потому что нечем было ее кормить из-за отсутствия сенокосных угодий в ущелье среди суровых каменистых, крутых горных утесов. Оно располагало лишь сравнительно плохими пастбищами, да и тех было мало. Поэтому урусбиевцам приходилось перегонять скот через хребет Ислам-чат, содержать его все лето у подошвы горы Эльбруса, пасти по обеим сторонам Малки и Шаукама, на общественных пастбищах Большой Кабарды. Какими бы невероятно тяжелыми ни оказались жизненные условия, горцы не приходили в отчаяние. Они сохраняли в душе великую любовь к своей земле. Привязанность к ней у них была настолько сильна, что даже когда 58 семьям предложили переселиться в аул Хасаут с наделением каждой по 9,6 десятин пастбищ, они на это не согласились.

В рассматриваемый период Урусбиевское общество составляли аулы: Урусбиевский, или Баксанский, с количеством жителей 238 семей, 1897 человек, то есть по 7,5 душ в каждой семье; Куркужин (Гирхожан. – О.А.) – 30 семей, 283 человека. В целом общество состояло из 268 семей, 2180 человек, располагало 950 участками, в том числе: 547 пахотными первой категории, 1 пахотным участком второй категории, 335 покосными и 22 пастбищными зимовниками.

В пореформенный период в Урусбиевском обществе 76 семей были абсолютно безземельными, 26 имели по 1 участку, 32 – по 2, 73 – от 3 до 5, 51 – от 6 до 10, 7 семей владели свыше 10 участками.

В последнее десятилетие XIX в. в ауле Урусбиевых уже было 300 дворов, где жили 2500 человек. Они имели более 200 десятин пахотных и сенокосных земель. Вся пашня находилась в руках у собственников. Ее десятина стоила 1000 руб. Намного дешевле стоили сенокосные угодья, их десятина оценивалась в 50 руб. Продавать или перепродавать

пахотную землю в Урусбиевском обществе разрешалось только односельчанам или вступившим в общество по решению схода. Но купить ее мало кто мог, потому что она стоила очень дорого.

Поразительно и то, что, имея лишь 200 десятин пахотных и сенокосных земель, урусбиевцы держали более 5000 крупного, более 50000 мелкого рогатого скота, 2000 лошадей. Это характеризует высокую степень мастерства и навыков потомственных животноводов, их трудолюбие. Конечно, тут нельзя сбрасывать со счетов и то, что они пользовались общественными пастбищами Большой Кабарды. Это тоже немало значило.

Плоды труда исконных скотоводов оценивались следующим образом: обычная лошадь стоила от 30 до 50 руб., наилучшая лошадь – от 100 до 200 руб., крупный рогатый скот – от 10 до 20 руб., мелкий – от 2 до 5 руб., ягненок стоил от 75 коп. до 1 руб. 20 коп.⁴

Землевладение и сословно-поземельные отношения в пореформенной Балкарии XIX в. имели свои особенности, а именно:

1. В пяти горских обществах лица, владевшие крепостными, при их освобождении получили 2/3 движимого и недвижимого крестьянского имущества, вследствие чего они стали владельцами многочисленных участков.

2. Право собственности на пашни и сенокосные земли в пореформенный период исключительно сосредотачивалось в руках таубиев и небольшой части кара-кишей. Остальные сословия находились в зависимости от местных князей и их вассалов. В общем пользовании оставались только пастбища, расположенные на горных скатах и вершинах, непригодные для обработки.

3. Большую ценность представляли и очень дорого стоили участки, пригодные к обработке, их было весьма незначительное количество. Участок величиной в десятину продавали за 1000 и более руб. серебром или за 50 быков или коров⁵.

4. В рассматриваемый период особо крупной собственности у балкарцев не было. Поместья самых состоятельных из них от 600 квадратных сажен доходили до нескольких сот десятин.

5. В пяти горских обществах землей владели не более 700 дворов. Более 400 дворов из обедневших таубиев и других сословий были вовсе безземельными.

6. Отмена крепостного права не принесла освобождения балкарским крестьянам, они продолжали оставаться низшими, податными, зависимыми от своих таубиев.

7. Земельный голод в Балкарии не был ликвидирован после образования селений Кашхатау и Кенделен, а была лишь на время снята острота проблемы.

---

1. *Кипиани М.З.* От Казбека до Эльбруса. Путевые заметки о нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1884. С. 69.

2. Там же. С. 60.

3. Там же. С. 71-72.

4. *Тепцов В.Я.* По истокам Кубани и Терека (СМОМПК, Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 133).

5. *В. Миллер и М. Коалевский.* В горских обществах Кабарды. «Вестник Европы». Т. 2. Кн. 4. СПб., 1884. С. 581-582.

На пути к вершинам. <i>Очерк о Т. Глиवासове</i>	2
<i>К юбилею Фоусат Балкаровой</i>	3
<i>Магомет Кучинаев</i> . Большая Балкария. <i>Главы из романа</i>	11
<i>Азид Куантов</i> . Опаленное детство. <i>Главы из повести</i>	41
<i>Суфьян Жемухов</i> . <i>Стихи</i>	55
<i>Борис Кудаев</i> . Дневник военного переводчика. <i>Главы из повести</i>	58
<i>Наши юбиляры</i> . Магомет Батталович Геккиев.....	80
<i>Анатолий Алафаев</i> . <i>Стихи</i>	81
<i>Муса Албогачиев</i> . <i>Стихи</i>	86
<i>Алим Балкаров</i> . Реквием по нарисованной жизни. <i>Рассказ</i>	92
<i>Тамара Чаниева, Георгий Яропольский</i> . <i>Поэма-дуэт</i>	112
<i>Страницы памяти</i> . Лиуан Мухамедович Губжоков.....	124
<i>Олег Шварц</i> . <i>Стихи</i>	125
<i>Хыйса Османов</i> . Жизнь идет не спеша. Эльбрус – царь гор. <i>Эссе</i>	127
Материалы МОН КБР.....	135
<i>Рита Алокова</i> . О республиканском этапе Всероссийского конкурса.....	150
<i>Валерия Алафаева</i> . Переводы из Шекспира, Уайльда, Киплинга..	153
<i>Анзор Сарбаиев</i> . <i>Стихи</i>	156
<i>Жаухар Аппаева</i> . Приговорен судьбой. <i>Очерк</i>	158
<i>Фатима Узденова</i> . Ее стихи – это песни сердца. <i>Статья</i>	163
<i>Тазал Машуков</i> . О футболе и патриотизме. <i>Обзор</i>	169
<i>Мадина Ахматова</i> . О творческой концепции А. Шогенцукова.. <i>Статья</i>	171
<i>Жиляби Калмыков</i> . Ислам и традиционная культура.. <i>Статья</i> ..	177
<i>Хусен Гедгафов</i> . Пословицы и поговорки адыгов.....	182
<i>Самитдин Теммиев</i> . Ошибки и просчеты... <i>Статья</i>	187
<i>Мухтар Боттаев</i> . Первый среди переселенцев. <i>Очерк</i>	192
<i>Алексей Борисов, Аслан Урусбамбетов</i> . Значимость нормальной анатомии... <i>Статья</i>	196
<i>Ирина Карова</i> . Нитраты опасны, но победимы. <i>Статья</i>	198
<i>Оюс Айшаев</i> . Сословно-пореформенные отношения... <i>Статья</i> ...201	

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
№ Н-0150 от 16.12.98
Подписной индекс 78452

Технические редактор, компьютерная верстка *М.Н. Харламова*

Подписано в печать 26.01.07. Формат 60х901 /16. Бумага газетная.
Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. п.л. 13. Уч.-изд. л.11.

Тираж 2000 экз. Заказ № 12

36000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5. тел.: 47-74-02, 42-75-22

Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редколлегии. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением дискеты и личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).